
ОГОНЁК
№ 35 АВГУСТ 1953
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Молодежно-комсомольская бригада Андрея Реуцкого шахты имени ОГПУ комбината «Ростовуголь».

Фото В. Кузьмина.

На первой странице обложки: Заслуженная учительница школы РСФСР, депутат Верховного Совета РСФСР Валентина Вячеславовна Лаптева (Лебедянь, Рязанская область).

Фото М. Савина.

На последней странице обложки: «И я буду шахтером!..» Почетный шахтер Д. А. Нестеренко с сыном Гришей. (Шахта имени Орджоникидзе треста «Куйбышевуголь» Кемеровской области.)

Фото Я. Рюмкина.

ОГОНЁК № 35 (1368) 30 АВГУСТА 1953

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

31-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

СНОВА ЗА УЧЕНИЕ!

Канун нового учебного года... Хороши последние августовские дни, заключительные дни летних каникул! Юноши и девушки, студенты и школьники радуются предстоящей встрече с друзьями в классах, студенческих аудиториях, мастерских ремесленных училищ.

Хорошо отдохнула в этом году наша детвора. Свыше двух с половиной миллионов ребят побывало в загородных пионерских лагерях. Сотни тысяч детей интересно, с пользой для своего здоровья провели каникулы в лагерях, созданных в городах.

Путешествия по стране и по родному краю, туристские походы обогатили молодежь новыми знаниями, развили в них смелость, находчивость, умение преодолевать трудности.

Вместе со школьниками и студентами в аудитории и классы придут профессора и преподаватели. Об их отдыхе особо заботятся в нашей стране. Три десятка здравниц, разбросанных по всему Советскому Союзу, специально обслуживают преподавателей средних школ. Пятьсот тысяч учителей побывали за летние каникулы на экскурсиях в Москве, Ленинграде, Риге, Ялте, Куйбышеве, Сталинграде, Мичуринске и других городах.

Закончившаяся недавно сессия Верховного Совета СССР утвердила ассигнования на мероприятия по просвещению и культуре на 1953 год в сумме свыше 62 миллиардов рублей.

Ближайшей целью становится завершение к концу пятилетки перехода от семилетнего ко всеобщему среднему образованию в столицах республик, городах республиканского подчинения, областных, краевых и крупнейших промышленных центрах.

Количество учащихся в начальных, семилетних и средних школах в 1953 году возрастает на 900 тысяч человек.

1 527 тысяч студентов!

1 548 тысяч учащихся техникумов!

О таком размахе всеобщего обучения не могут даже мечтать ни в одной капиталистической стране мира.

На юге и дальнем севере, в центральных областях России и на Сахалине завершается строительство учебных заведений. Начинаются занятия в новом здании Московского государственного университета.

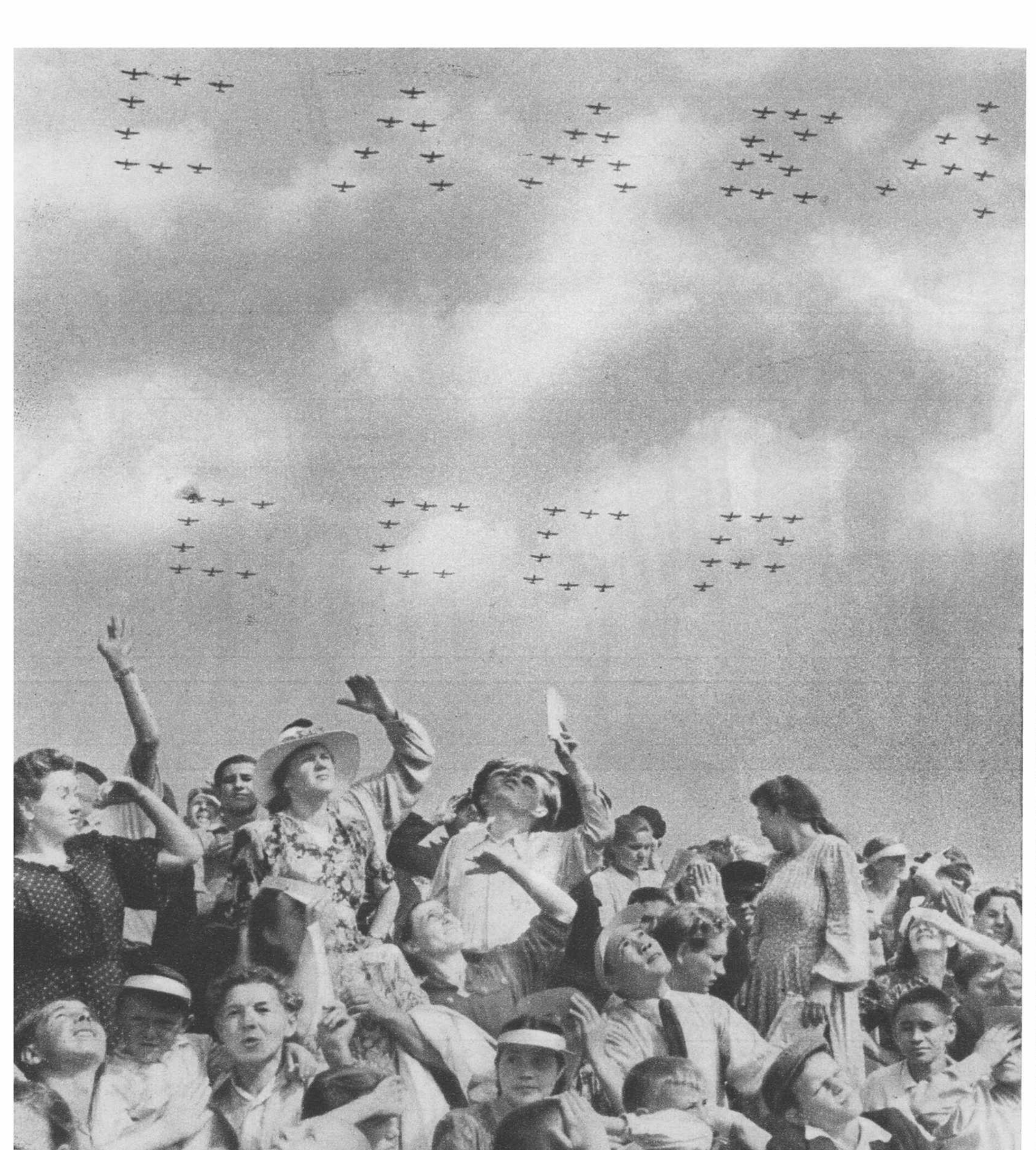
Последний костер. Московская область, 43-й километр, пионерский лагерь фабрики «Освобожденный труд».

Фото И. Тункеля.

Товарищи **С. М. Буденный, В. Д. Соколовский, П. Ф. Жигарев, Н. Г. Кузнецов, К. Е. Ворошилов, Н. А. Булганин, В. М. Молотов, Г. М. Маленков, Н. С. Хрущев, Л. М. Каганович, А. И. Микоян, М. З. Сабуров, М. Г. Первухин, Н. М. Шверник, М. А. Суслов, П. К. Пономаренко, Н. Н. Шаталин** и **П. Н. Поспелов** на воздушном параде. Тушино, 23 августа 1953 года.

Фото А. Батанова. (ТАСС).

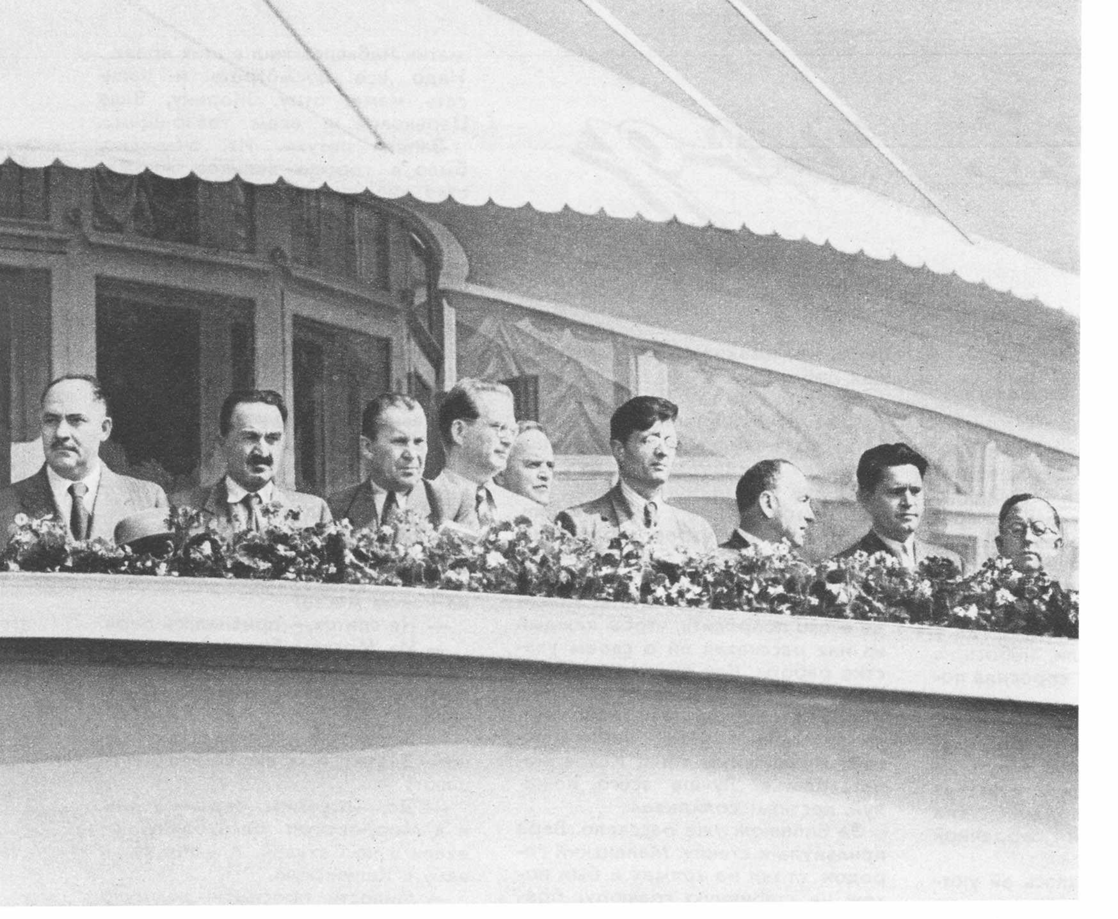
Воздушный парад в Москве

Сотни тысяч москвичей и гостей столицы побывали в минувшее воскресенье на Тушинском аэродроме, где состоялся воздушный парад. Среди присутствующих — представители зарубежных стран, в том числе участники IV Всемирного фестиваля молодежи и студентов за мир и дружбу в Бухаресте.

На трибуну празднично украшенного здания Центрального аэроклуба СССР имени В. П. Чкалова поднимаются товарищи Г. М. Маленков, В. М. Молотов, Н. С. Хрущев, К. Е. Ворошилов, Н. А. Булганин, Л. М. Каганович, А. И. Микоян, М. З. Сабуров, М. Г. Первухин, Н. М. Шверник, М. А. Суслов, П. К. Пономаренко, П. Н. Поспелов, Н. Н. Шаталин, Маршал Советского Сою-

за В. Д. Соколовский, адмирал флота Н. Г. Кузнецов, Маршал Советского Союза С. М. Буденный, маршал авиации П. Ф. Жигарев, маршал авиации К. А. Вершинин и другие. Присутствующие встречают их бурными аплодисментами.

В 12 часов открывается праздник. В торжественном строю проплывают самолеты-знаменосцы. Над ведущей машиной реет стяг с портретами нашего отца и учителя гениального Ленина и продолжателя его дела великого Сталина. Вслед за тем шестнадцать самолетов проносят государственные флаги советских социалистических республик.

Новая группа в составе 75 самолетов образует в небе слова **«Слава СССР»**.

Спортивные самолеты и планеры, ведомые опытными летчиками и молодыми пилотами, демонстрируют искусство высшего пилотажа.

Второе — военное — отделение воздушного парада открылось индивидуальным пилотажем, выполненным майором Лапшиным на реактивном самолете. Затем изумительное мастерство группового высшего пилотажа на реактивных самолетах показывают тройка, пятерка и девятка реактивных истребителей.

Достижения славной военной авиации вызывают чувство восторга и гордости у всех советских людей.

В третьем отделении парада показали высокую выучку воздушные десантники. Апофеозом воздушного праздника явился массовый парашютный десант — сотни шелковых куполов, переливающихся всеми цветами радуги, заполнили все пространство между небом и землей.

Воздушный парад на Тушинском аэродроме продемонстрировал новые успехи Воздушного Флота СССР и советских летчиков в выполнении задач, поставленных перед нашей авиацией Коммунистической партией и Советским Правительством.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В МОСКВЕ

20—22 августа в Москве происходили переговоры между Советским Правительством и Правительственной Делегацией Германской Демократической Республики. В результате их достигнуто полное соглашение в том, что должно быть устранено ненормальное положение, при котором Германия по истечении восьми лет с момента окончания войны в Европе не имеет мирного договора, расколота на западную и восточную части и занимает неравноправное положение в отношении других государств.

Стороны подписали Протокол о прекращении взимания германских репараций и о других мерах по облегчению финансово-экономических обязательств Германской Демократической Республики, связанных с последствиями войны.

Решением Советского Правительства предусматривается прекращение с 1 января 1954 года взимания репараций с Германской Демократической Республики; безвозмездная передача в собственность ГДР находящихся в Германии советских предприятий; сокращение размеров расходов ГДР, связанных с пребыванием советских войск на ее территории, до суммы, не превышающей 5 процентов к доходам государственного бюджета Германской Демократической Республики. Советское Правительство освободило ГДР от уплаты задолженности по внешним оккупационным расходам, которая образовалась после 1945 года. Советское Правительство заявило, что Германия свободна от уплаты Советскому Союзу государственных послевоенных долгов.

Было также достигнуто соглашение и по некоторым другим вопросам, касающимся укрепления и развития экономического, культурного и научно-технического сотрудничества между Советским Союзом и ГДР.

Значительной помощью в деле развития народного хозяйства ГДР явятся предусмотренные соглашением дополнительные поставки советских товаров в Германскую Демократическую Республику. Советское Правительство предоставило ГДР на льготных условиях кредит в сумме 485 млн. рублей.

Итоги переговоров между Советским Правительством и Правительством ГДР встречены полным одобрением народами Германии и Советского Союза, всеми миролюбивыми народами. Они являются крупным вкладом в борьбу за мир во всем мире.

Подписание Протокола о прекращении взимания германских репараций и о других мерах по облегчению финансово-экономических обязательств Германской Демократической Республики, связанных с последствиями войны. Подписывает Протокол **В. М. Молотов.** На снимке (слева направо): Премьер-Министр Германской Демократической Республики **О. Гротеволь, Г. М. Маленков, К. Е. Ворошилов, Н. С. Хрущев, Н. А. Булганин, А. И. Микоян, Л. М. Каганович**, Заместитель Премьер-Министра **В. Ульбрихт**, Заместитель Премьер-Министра и Министр финансов **Г. Лох**, Заместитель Премьер-Министра **О. Нушке**, Заместитель Премьер-Министра и Министр строительства **Л. Больц**, Министр металлургической и горнорудной промышленности **Ф. Зельбманн**, Председатель Государственной Плановой Комиссии **Б. Лейшнер**, глава Дипломатической Миссии ГДР в Москве посол **Р. Аппельт** и др.

Фото А. Батанова (ТАСС).

Первый год

Елена КОНОНЕНКО

Рисунки Д. Виницкого.

1

Поезд пришел ночью. Вера Приходько вышла из вагона. Станция показалась ей маленькой и очень неуютной. Она и была маленькая, очень скромная, эта станция Балабаново. В темную сентябрьскую ночь она и впрямь глядела исподлобья. Поезд ушел очень быстро, через две — три минуты. И с ним ушло все, что было пережито до этого мгновенья: прощание с доброй семейной столовой, в которой по вечерам все вместе — Вера, мама, отец, братишка Жорик — пили чай, читали книжки; шумные аудитории медицинского института, подруги и товарищи-студенты...

Начиналась новая страница вериной жизни, взрослой, трудовой жизни — той, ради которой она несколько лет изучала толстые книги, работала в анатомичке, сдавала экзамены, проходила практику в больницах...

Где же, однако, этот самый город Боровск и как туда добраться? Темнота-то какая!

Она услышала торопливые шаги: к ней направлялись две женщины. У одной из них в руках были цветы.

— Вы не на санитарную станцию? — спросила, подойдя, молодая женщина с букетом.

— Да! — обрадовалась Вера. — Я в Боровск... на санитарно-эпидемиологическую станцию...

— Вера Григорьевна Приходько? — спросила та, что постарше.

— Да, да! — еще больше обрадовалась Вера, невольно поеживаясь от слова «Григорьевна»: так назвали ее впервые.

— Здравствуйте, Вера Григорьевна! С приездом! А мы вас встречаем. Нам из Калуги сообщили. Мы ведь давно без главного врача. Здравствуйте, — защебетала девушка, неловко протягивая Вере растрепанные, мокрые от ночной росы цветы.

— Тамара, бери чемодан! Где у вас еще вещи? Устали, небось, в дороге? — заботливо спросила пожилая женщина.

— Нет, ничуть не устала! Вещи в багаже. Спасибо. Это я сама, сама! Ну, что вы, я сама... Ничуть не устала... — ответила Вера, чувствуя необыкновенный прилив сил от этой нежданной сердечной встречи.

И станция уже казалась ей уютной.

— Пошли к машине, Вера Григорьевна!

...Жилье еще не было готово, и Вера ночевала в гостинице — маленьком бревенчатом доме с широкими сенями и совсем деревенским крыльцом, на котором, словно страж, стоял роскошный разноцветный петух.

Не спалось. Хотелось, чтобы скорей пришло утро, и вместе с тем было боязно, что оно придет скоро: главный санитарный врач города Боровска Вера Григорьевна Приходько примет санитарную станцию. Собственно, и принимать-то ее не у кого. В городе уже давно нет главного санитарного врача, и на станции надо многое налаживать и создавать заново — так сказали ей встретившие ее помощники эпидемиолога Лидия Сергеевна и Тамара... Как это все будет? С чего она начнет? Она так хотела быть врачом-лечебником! Надо же, именно ей досталась такая работа!

Еще по дороге она узнала, что под ее руководством будут работать врач-эпидемиолог, три помощника эпидемиолога, два помощника санитарного врача, два инструктора по дезинфекции, шесть дезинфекторов, лаборантка, две санитарки, два бонификатора, медстатистик, завхоз и конюх... Целый штат! С чего начать? Прежде всего попросить, чтобы каждый из них рассказал ей о своем участке работы. Как они ее встретят? Вдруг она им покажется слишком молодой, робкой или, наоборот, самоуверенной? Надо найти нужный, правильный тон... Какое надеть платье? Лучше всего, пожалуй, костюм: солиднее...

За окошком уже рассвело. Вера прильнула к стеклу. Маленький городок стоял на холмах и был похож на старинную гравюру: бревенчатые домики, церкви, много церквей. Лидия Сергеевна и Тамара сказали, что в Боровске было четырнадцать или пятнадцать церквей. Интересный городок. Древний. Оказывается, он известен с тринадцатого века.

Вера с любопытством взглянула на площадь.

Сюда, как рассказывала Тамара, привезли боярыню Морозову. Она была староверкой... Ее заключили в подземную тюрьму, и она там умерла с голоду...

А в 1812 году здесь был Наполеон. Штаб его помещался на Успенской улице, в доме купца Большакова... Сейчас это улица Ленина.

Вера улыбнулась. Интересно все же! В какой старинный городок привела ее судьба! Тамара сказала, здесь и Циолковский жил, целых тринадцать лет учительствовал. И знаменитый русский математик Чебышев жил в этих краях... Надо все посмотреть и написать маме, отцу, Жорику, Вале Царьковой и всем товарищам...

Запели петухи. Их, очевидно, было в городе великое множество: они кукарекали со всех сторон, и совсем близко и далеко, перекликались, чуть умолкали и снова начинали петь, оглашая спящий еще городок задорными своими голосами. Таких горластых петухов Вера еще никогда не встречала. Ей стало весело. «Боровские петухи приветствуют главного санитарного врача Веру Григорьевну Приходько», — подумала она с улыбкой и пошла в сени умываться.

— Сюда пожалуйте, доктор, — приветливо сказала женщина.

«Доктор»! Это звучало удивительно и... приятно.

— Что рано встали? Не спится на новом месте?

— Не спится, — призналась Вера.

— Из Москвы будете?

— Нет, я из Краснодара. Кубанский медицинский институт окончила.

— Вот как! — удивилась женщина. — Значит, и от вас во все места шлют?

— Да, — ответила Вера. — У нас и в Мордовскую республику поехали и на Сахалин. А меня вот к вам, в Калужскую.

— Милости просим! — радушно заулыбалась женщина. — Вы от каких болезней лечите?

— От всяких, — краснея, сказала Вера. — Наш институт выпускает врачей широкого профиля. Понимаете, — чтобы можно было оказать помощь каждому больному. Только к вам меня назначили главным санитарным врачом города и района...

2

...Это было всего лишь одиннадцать месяцев назад, в сентябре 1952 года.

Много может сделать молодой человек за одиннадцать месяцев, если только он любит свое дело. Куда бы ни послали работать этого человека, ему будет и весело и интересно, он найдет применение своей творческой энергии, знаниям и почувствует большое моральное удовлетворение.

Веру Приходько знает уже сейчас и весь город Боровск и весь район.

Вот маленькая сценка, которая сразу показала, и как относятся к Вере и как она себя чувствует в роли главного санитарного врача.

Идем по веселой зеленой улице.

— Значит, вам нравится наш Боровск? — спрашивает девушка. — Да, здесь удивительно своеобразные окрестности. А вы обратили внимание, какая прозрачная вода в Пратве? Все камешки видны...

Река Пратва опоясывает городок широкой светлой лентой.

— А бор какой чудесный! Я живу у самого бора. Так смолой пахнет! И целые поляны ландышей. Фиалки тоже очень красивые. У нас, на Кубани, нет таких крупных фиалок...

Гляжу на ее загорелые, обветренные щеки, смеющиеся карие глаза. Глаза у нее большие, яркие; они очень красят ее.

Навстречу мчится легковая машина и вдруг резко останавливается. Из машины вылезает человек, машет руками и бежит к моей молодой спутнице.

— Вера Григорьевна! Вера Григорьевна! Постойте! — кричит он.

Останавливаемся.

Вера Григорьевна Приходько в лаборатории.

— Ух! — Человек утирает пот со лба.— Повезло мне — встретил вас. А то ведь вы, как метеор... Доктор, голубушка, разрешите строить засолочный пункт там, где наметили. Не найдем мы другого места!..

— Нет, не выйдет, товарищ инженер. Не выйдет. Не будем об этом больше говорить. Вы сами это прекрасно понимаете. Уговаривать меня бессмысленно.

Она говорит негромко, но весьма твердо.

— Значит, категорически? — разочарованно спрашивает инженер.

— Категорически.

Инженер откланялся и снова сел в машину.

Вера объясняет, посмеиваясь:

— Засолочный пункт решили построить, а я не согласилась с выбором места. Не хотят думать о здоровье людей...

— И приходится воевать?

— Приходится. Еще как. Сначала было очень трудно. А сейчас они начинают уже понимать, что с требованиями нашей станции надо считаться. Мы ведь не из каприза. В интересах здоровья людей действуем... Как-то крепко сцепилась я с райпотребсоюзом. Представляете, решили открыть цех безалкогольных напитков в центре города, там, где самая скученность... Я запретила. Председатель райпотребсоюза ходил жаловаться и в райисполком и в райком. И грозили мне и уговаривали — я не сдалась. Потом вместе с председателем райисполкома поехали, и тот, конечно, убедился, что действительно нельзя здесь открыть этот цех... Поддержал меня.

— Куда вы сейчас идете?

— В городскую хлебопекарню.

— Можно с вами?

— Пожалуйста. Только вам это, может, мелочью покажется. А из таких вот мелочей жизнь складывается. Представляете, пекарня была в совершенно неприглядном состоянии. Пришлось повозиться. Сейчас уже много сделано, но еще не все. Ведь это же очень важно, чтобы там, где пекут хлеб, была чистота... А перевозили-то его как! Словно это не хлеб, а дрова, честное слово. Ну, хлебных фургонов мы от райторга все-таки добились. Почему хлебные фургоны должны быть только, положим, в Москве или у нас, в Краснодаре?! Теперь и в Боровске появились фургоны. Осталось еще сделать два или три фургона для села. А вот к лоткам еще не могу приучить: кладут хлеб на руки — и все тут! Да мы, мол, всегда так... Мало ли что всегда!

Входим во двор пекарни. Вкусно пахнет горячим ржаным и пшеничным хлебом. Только что нагрузили голубой фургончик с надписью «Хлеб», установленный на крестьянской телеге. Лошадь, пофыркивая, трогается.

— Опять без лотка грузили! — возмущается Вера.— Где инженер? Позовите Сергея Яковлевича! — просит она пекаря, выглянувшего во двор.— Скажите, Приходько просит...

Появляется рослый, широкоплечий добродушный юноша в белом халате. Это инженер-технолог хлебопекарни. Он тоже, как и Вера, недавно окончил институт.

— Приветствую! — говорит он, обаятельно улыбаясь. У него голубые веселые глаза, белые, как сахар, зубы.— С хорошей погодой, Вера Григорьевна!

— Погода хорошая, Сергей Яковлевич, а вы вот до сих пор позволяете грузить хлеб без лотков.

Вера хмурит брови. Она не расположена любезничать.

— Да я сколько раз говорил им... — смущенно оправдывается молодой технолог.

— Не говорить надо, а делать.

— Что же мне, фургон без хлеба назад отправлять?

— Да! Разок — другой отправите без хлеба — будут приезжать с лотками.

— Пожалуй, так и сделаю.

— Так и сделайте, Сергей Яковлевич... Дайте нам, пожалуйста, халаты.

Облачаемся в белые халаты и входим в пекарню, которая наполовину уже чистая и белая, а наполовину черная. Вера ходит по цехам пекарни, как хорошая хозяйка по своей квартире. Заглядывает в огромные дежи с тестом, осматривает стеллажи, берет нож и ловко режет один за другим три хлеба.

— Закал, Сергей Яковлевич,— говорит она, неодобрительно качая головой. — Подойдите, пожалуйста, сюда, девушка...

К ней подходит работница.

— Почему такой хлеб не бракуете? Надо браковать.

Хожу за Верой, удивляюсь и радуюсь и ее спокойной решительности, и ее зоркости, и обстоятельности. Никак не верится, что эта девушка совсем недавно окончила институт.

Вера проверяет санитарные книжки пекарей, некоторые откладывает в сторону.

— Сергей Яковлевич! Вот эти книжки я забираю с собой. Проследите, чтобы товарищи не позже как через два дня пришли на медосмотр. Имейте в виду, Сергей Яковлевич, иначе я не допущу их к работе. Это же хлеб, а не кирпичи...

3

В девять часов утра ежедневно на станции начинается так называемая «пятиминутка». Сотрудники по очереди докладывают главному врачу, что сделали вчера и что будут делать сегодня.

— Начинаем, товарищи. Прошу вас, Нина Ивановна,— говорит Вера.

Нина Ивановна Соболева, врач-эпидемиолог, докладывает:

— Заболел ребенок на хуторе Дегтяревка дифтеритным круппом. Ребенок уже госпитализирован. Но сегодня надо выехать и у всех детей взять мазки на бациллоношение. Там восемнадцать детей...

— Сыворотка готова?.. Кого посылаете? — коротко спрашивает Вера.

Нина Ивановна продолжает докладывать.

— Прошу вас, Нина Ивановна, выехать в деревню Курчино. Там скарлатина. Надо выявить источник заболевания,— говорит Вера.

— Хорошо, Вера Григорьевна, я так и думала. А Лидия Сергеевна поедет в Балабаново: есть и оттуда сигнал...

...Профилактика, предупреждение заболеваний, — это главное, чем занимается станция, которой руководит Вера Приходько. Ей надо держать в поле зрения и местные промышленные предприятия, и совхозы, артели, молочные заводы, фермы, сливные пункты; все детские учреждения города и района — все школы, детские дома, сады, ясли, пионерские лагери; все столовые, магазины, электростанции, систему водоснабжения.

Первое время у девушки кружилась голова от такого обилия и разнообразия объектов. Не приходилось ей в студенческие годы сталкиваться ни с пекарнями, ни с коровниками, ни с текстильными фабриками. Вера раздобыла книжки и по текстилю, и по водоснабжению, и даже по животноводству. Стала зорко приглядываться ко всему, что ее окружает, не стеснялась спрашивать. И работать стало легче. Легче подмечать то, на чем должна она сосредоточить внимание как медик...

Работы множество. Здесь, например, не было паспортов о санитарном состоянии фабрик. Вера и другие работники станции обследовали все предприятия, все цехи и составили паспорта.

В одной начальной школе был темный класс. Ученики сидели спиной к окнам. Выяснилось, что у ребятишек, которые занимались в этом классе, пониженное зрение. Вера запретила проводить тут занятия и настояла на том, чтобы прорубили еще одно окно и изменили положение парт. Так и сделали.

— ...Вам скучно все это слушать? — чуть заметно смущаясь, говорит Вера.

— Нет, не скучно! Ведь это и есть продление человеческой жизни!

Разговор с Верой происходил в ее комнате в домике на опушке соснового бора. Она мне показывала свой диплом, альбом с фотографиями однокурсников и профессоров, показывала свои книги. Она абонент Московской областной библиотеки. Делает через свою местную библиотеку заказ в Москву, и ей бесплатно высылают на определенный срок медицинскую литературу. Выписывает Вера газету «Медицинский работник», журналы «Октябрь», «Знамя».

— То ли потому, что я у самого бора живу, то ли потому, что у меня книжек много, но ко мне часто приходят здешние молодые врачи. Мы в лес ходим гулять, песни поем, книжки вслух читаем. Раз в месяц у нас в городе бывает патолого-анатомическая конференция. Все врачи собираются, обсуждаем различные случаи из практики. Каждую пятницу при городской больнице научные конференции. В общем интересно. В воскресенье в бору будет «Праздник песни». Все пойдем... Оставайтесь, увидите, какая у нас веселая молодежь!

...С удовольствием гляжу я на раскрасневшееся лицо Веры, в ее глаза, полные радости.

Курорт «Солнце»

На берегу Геленджикской бухты, у подножья отрогов Кавказского хребта, раскинулся чудесный парк. Многолетние дубы, сосны, клены, акации растут здесь целыми рощами, а среди них приютились надежно укрытые от горячего солнца красивые домики. Домиков много: они тянутся вдоль берега на два километра.

В сорокагектарном парке разместился учительский курортный городок «Солнце». В санатории, доме отдыха и детской здравнице ежемесячно лечится и отдыхает свыше 800 учителей и их детей.

В нынешнем году здесь побывали учителя двадцати пяти национальностей: русские, якуты, эстонцы, чуваши, литовцы, удмурты, карелы...

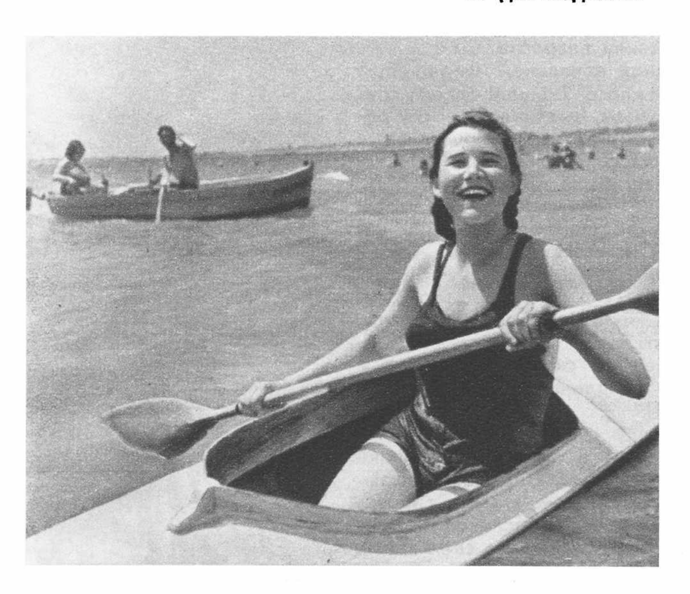
Учитель математики якут Афанасий Николаевич Игнатьев впервые на Черноморье. Он прибыл сюда из поселка Покровска, Орджоникидзевского района, Якутской АССР. Это в 80 километрах от Якутска. Афанасий Николаевич раньше не видел моря. На селекционной станции в Покровске есть плодовые деревья, но таких, которые растут на юге, ему не приходилось встречать.

Мария Дмитриевна Сорокина учительствует в селе Рождественском, Ивановского района, Костромской области. Нынешним летом она впервые за долгое время сумела поехать на курорт. До этого ей несколько лет подряд приходилось во время отпуска сдавать зачеты и экзамены в Ярославском педагогическом институте, где она училась заочно. Теперь государственные экзамены позади, получен диплом, и вот она на юге.

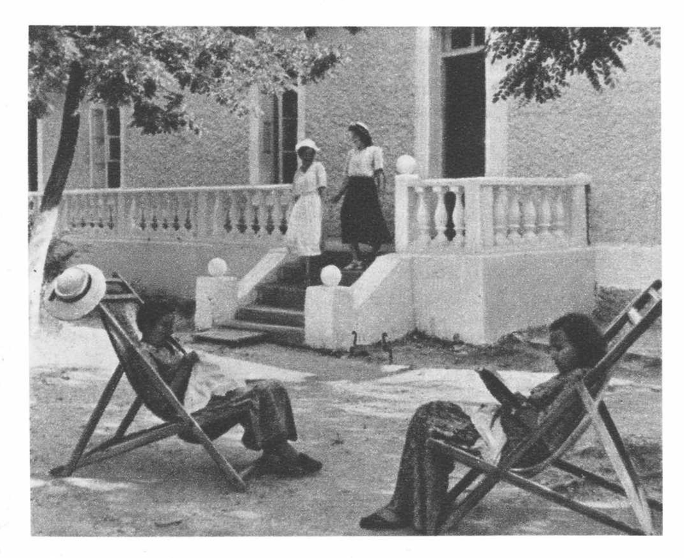
У преподавателя математики школы № 2 города Нальчика Михаила Михайловича Чухина есть своя страсть — удить рыбу. В поезде Михаил Михайлович немного загрустил, думая, что в санатории ему не придется рыбачить. Но грусть была преждевременной. Здесь есть все для рыбаков-любителей. В свободные от процедур часы он с увлечением следил за поплавком. Вместе с ним рыбачил и Николай Тимофеевич Доркин из Пензенской области.

В санатории создана большая лечебная база: кабинеты физиотерапии и массажа, ингаляторий, грязелечебница, водолечебница. Отдыхающие ежедневно принимают здесь до тысячи различных процедур. Большая группа медицинских работников ведет систематическое наблюдение за больными.

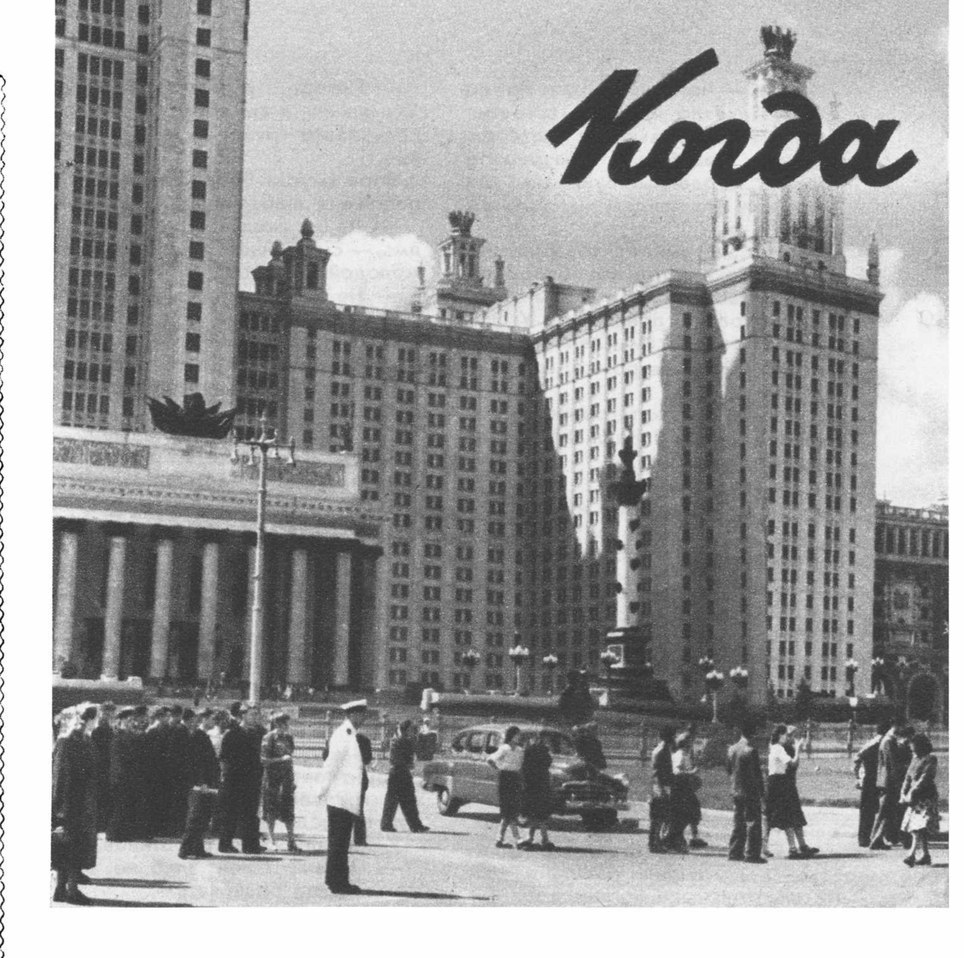
В. ДАРМОДЕХИН

Учительница М. Д. Сорокина.

Учителя расположились на отдых перед своим домиком.
Фото О. Кнорринга.

Когда

Е. РЯБЧИКОВ

Фото А. ГОСТЕВА.

Вот он, университет!

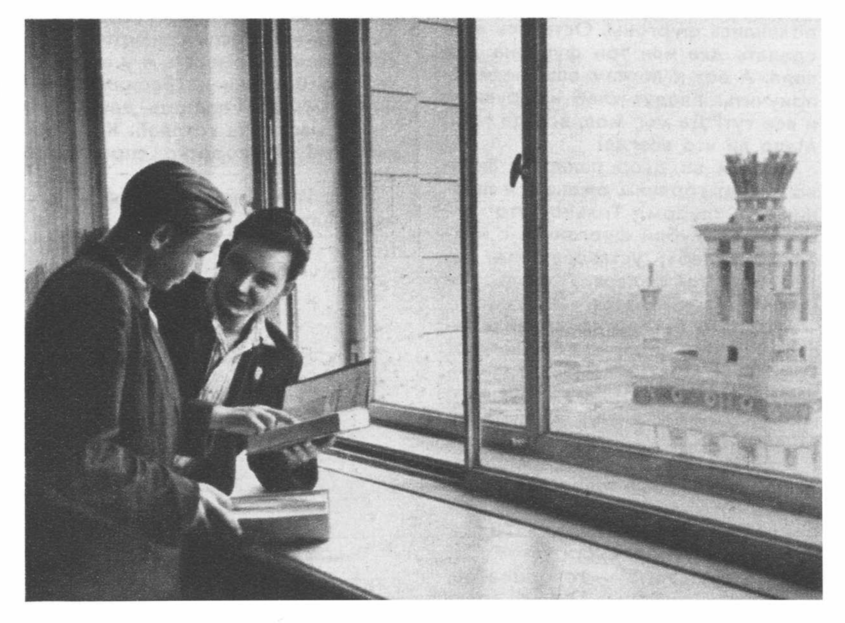
За голубой излучиной Москвы-реки, на зеленых высотах Ленинских гор, на виду у всей столицы вознеслись к облакам белокаменные громады нового здания Московского университета имени М. В. Ломоносова.

Еще на «подступах» к дворцу видишь многочисленные группы экскурсантов, то медлительно шагающих по тенистым аллеям, то цепенеющих около гранитной балюстрады Ленинских гор: отсюда открывается редкой красоты панорама Москвы. Там, где была окраина и тянулись капустные поля совхоза, создан теперь величественный центр нового, юго-западного района столицы. Скоро к нему протянется трасса пятой очереди московского метрополитена.

От набережной Москвы-реки до высотного здания университета раскинулся огромный партер — тщательно выровненная территория с асфальтированными площадями и магистралями, скверами и аллеями, фонтанами и скульптурами.

Вдоль каменных парапетов бассейна, расположенного в центре партера, установлены двенадцать гранитных бюстов выдающихся русских ученых. Чуть подальше, у центрального входа, видны монументальные бронзовые скульптуры студентов — юноши и девушки,— сидящих с книгами в руках, а вверху, под куполом здания,— изваянные из литого белого камня фигуры рабочего и колхозницы.

Облицованный красным гранитом мощный цоколь высотного корпуса начинается от отметки, расположенной на 75 метров вы-

Монтажник Владимир Сеннов (справа) и слесарь Александр Никулов в читальном зале фундаментальной библиотеки.

взойдешь на Ленинские горы...

Не проходит часа, чтобы на Ленинских горах не побывали экскурсии или делегации.

ше уровня Москвы-реки. От этой отметки поднимаются на 242 метра ввысь 38 этажей центрального корпуса, не считая подземных. Общая высота всего здания над Москвой-рекой составляет 317,55 метра. Вместе с лесопарком и ботаническим садом университет занимает территорию в 320 гектаров, а общий объем более 45 тысяч его различных помещений превышает 2 600 тысяч кубических метров.

В круглом аван-вестибюле нас встречает тот деловой шум, который свидетельствует об известной обжитости здания.

В строго отделанном гранитом и мрамором зале — гардеробной — сверкают никелированные вешалки. Отсюда переходим в залитый мягким светом вестибюль скоростных лифтов. С авиационной скоростью — три с половиной метра в секунду — поднимают они пассажиров на десятки этажей вверх.

Друзья встречаются вновь

В крыльях центрального здания — в корпусах жилого массива — находятся 184 квартиры для профессоров и преподавателей и 6 тысяч комнат для студентов и аспирантов.

С молодыми строителями МГУ, ставшими ныне студентами, и их товарищами — будущими студентами — проходим в общежитие. Дежурная по этажу выдает им ключи.

— Кто тут ставил облицовочные блоки? — лукаво щурясь, восклицает гранитчик Евсеенков.— Мы с Виктором Козловым! А теперь?..— Александр Евсеенков поднимает руку и показывает ключ.— Теперь Евсеенков и Козлов живут здесь и учиться будут, и вот ключ от комнаты.

Комната на одного человека площадью в 8 квадратных метров обставлена удобно и уютно. Льющиеся через большое окно солнечные лучи отражаются светлым линкрустом, которым отделаны стены. У самого окна — письменный стол с лампой и чернильным прибором. Вдоль стены — широкая, удобная кровать-диван: днем это диван, а ночью мягкая постель.

— Когда въехал в комнату,— говорит Козлов,— получил тридцать один предмет вместе с ключом: секретер, стол письменный, стол обеденный, два стула дубовых, матрац, простыни, пуховую подушку, одеяло, коврик... В общем живем на всем готовом. Как в лучшей гостинице.

— Почему вы решили стать геологами? — обращаемся к бывшим гранитчикам Козлову и Евсеенкову.

— Трудно сразу ответить. Но среди прочего хотим найти новые облицовочные материалы, обогатить расцветки гранитов и мраморов...

— А спортзал и бассейн готовы? — интересуется страстный спортсмен монтажник Володя Сеннов.

— За мной! — командует слесарь Николай Мохов, непременный участник лыжных и легкоатлетических соревнований спортивного общества «Строитель».

Экспресс-лифт, один из ста десяти, словно проваливается в самую глубину здания. Выходим в вестибюль, спускаемся по лестницам — и вот плавательный бассейн. В воде отражаются белые стены, огни, бетонные вышки для прыжков. По соседству с бассейном размещены залы для фехтования, занятий боксом и тяжелой атлетикой, акробатикой и гимнастикой, для игры в волейбол и баскетбол.

— Это не все! — с гордостью сообщает строитель — студент Юрий Каленчук.— Неподалеку от центрального корпуса — спортивный комбинат. Там есть большой стадион, манеж, теннисные корты, площадки для волейболистов и легкоатлетов...

В глубине здания, где расположен плавательный бассейн,— студенческая кухня. Все горит и сверкает на ней медью, никелем, стеклом и нержавеющей сталью. Повара в накрахмаленных колпаках осваивают новейшие электрические и газовые плиты, автоматы, буфетные лифты и конвейеры, автоклавы.

— На каждом жилом этаже есть еще по нескольку хорошо оборудованных кухонь,— говорит шеф-повар.

Все для студентов

Путешествуя по зданию с юными строителями-студентами, всюду ощущаешь удивительную свежесть и чистоту воздуха.

— Воздух — наша гордость! — с довольным видом говорит Александр Бер, молодой инженер, член комитета комсомола строительства. — Через ростральные колонны у входа и через решетчатые основания фонтанов с

Гранитчики строительства нового здания МГУ (справа налево) Александр Евсеенков, Виктор Козлов и Анна Ларионова недавно еще готовили свои объекты к сдаче приемочной комиссии.

помощью вентиляторов засасывается наружный воздух. Различные установки очищают его от пыли, подогревают зимой или остужают летом, пропускают через водяные фильтры. Чистейший воздух подается затем воздуходувками в помещения. Пыли будет очень мало, но и ее удалят централизованные пылесосные установки.

— Наши новые корпуса будут потреблять столько же электроэнергии, сколько два крупных областных города с общим населением в 200 тысяч человек,— дает нам справку слесарь Александр Никулов.— Если сложить все трубы, которые мы здесь смонтировали, в одну линию, то она протянулась бы от Москвы до Омска.

— Любопытные подсчеты я недавно услышала,— говорит комсорг ЦК ВЛКСМ Женя Мосягина.— Если привезти новорожденного в наше здание и заходить с ним только на один день в каждое помещение, то, заканчивая такое «путешествие», грудной младенец превратится в стодвадцатитрехлетнего старца...

По мраморным лестницам поднимаемся в светлое фойе студенческого клуба и входим в великолепный зрительный зал. Еще пусты его 800 кресел, обитые золотистым плюшем. Но скоро здесь будут выступать студенческие коллективы художественной самодеятельности, пойдут спектакли лучших московских театров, на экране появятся кинофильмы.

Снова спускаемся и поднимаемся по мраморным лестницам. И вот актовый зал! Он так велик, что в нем уместится весь Колонный зал Дома союзов. Червонным золотом отливает обивка 1 600 кресел. Стены затянуты звукопоглощающей штофной тканью. С лепных потолков спускаются восемь многоярусных люстр. Каждая такая люстра весит почти 3 тонны.

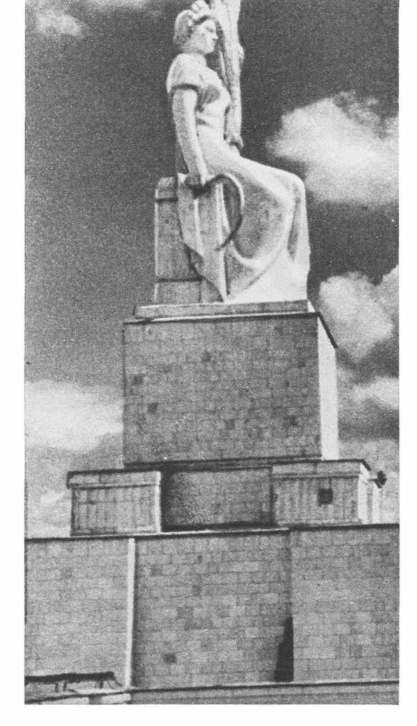
Во всю стену, на площади в сто квадратных метров, красуется величественное панно из многоцветной смальты. На фоне знамен начертаны даты: 1755 — основание университета — и 1953 — год вступления в строй нового здания университета на Ленинских горах. Из цветной смальты выложен пылающий факел, а рядом с ним глобус и циркуль. Панно обрамлено снизу лавровыми ветвями. По бокам панно, на белом мраморе стен, барельефы Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина.

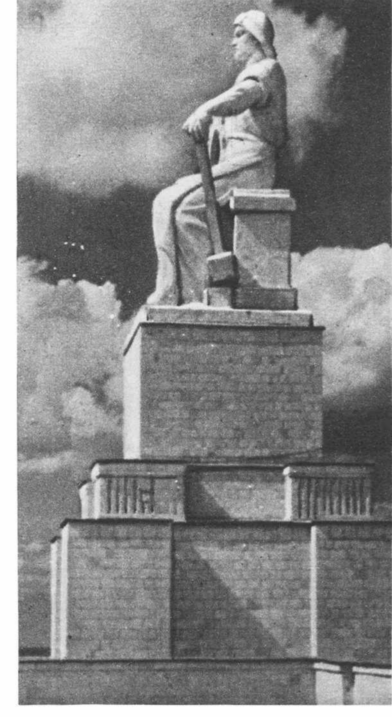
Входим в большую, светлую аудиторию. Здесь 600 мест. Дубовые пюпитры поднимаются амфитеатром. Электросварщик Константин Петров с видом старого преподавателя проходит на трибуну.

— Займите места в разных углах...— обращается он к товарищам.— Как вы меня теперь слышите? Хорошо? Акустика здесь всюду отличная.— Петров подходит к доске и пишет на ней мелом: «В новом здании МГУ 21 большая лекционная аудитория, с количеством мест от 600 до 150, и 141 малая аудитория».

Строитель этой аудитории нажимает кнопку — исписанная доска отодвинулась вверх, а на ее месте появилась другая, чистая. Профессору достаточно будет нажать несколько кнопок, как вместо доски появится белый квадрат экрана, шторы закроют высокие окна, и на экране замелькают диапозитивы, рисунки, страницы книг. Еще одно нажатие кнопки — студенты увидят научный кинофильм.

От аудитории проведены микрофонные кабели в специальное помещение, где будут записываться лекции. В любое время студент сможет взять магнитную пленку и вновь прослушать нужное ему выступление профессора.

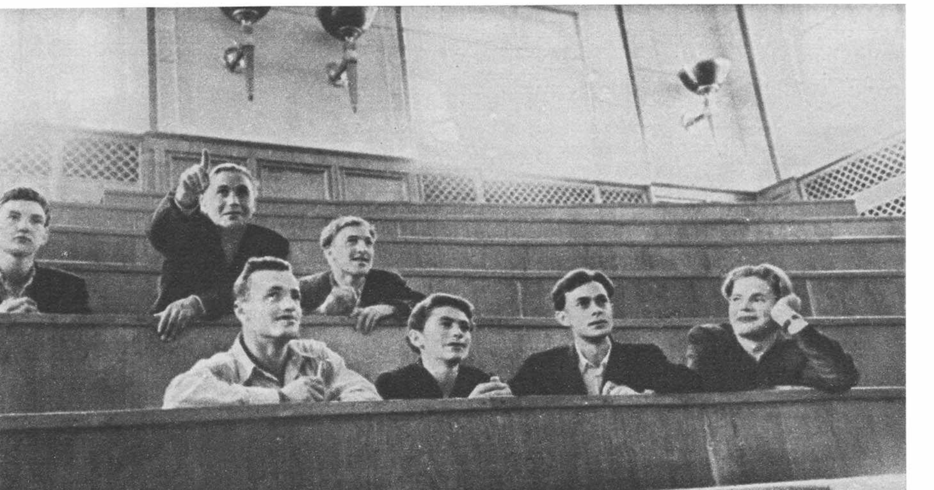

Под куполом центрального корпуса установлены на башнях изваянные из белого литого камня фигуры колхозницы (слева) и рабочего (справа).

На площади перед зданием университета.

— Вот она, наша аудитория! Слева направо: в первом ряду — студенты МГУ, строившие дворец науки, гранитчик Александр Евсеенков, сварщик Константин Петров, заместитель секретаря комитета комсомола Юрий Каленчук, гранитчик Виктор Козлов; во втором ряду — строители университета монтажник Владимир Сеннов, слесари Александр Никулов и Николай Мохов.

Путешествие по этажам

Полная тишина в центральной библиотеке, занявшей несколько этажей.

Встречаем заведующую книгохранилищем Анастасию Андреевну Шишкину.

— Главное книгохранилище,— рассказывает она,— состоит из шестнадцати ярусов и проходит через центр здания. Библиотеки по отдельным отраслям знаний располагаются рядом с соответствующими факультетами и имеют двадцать читальных залов. Мы обслуживаем шесть факультетов, у нас миллион двести тысяч томов книг. Как организована наша работа? Сейчас мы с вами находимся на двадцать первом этаже центрального здания, сюда подходят специальные «книжные лифты» и конвейер с автоматической разгрузкой...

Оказываемся у лифта, бесшумно поднимающего книги и журналы. Шишкина ведет нас через книгохранилище, заполненное аккуратными серыми металлическими полками с книгами, к особому «книжному конвейеру».

— Это новинка техники в нашем деле,— сообщает Анастасия Андреевна.— Движение конвейера непрерывно, скорость его большая: из любого пункта хранилища заказанная студентом книга подается максимум через восемь минут.

Покинув читальные залы и хранилища фундаментальной библиотеки, идем в лаборатории. Новейшее оборудование, изготовленное на 500 с лишним предприятиях страны, позволит разрешать в многочисленных лабораториях МГУ сложные проблемы современной науки, творчески развивать наследие выдающихся русских ученых.

Ходишь по лабораториям и вспоминаешь, как еще недавно дни и ночи тысячи людей принимали у подъездов вереницы грузовиков с колоссальным количеством — 350 тысяч! — всевозможных пособий: агрегатов, приборов, аппаратов — и доставляли их на экспресс-лифтах почти в 2 тысячи научных, учебных и вспомогательных лабораторий, в научные кабинеты.

Юным строителям-студентам хочется побывать в музее землеведения, разместившемся в шести верхних этажах центрального здания. Здесь еще не все экспонаты расставлены на свои места. Но уже сейчас мы видим коллекции минералов, гербарии, бесчисленные картины, схемы, снимки, книжные витрины, каталоги, образцы полезных ископаемых, почвенные и грунтовые монолиты. Не выходя из этих залов, как бы переносишься на поля Алтая и Кубани, побываешь на Сихотэ-Алине, представишь себе воронежские и новгородские земли.

С огромной высоты, на которой расположены отделы музея, можно рассмотреть всю территорию, занятую университетом. Вот ботанический сад с дендрарием, альпийской горкой, мичуринским садом, вот учебно-астрономическая обсерватория с оригинальной солнечной установкой и крупнейшим светосильным рефрактором — из этой обсерватории будут передаваться сигналы точного времени.

Отсюда, сверху, видны отдельно стоящие корпуса физического, химического, биолого-почвенного факультетов, здания механики, гидрологии, сверхвысоких давлений, низких температур. А вокруг возводятся еще 20 других сооружений.

Ветер развевает облака, окутавшие купол, и за излучиной Москвы-реки открывается панорама столицы. Солнце высвечивает громады высотных зданий, зубчатую стену Кремля, ажурную башню телецентра на Шаболовке, зелень Центрального парка культуры и отдыха...

Вот они, Ленинские горы! Вот земля, где Герцен и Огарев дали клятву служить народу и родине, земля, где проходили рабочие маевки, где печатали революционные прокламации, где обучались красногвардейцы... Далеко видно отсюда, и солнечная даль как бы уводит в будущее.

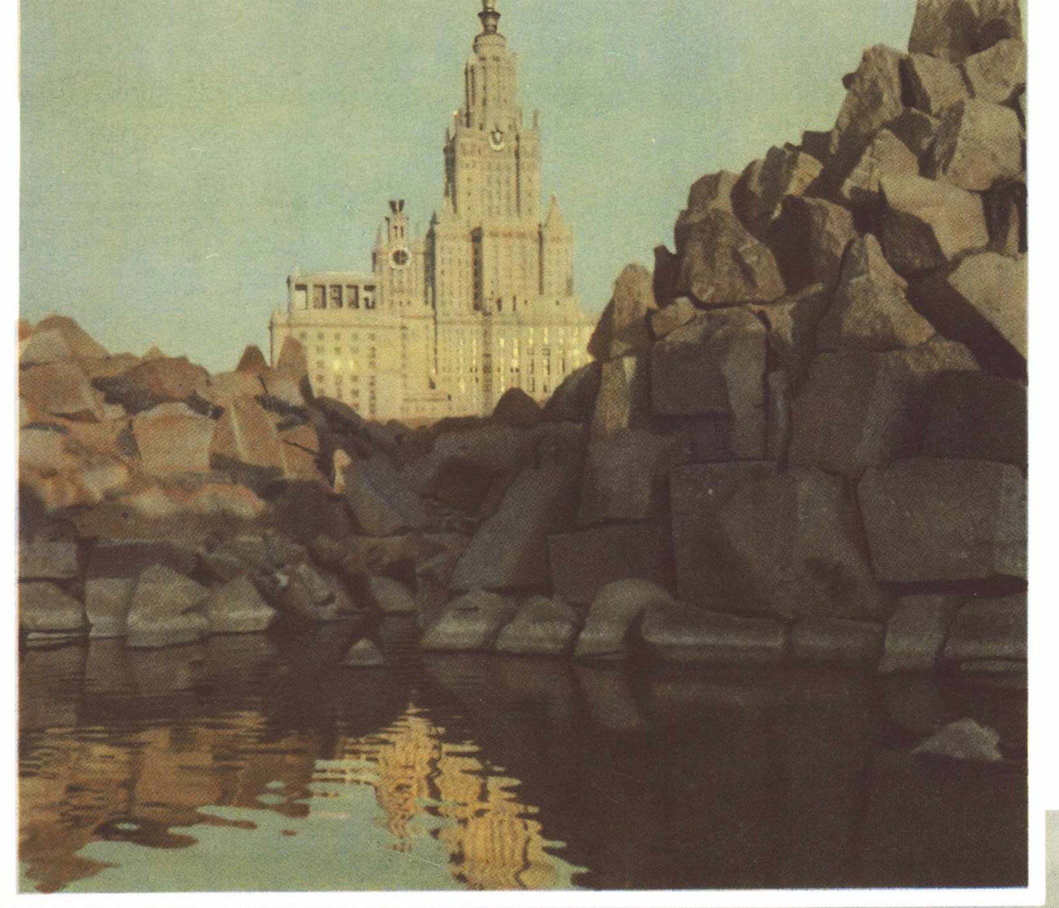
А внизу мчатся машины, по аллеям идут студенты, профессора, преподаватели: здесь начинается новая жизнь.

Новое здание Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова на Ленинских горах.

Фото Е. Умнова.

Центральный вход в университет.

Фойе актового зала.

Альпинарий и искусственное горное озеро.

Площадь-партер перед центральным входом.

Слева направо: Президент Академии художеств СССР А. М. Герасимов, Посол Индии в СССР К. П. Ш. Менон, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов, Министр культуры СССР П. К. Пономаренко и глава делегации индийских художников Барада Укил.

Фото Г. Санько.

20 августа Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ К. Е. Ворошилов посетил Выставку индийского изобразительного искусства. Товарищ К. Е. Ворошилов и сопровождавшие его лица были встречены Чрезвычайным и Полномочным Послом Индии в СССР К. П. Ш. Менон, делегацией индийских художников и представителями художественной общественности Москвы. Осмотр выставки картин и скульптур продолжался в течение двух часов.

МАСТЕРА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Большой размах приняла подготовка массовых колхозных и совхозных кадров. Только на трехлетних агрозоотехнических курсах в стране обучается около 3 миллионов человек. Полтораста тысяч специалистов читают на курсах лекции, руководят практическими занятиями слушателей.

Не прерывается учеба и в горячие дни летней страды. Курсанты, сдав теоретические экзамены, выполняют производственные задания непосредственно в поле или на ферме.

В сентябре состоится первый выпуск окончивших трехгодичные курсы. Почти 500 тысяч слушателей в торжественной обстановке получат аттестаты мастеров сельского хозяйства первого разряда.

В то же время свыше 500 тысяч человек, проучившихся два года, получат звание мастера второго разряда. Около 700 тысяч курсантов, закончивших первый год обучения, получат свидетельства об освоении техминимума.

Скоро состоится второй выпуск окончивших средние сельскохозяйственные школы по подготовке председателей колхозов. Около 9 тысяч человек получат диплом младшего агронома. Среди выпускников много бывших фронтовиков, Герои Социалистического Труда.

Сейчас идет новый набор в средние трехгодичные школы. На учебу направляются 12 тысяч человек; это опытные колхозные вожаки, уже проявившие себя на руководящих должностях в артелях.

Г. НОВОСЕЛЬСКИЙ

Дом-музей В. М. Васнецова

В одном из самых тихих районов Москвы, в доме по 3-му Троицкому переулку, утопающему в зелени, жил и умер один из крупнейших русских художников — Виктор Михайлович Васнецов.

Теперь в этом доме, построенном по образцам древней русской архитектуры, открылся музей В. М. Васнецова. Все здесь связано с образом русского художника. Дом был построен по его собственным эскизам, резная мебель в русском стиле выполнялась по его рисункам либо братом его Аркадием Михайловичем либо в Абрамцевских мастерских. В доме сохранена вся обстановка. В комнатах бревенчатые стены, как в старинных русских избах (оштукатурены были при жизни В. М. Васнецова только две комнаты).

Широко представлены здесь живописные работы художника, рисунки, этюды к различным картинам, фотографии. Среди портретов кисти Васнецова выделяются изображения жены художника Александры Владимировны, других членов его семьи, Веры Саввишны Мамонтовой (известной по замечательной картине В. А. Серова «Девочка с персиками»). Экспонируется также портрет М. В. Нестерова, который Виктор Михайлович писал за несколько дней до смерти и не закончил.

В большой мастерской художника представлены картины на сюжеты русских народных сказок; бо́льшая их часть не экспонировалась ранее.

В. М. Васнецов любил и хорошо знал русскую старину. Все его творчество исполнено веры в неиссякаемые богатырские силы и величие Родины. За это его чтит, помнит и любит русский народ.

Дом-музей В. М. Васнецова.

В одном из залов.

Фото Б. Кузьмина.

Почетные строители

Иван Васильевич и Вера Микруха в своей квартире в поселке Волжском.

Фото В. Владимирова.

Много лет работает экскаваторщиком Иван Васильевич Микруха. Кажется, нет такой стройки, в которой он не принимал бы участия: Вахшстрой и Черемхово, каменноугольные бассейны Караганды и Печоры, Чирчикстрой и канал Москва—Волга, дороги Украины и Забайкалья. На строительство Волго-Дона Микруха пришел вместе со своей дочерью Верой. Она стала работать его помощницей на экскаваторе.

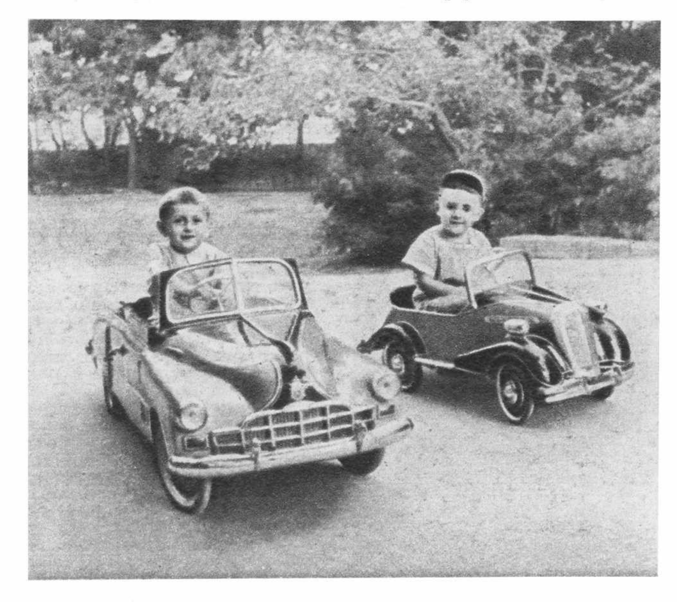
За трудовые подвиги на строительстве Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина Иван Васильевич награжден орденом Трудового Красного Знамени, а Вера — Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ.

Сейчас отец и дочь трудятся на Сталинградгидрострое. Здесь они получили хорошую квартиру.

Бригада экскаватора № 714, которую возглавляет Иван Васильевич, — одна из передовых на стройке.

Любитель автомоделизма

Витя сел в маленький «зим», а его товарищ — в педальный автомобиль.

Фото Ю. Каплуна.

Важно держась за руль, в машине едет пятилетний малыш. Его автомобиль — миниатюрная, с большим искусством выполненная модель «зима» — привлекает внимание прохожих. «Шоферу» то и дело приходится сбавлять ход.

Витя Рубцов уже привык к вопросу: кто сделал такую хорошую машину? Он с достоинством отвечает: «Папа».

Механик одного из бакинских гаражей Владимир Федорович Рубцов — мастер на все руки. Он изготовил все части машины, за исключением аккумулятора и подшипников. Около шести месяцев Владимир Федорович мастерил ходовую часть и кузов. Десятки деталей сам выточил на станке.

Управление машиной очень несложное. Скорость ее невелика — 5—6 километров в час. Но для пятилетнего водителя и этого достаточно.

Большой любитель моделизма В. Ф. Рубцов два года назад соорудил для сына педальный автомобиль. Потом, увидев в одном из журналов чертежи «зима», он построил новую модель, с механическим двигателем.

К. АЛЕКСАНДРОВ

Команда Восточно-бенгальского клуба (Индия) перед началом матча.

Международные футбольные встречи

Недавно в Москве были проведены две международные товарищеские встречи по футболу. 21 августа на московском стадионе «Динамо» футбольная команда Автозавода имени Сталина «Торпедо» встречалась с индийской командой Восточно-бенгальского клуба. Игра закончилась вничью со счетом 3 : 3. 22 августа московские динамовцы принимали у себя на поле сборную команду Албании. Эта встреча закончилась победой советской команды со счетом 4 : 0. Международные товарищеские встречи прошли в теплой, дружеской обстановке.

Динамовцы Москвы преподносят цветы футболистам сборной команды Албании.

Фото А. Гостева.

Чемпион по мотокроссу

Абсолютный чемпион страны по мотокроссу Н. Севостьянов.

Фото Б. Светланова.

Недавно закончилось первенство Советского Союза по мотокроссу. В личном первенстве участвовало полтораста спортсменов на машинах различных мощностей. Самой интересной была гонка на мотоциклах класса до 350 кубических сантиметров. Как и в прошлом году, победу одержал армеец Н. Севостьянов. Он прошел трудную дистанцию кросса протяжением в 150 километров за 2 часа 51 минуту 51 секунду и удержал за собой звание абсолютного чемпиона.

Первый виноград

Замечательный виноград выращивают колхозы и совхозы советского Закарпатья. Ранние его сорта на самолетах отправляют во многие города страны. Недавно первая партия винограда, собранного на плантациях Ужгородского винсовхоза, была направлена в Москву.

На снимке: одна из лучших стахановок Ужгородского совхоза, Елена Ковач, за сбором винограда.

Фото Г. Хомзора.

Узбекский фарфор

Ак-Таш известен как одно из живописнейших мест в предгорьях Тянь-Шаня. По его склонам поднимаются юные туристы Чирчика и Ташкента, жители близлежащих городов приезжают сюда отдыхать. Но не так давно Ак-Таш приобрел известность совсем другого рода. Геологи нашли здесь залежи каолинита — глины, из которой изготовляется фарфор. На базе ак-ташского каолинита в Ташкенте был выстроен первый в Средней Азии фарфоровый завод.

...Светло, солнечно в большом цехе. На широких столах пирамидами уложены только что прошедшие обжиг пиалы, чайники, суповые миски — касы. Тонкой кисточкой наносит Мархамат Зуфарова на касу несложный узор. Рядом с ней работают еще две девушки — Хатыра Арипова и Насира Джалилова. Это будущие мастера художественной росписи по фарфору.

Ташкентский завод работает на местном сырье. Из Ак-Таша идет каолинит, Самарканд дает полевой шпат, Ангрен — огнеупорную глину для форм. Впервые в производстве фарфора печи для обжига работают на каменном угле. Его доставляют из Ферганской долины.

В обеденный перерыв рабочие усаживаются в цветущем фруктовом саду с чайниками и пиалами своего производства.

— Ничего, хорошая продукция!

Н. СОЛОВЬЕВА

На фото справа: Ташкентский фарфоровый завод. Цех росписи.

Фото Г. Алексеева.

ОТ ТОРГОВОЙ ПАЛАТЫ ДО ТОРГОВОЙ ПАЛАТКИ

Я. МИЛЕЦКИЙ

Фото С. Фридлянда.

Где же будут изготовлять красивые детские коляски? Матери ждут их с нетерпением.

Дадим коляску!

Огромный зал Всесоюзной торговой палаты отдан под выставку лучших образцов товаров народного потребления, выпускаемых в нашей стране.

Сейчас, когда партия и правительство наметили программу крутого подъема производства предметов народного потребления, выставка эта пользуется особенным вниманием. Представители заводов, получивших задания по выпуску товаров для населения, приходят сюда, чтобы посмотреть образцы тех изделий, которые они могут производить. Приезжают инженеры авиационных заводов, директора предприятий тяжелой промышленности, работники промысловой кооперации, местной промышленности, руководители советских и торговых организаций.

Они ходят от стенда к стенду, внимательно рассматривают то детскую коляску, то подвесной моторчик для велосипеда, то керосиновую плитку «Везувий». Придирчиво разбирают каждую деталь, что-то подсчитывают с карандашом в руке, наспех набрасывают чертежи и, наконец, решившись, бросают отрывисто:

— Беру коляску!

— Что ж, родители только спасибо скажут, если дадите такую красивую колясочку...

— Обязательно дадим!

Речь идет о производстве портативной детской коляски. Она легко складывается и умещается в небольшом мешке. Матери нетрудно подняться с ней на любой этаж.

Именно такую коляску выбрал представитель Уфимского машиностроительного завода, обязавшись вскоре не только вернуть образец, но и представить первый экземпляр нового производства.

Всевозможные заказы приняли представители заводов Куйбышева, Щербакова, Омска, Горького, ряда городов Подмосковья.

Образцы товаров народного потребления не залеживаются на стендах выставки. Они совершают путешествия по городам страны. Сотрудники Торговой палаты, нагрузив ими полтора — два десятка чемоданов, отправляются в длительные командировки.

Недавно передвижная выставка, состоящая из тысячи с лишним образцов товаров для населения, побывала в столицах Грузинской, Армянской и Азербайджанской республик. Многие местные предприятия не замедлили воспользоваться возможностью производить не только полезные и нужные населению, но и прекрасно отделанные и красивые вещи. Они заключили договоры с Торговой палатой. Теперь жители трех республик вправе ждать, что вскоре на полках местных магазинов появятся в изобилии удобные и изящные кастрюли, соковыжималки, щетки для мытья ванн, дуршлаги, шинковки, пресс-пюре и множество мелочей бытового обихода, которые облегчают труд домашней хозяйки.

Что такое хорошо...

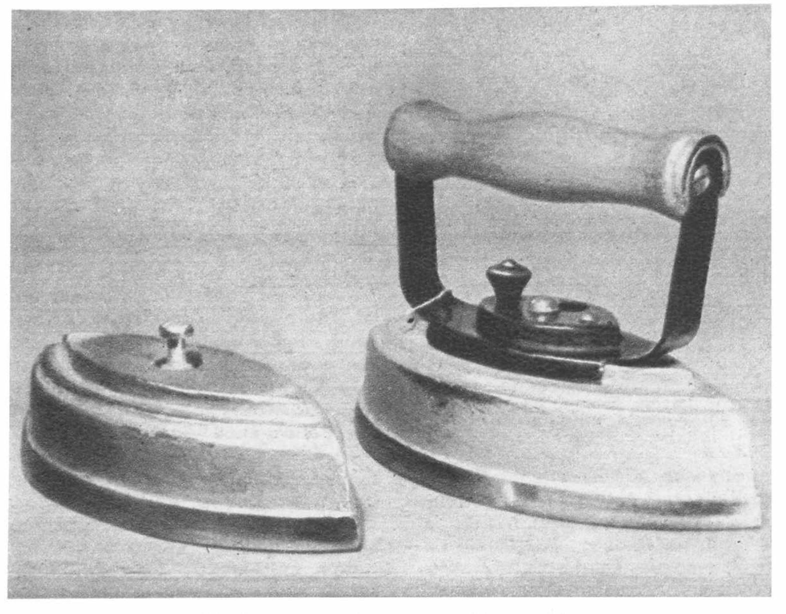
Все, что хранится в демонстрационном зале Всесоюзной торговой палаты, сделано на наших фабриках, заводах и в мастерских. Сделано добротно, красиво, изящно.

Пройдемся по залу, рассмотрим экспонаты на стендах, расскажем о некоторых из них, особенно о тех, производство которых почему-то прекратилось. Увидев их, любая хозяйка сказала бы: «Вещь хорошая, да где ее купишь?»

Видели ли вы утюги со съемной ручкой? Покуда гладят одним из них, другой греется на плите. Но хозяйка не обожжется, так как ручка всегда остается холодной. Знаете ли вы, что такое вишнечистка? Ею легко вынимать косточки из вишен перед варкой варенья. Не встречался ли вам в магазинах шприц для крема? Он очень полезен хозяйке: легко и просто украсить кремом торт или пирог.

Что такое хорошо,— это видно на выставке в Торговой палате.

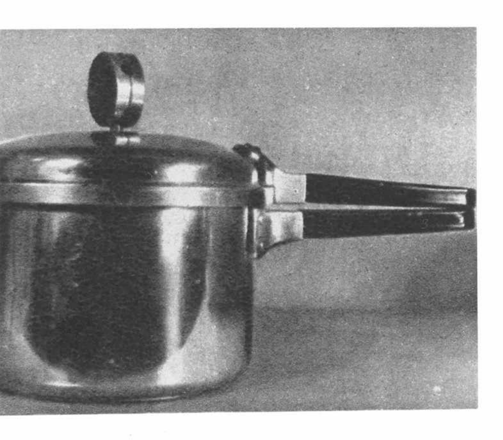
Удобны утюги со съемной ручкой.

Работнику Торговой палаты приходится потратить немало красноречия, чтобы убедить представителя завода принять заказ на скороварку.

Скоро ли будет скороварка!

Скороваркой называется усовершенствованная кастрюля с герметически закрывающейся крышкой. Благодаря этому пища готовится гораздо быстрее, чем в обычной кастрюле, экономится время, керосин или газ. Достаточно получаса, чтобы сделать жаркое. Качество пищи, приготовленной в скороварке, выше, чем в обычной кастрюле: сохраняются ароматические вещества, витамины. Все это доказано на практике.

В такой кастрюле-скороварке пища приготовляется быстро, в ней сохраняются витамины.

Но скоро скороварка готовит пищу, да не скоро у нас готовят скороварку... Достать ее в магазинах невозможно.

Речь о новой, усовершенствованной кастрюле началась еще в прошлом году. Ее взялся выпускать Омский машиностроительный завод. Он заключил, как полагается, договор со Всесоюзной торговой палатой и вскоре представил даже отличный образец.

Но омская скороварка так и не появилась в магазинах. Себестоимость ее оказалась непомерно высокой.

Столь же неудачно окончилась попытка наладить производство усовершенствованной кастрюли на предприятиях московской промысловой кооперации, с той лишь разницей, что на этот раз не были представлены даже образцы.

И все же скороварка прорвалась в Москву. Она прибыла из Киева, но в количестве... трехсот штук. Ее быстро раскупили, хотя отделана она была и неважно. До сих пор ее спрашивают в магазине, где она промелькнула, как метеор. Но киевляне сочли свою миссию законченной...

— Скоро ли все же будет в магазинах скороварка? — спросили мы работников Торговой палаты.

— Образцы ее взяли для освоения несколько заводов. Значит, будет,— отвечают нам.

На снимке, который удалось сделать нашему фотокорреспонденту, видно, как работник Торговой палаты горячо убеждает представителя Куйбышевского завода в пользе скороварки...

История с мусорным ведром

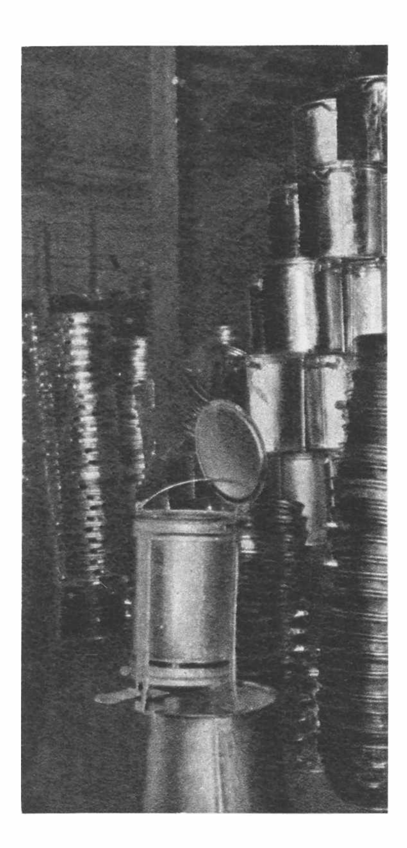
Мусорное ведро — сооружение весьма несложное: обычное ведро, известное испокон веков, только крышка открывается с помощью педали. И все. В свое время был установлен образец, выработана калькуляция, заключен договор с московской артелью «Семеновский цинковальщик».

И вот через пять лет мы находимся в этой артели. Небольшой, но сильно захламленный двор. Среди валяющейся здесь рухляди главный инженер находит исковерканный остов мусорного ведра. Главный инженер Г. М. Бобков недавно начал работать в артели. От нас он впервые услышал о том, что артель производила мусорные ведра. Потом на складе с трудом нашли единственное целое ведро. Мы и засняли находку на фоне прочей продукции артели.

Кстати, эта артель забросила производство и ряда других очень необходимых потребителю вещей. Когда-то здесь делали почтовые ящики, которых не стало в магазинах, производили бельевые баки с краном.

В чем же причина? Оказывается, причина простая: тоннаж... План артели предусматривает выпуск в штуках только корыт и детских ванночек. Остальная продукция подсчитывается огулом, весом, в тоннаже. Зачем же производить более сложные мусорные ведра с педалью, когда можно гнать низкосортные обычные ведра! Зачем возиться с садовой лейкой, когда проще выпускать более весомые баки!

В том, что плохую оцинкованную посуду выпускает не только эта артель, мы убедились, посетив жестяно-штамповочный завод Красногвардейского райсовета Москвы. Примитивно оборудованный, зажатый на узкой полоске территории, он оставляет жалкое впечатление. Еще большую тоску наводит скудный ассортимент его изделий. В складе, напоминающем ветхий сарай, у самого потолка повешены пять «образцов» — это и есть вся номенклатура завода. На складе же сложены топорно сделанные тазы, баки и ведра. Они отнесены ко второму сорту. А, по существу, это просто брак.

На тонны простых, неказистых ведер приходится лишь одно удобное мусорное ведро.

Иная картина в артели «Красный штамповщик». Она тоже ютится в небольших помещениях, цехи разбросаны по всему городу, склад тесен. И все же мы увидели здесь богатый ассортимент алюминиевой посуды, сделанной чисто и тщательно. Артель производит также простые, но красивые кровати. Ее производственный план составляет двадцать миллионов рублей в год.

— Почему вы не делаете чайников? — спросили мы председателя артели В. Ф. Деревицкого.

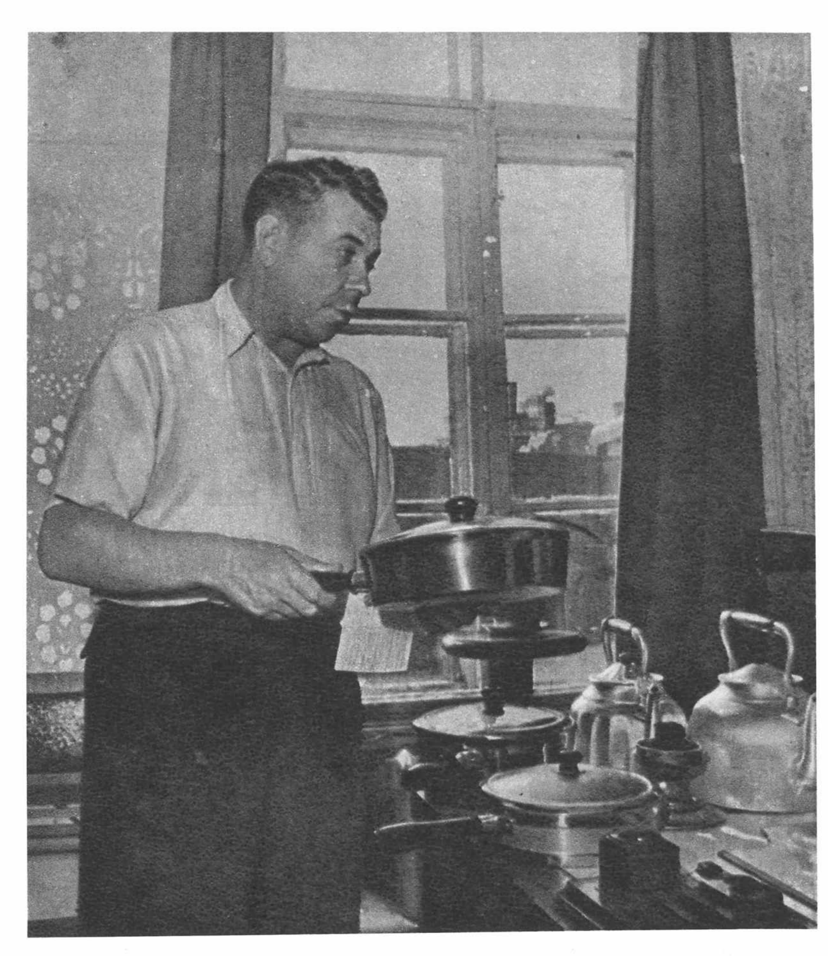
— Это возложено на артель «Метхимпром». Вы видели, вероятно, такие литые...

— Корявые, словно в оспе? А вы такой чайник поставите на стол?

— Что вы! Я его отполировал, конечно!

Вот вся номенклатура жестяно-штамповочного завода Красногвардейского райсовета гор. Москвы...

— Чтобы выпускать такую кастрюлю,— говорит инженер С. А. Малой,— нужно утвердить образец в шести инстанциях.

Шесть инстанций

Интересный разговор произошел у нас в артели «Метхимпром», той самой, которая выпускает корявые чайники. Главный инженер артели С. А. Малой показал нам и полированный чайник — действительно хорош! Но что-то не видно такого чайника в магазинах.

Выяснилось, что артель выпускает в месяц 127 тонн посуды, из них едва десять процентов полированной.

Поставили мы два чайника — корявый и полированный — рядом и спрашиваем:

— Ну, который лучше?

— Мы не можем выпускать всю продукцию полированной,— объясняет инженер.— Нам утвержден определенный план, и мы его выполняем.

Фактически артель не отвечает за качество выпускаемой продукции для населения. Действительно, этот нескладный чайник утверждали шесть инстанций! Чтобы внести малейшее изменение в чайник, корыто или ведро, нужно обойти снова все шесть инстанций, потратить на это почти полгода.

Главный инженер показал нам прекрасные полированные сковородки и сотейники. Изящные, красивые вещи.

— Теперь ходим по инстанциям, чтобы утвердили образцы. Может быть, к концу года дадим потребителю...

Инженер жаловался, что артель не имеет условий для самостоятельной, инициативной работы. К тому же цехи, разбросанные по разным районам города, находятся под постоянной угрозой выселения, а снабжение сырьем производится с перебоями.

Счет от имени потребителей

Мы беседовали с директором одного из крупнейших столичных магазинов хозяйственных товаров М. В. Маркеевым. Он подтвердил, что производству предметов домашнего обихода не уделяется пока достаточного внимания.

— Хотя мы и стали за последнее время получать более разнообразный ассортимент хозяйственных изделий, их очень мало. Особенно плохо с внедрением в быт новинок, облегчающих труд домашней хозяйки. Даже мусорное ведро мы получаем, да и то редко, из Риги. Киев иногда присылает шприцы для крема. Лишь однажды побаловал нас Киев кастрюлями-скороварками.

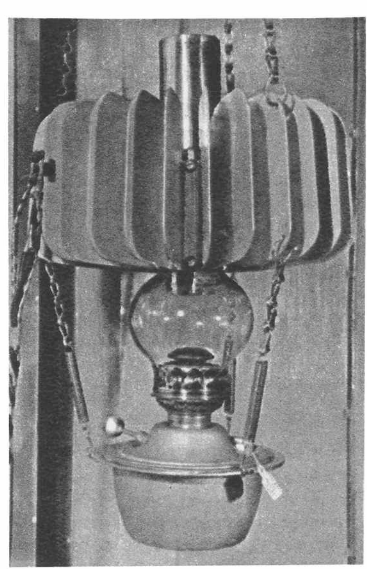
Хозяйственные предметы высокого качества приходят из Ленинграда. Это очень удобные банные щетки, электроплитки двух — трех степеней нагрева, электросамовары, отжимы для белья. Товары хорошие, но их мало.

— Два года назад,— говорит тов. Маркеев,— у нас появились удобные и красивые гибкие шланги для ванны. Их быстро раскупили. Москвичам они понравились, и их непрестанно спрашивают. Однако завод «Искра» почему-то прекратил их выпуск.

Мы испытываем недостаток и в таких вещах, производство которых легко наладить. Речь идет о тарелкосушителях, о гладильных досках, о печках «чудо», о канистрах для керосина, о шестеренчатых сбивалках и многом другом, на что москвичи предъявляют большой спрос.

Это серьезный счет нашей промышленности и промысловой кооперации, счет, предъявленный от имени советских потребителей, в первую очередь наших домашних хозяек.

Все, что мы видели на выставке в Торговой палате, должно быть в изобилии на полках каждого магазина, каждой торговой палатки!

Лампа, которая расходует 60 граммов керосина в час, одновременно дает электроэнергию для питания батарейных радиоприемников, освещает и обогревает помещение.

Немало хороших вещей в магазине хозяйственных товаров, но многого еще нет. И нередко здесь слышится стандартный ответ: «К сожалению, пока не имеется...»

Сады в Якутии

П. С. Осин в своем саду.
Фото Л. Файко (ТАСС).

На берегу реки Лены стоит небольшой домик. Он весь утопает в зелени. Здесь растут стройные тополи, смоляные ели, душистая черемуха, желтая акация и даже сирень. Яркие лучи солнца пробиваются сквозь густые ветви и золотистыми полосками ложатся на землю. Это опытный сад одного из старейших якутских мичуринцев — Павла Сергеевича Осина.

Около сорока лет живет садовод в селе Мухтуе — центре Ленского района, Якутской АССР. Свыше десяти лет он занят выращиванием различных плодовых деревьев и кустарников. В саду разнообразные сорта яблонь, груш, миндаля, малины, облепихи. Здесь прижились алданский виноград, омская смородина «Рубин», архангельская малина «Новость Кузьмина».

Мичуринец держит тесную связь с садоводами Котласа и Краснодара, Иванова и Мичуринска.

Опытный сад Осина не единственный в Якутии. Большую работу проводит в Орджоникидзевском районе коллектив опорного пункта Плодово-ягодного института имени Мичурина.

Тысячу с лишним сеянцев готовит питомник для будущих садов Якутии. Многие мичуринские сорта уже не первый год плодоносят. Среди них «Китайка золотая ранняя», дающая плоды весом до 50 граммов, «Бельфлер-китайка», каждый плод которой весит до 100 — 200 граммов.

Занимаются садоводством и юные мичуринцы Якутии. К их услугам обширный учебно-опытный участок, разбитый при Тойбохойской средней школе Сунтарского района. Здесь имеются два питомника, сад, цветник, опытное поле, метеорологическая площадка.

Пройдет еще несколько лет, и на больших пространствах сурового северного края поднимутся новые сады.

Ю. БЕРНИКОВ

Ученые—шахтерам

П. КУЧЕРОВ,
член-корреспондент Академии наук УССР, директор Института горного дела

Праздник советских горняков

Яркие огни пламенеют на копрах Донбасса и Караганды, Кузбасса и Грузии, Подмосковья и Дальнего Востока... Шумно и весело сегодня в шахтерских клубах, в живописных парках и садах, в каждом горняцком доме. Советские горняки вместе со всем народом празднуют День шахтера. Добыча угля растет из месяца в месяц, из года в год. Только в этом году будет поднято на-гора́ 320 миллионов тонн топлива — на 93 процента больше, чем в 1940 году.

Вниманием и почетом окружила Родина многотысячную армию горняков. В недрах земли действуют угольные комбайны и мощные конвейерные установки, врубовые машины и десятки других машин и механизмов. Во многих шахтах стало светло, внизу постоянно горят электрические лампы, а нередко лампы дневного света. В многокилометровых выработках двигаются электрические поезда. По технической оснащенности угольная промышленность СССР заняла первое место в мире.

Ярким свидетельством заботы Коммунистической партии и Советского правительства о шахтерах является непрерывно растущее благосостояние рабочих и специалистов угольной промышленности. В распоряжении горняков — сотни клубов и дворцов культуры, парков и здравниц, кинотеатров и библиотек. Для них построено много поселков с благоустроенными жилыми домами.

В ответ на отеческую заботу Родины шахтеры заявляют о своей решимости бороться за осуществление задач, поставленных пятым пятилетним планом: поднять добычу угля к 1955 году на 43 процента по сравнению с 1950 годом, совершенствовать методы разработки угольных месторождений. В решении этих задач принимают участие и советские ученые.

Глубоко прячет земля в своих недрах «черное золото» — каменный уголь. Самые драгоценные сорта его уже выбраны с поверхности. Чтобы достать их, нужно порой спуститься до 1 500 метров. На такой глубине температура повышается до труднопереносимого зноя, обнаруживаются скопления газа метана, могущего взорваться от случайной искры.

Метан — необычайно коварный газ. Он не имеет ни запаха, ни цвета. И только пламя лампочки, когда метан появляется иногда в больших количествах, реагирует на его присутствие. А опытный глаз шахтера по удлинившемуся огоньку определяет, что количество газа в воздухе возросло. Замечено, что повышение содержания метана в воздухе иногда предшествует неожиданным выбросам угля. Причины этих явлений пока раскрыть не удается, но если непрерывно контролировать количество выделяющегося метана, то можно предостеречь горняков от опасности и во-время остановить разработки в этом забое.

В течение последних шестидесяти лет ученые и изобретатели тщетно пытались решить проблему непрерывного контроля газа, предложив для этой цели более ста различных способов и конструкций.

Все замеры газа производились до сих пор или «на глазок», по изменению высоты пламени лампы, или лабораторным анализом. Лабораторный анализ дает очень точные данные, но производить его непрерывно при всем желании нельзя. В забое, где еще минуту назад все было в порядке, внезапный выброс угля может быть результатом нерегулярного контроля метана.

В нашем институте разработан и сконструирован прибор, непрерывно определяющий количество метана в рудничной атмосфере.

Метан-датчик МД-1 — так называется он — устанавливается в самом забое. Звуковым сигналом он предупреждает о наступающей опасности и вслед за этим автоматически выключает все работающие агрегаты. Когда количество метана упадет до нормы, то есть до одного процента, метан-датчик включит агрегаты. Прибор непрерывно посылает свои показания из шахты находящемуся на поверхности диспетчеру.

Маленький метан-датчик, напоминающий своим внешним видом шахтерскую лампу, найдет прочное место не только в шахтах, но и на любом производстве, где есть и другие вредные воспламеняющиеся газы, например, на сажевых заводах.

Но и тогда, когда метан «ведет себя хорошо»—не превышает нормы,— работать в глубоких шахтах очень тяжело. Жаркий воздух расслабляет мышцы, затрудняет дыхание. Казалось бы, что для понижения температуры в шахте достаточно поставить мощный охладитель. На деле это далеко не так. Холодильная установка снижает температуру, но при этом нагревается сама и выделяет тепло. Установить ее на поверхности также нельзя, так как охлажденный воздух будет нагреваться, не достигнув нужной глубины. Если поставить холодильник в шахту, то для охлаждения его конденсатора потребуется дополнительная громоздкая установка.

Руководитель лаборатории А. Н. Щербань и его сотрудники для вновь проектируемых глубоких шахт Донбасса и для шахт переходной глубины создали совершенно новую систему кондиционирования воздуха. Они предложили установить конденсатор в старых выработках, а его холодильный агрегат — вблизи разрабатываемого забоя. Так было отделено тепло от холода.

Помимо мощных холодильных установок, охлаждающих большие массы воздуха, институтом разработана малогабаритная установка. Она регулируется вручную и стоит недорого. В недалеком будущем установки для кондиционирования рудничного воздуха найдут себе применение и в глубоких шахтах.

Немало забот причиняет экспериментаторам и сам уголь. Вгрызаясь в черную толщу, машина встречает на своем пути то мягкие, то твердые и хрупкие слои. Нагрузка на ее двигатель и ее механизмы колеблется. Нашей задачей было снабдить горняцкие машины специальными оградительными устройствами, которые бы поддерживали более или менее равномерный режим их работы. Для этого прежде всего надо было детально изучить работу этих машин.

Помог нам специально оборудованный строгальный станок с высокоточными приборами и с одновременной сверхскоростной киносъемкой. Проявленная кинопленка проектировалась на экран. Подробными исследованиями было положено начало созданию научно обоснованной и экспериментально проверенной теории резания ископаемых углей.

Завершение комплексной механизации основных процессов угледобычи позволяет перейти к высшей ее форме — автоматизации, в частности, автоматическому регулированию хода горных машин и механизмов.

Горный комбайн «Донбасс» своими стальными зубьями вгрызается в угольный пласт, разрушает и дробит уголь, грузит его на транспортер. Но вот в массиве разрушаемого им пласта встречены твердые прослойки. Машина, «чувствуя» их при помощи своего авторегулятора, снижает темп работы. При более мягких включениях темп работы ее соответственно увеличивается. Комбайн двигается вдоль забоя автоматически, без вмешательства водителя, который лишь наблюдает за ним и руководит всей бригадой, обслуживающей машину.

Институт горного дела Академии наук УССР совместно с Донецким филиалом Государственного института по проектированию угольных машин создал автоматизированный комбайн «Донбасс-2», первые образцы которого уже в этом году поступят на наши шахты.

Решаются у нас также и вопросы механизации на открытых горных разработках, в частности, карьерного транспорта. В творческом содружестве с работниками шахт создан и успешно применен на Богураевском карьере новый вид безрельсового электротранспорта — электросамосвалы.

Руководитель лаборатории вентиляции доктор технических наук А. Н. Щербань проверяет работу метан-датчика.

Фото С. Шахбазяна.

За кулисами ПЛАНА ШУМАНА

Д. МЕЛЬНИКОВ и Л. ЧЕРНАЯ

Смесь коньяка с «кюммелем»

Полтора года назад, в начале февраля 1952 года, в сравнительно тихом городе Люксембурге, с его уютными черепичными кровлями и старинными готическими церквами, царило небывалое оживление. В Люксембург съехались западногерманские, французские, итальянские, бельгийские, голландские промышленники — главные действующие лица предстоящей церемонии: провозглашения «европейского объединения угля и стали». 10 февраля мир был извещен о том, что «исторический акт» свершился.

Вечером, после утомительных речей, улыбок, рукопожатий и взаимных приветствий, учредители «объединения» собрались в ресторане самой комфортабельной люксембургской гостиницы. Торжество по случаю рождения угольно-стального детища носило глубоко символический характер. Бармен уступил место за стойкой представителю крупнейших французских монополий Жану Моннэ. Жан Моннэ собственноручно смешал невиданный доселе коктейль, состоявший из шести вин различных марок — по числу стран, входящих в «объединение угля и стали». В коктейль Моннэ были влиты: французский коньяк, немецкая водка «кюммель», бельгийский ликер «оранж», итальянское вино «чинцано», люксембургское «мирабель» и голландский ликер «кюрасо». Этой многонациональной смесью участники банкета должны были закрепить дружбу угольных и стальных магнатов шести стран. По сообщениям газетных репортеров, новый напиток был не слишком приятен на вкус. Тем не менее господа, присутствовавшие на церемонии в люксембургском отеле, опрокинули свои бокалы с зелено-желтой бурдой, сделав вид, что пьют с удовольствием.

Официальные цели европейского альянса угля и стали были провозглашены еще задолго до того, как Моннэ смешал свой коктейль. Многие западные газеты даже предвещали по этому поводу наступление «золотого века» в Западной Европе. Новое «объединение», по словам газетных прорицателей, должно уничтожить таможенные барьеры, образовать единый рынок, покончить с конкуренцией между державами Европы и сверх того уничтожить «самый дух вражды и соперничества» между различными нациями.

Все это были, как говорил один датский принц, слова, слова, слова...

Режиссеры люксембургского торжества в душе были весьма равнодушны к такого рода красивым абстракциям. Каждым из участников двигали совсем иные, куда более меркантильные интересы. Но, как показали дальнейшие события, согласовать и объединить рурских стальных магнатов и лотарингских шахтовладельцев оказалось далеко не таким простым делом, как смешать вместе тонкий французский коньяк и грубоватый немецкий «кюммель».

«Угольная эпопея»

Западногерманский журнал «Дер шпигель» очень выразительно описал то, что произошло в Люксембурге непосредственно после окончания торжества.

«Не прошло и недели после официального открытия «единого рынка»,— писал журнал,— как ученые мужи... вцепились друг другу в волосы, как настоящие рыночные торговки».

Что привело «ученых мужей» из «объединения угля и стали» к такого рода действиям? Яблоком раздора оказалось именно то, во имя чего и был образован люксембургский сверхкартель: уголь и сталь.

Итак, уголь...

Для французских заводчиков цены на уголь — их ахиллесова пята. Большую часть угля они вынуждены покупать за границей. Английский еженедельник «Стэйтист» высчитал, что две трети французских заводов работают на рурском топливе. Французские дельцы довольно охотно поддержали создание угольно-металлургического картеля шести стран, но у них была задняя мысль: получить дешевый западногерманский уголь, и притом в достаточном количестве. Французские партнеры люксембургского картеля определенно ожидали, что с открытием «единого рынка» рурский уголь значительно подешевеет; были даже сделаны подсчеты, что он должен будет стоить дешевле на целых пять долларов за тонну.

Каково же было удивление французов, когда рурский уголь не только не подешевел, а, наоборот, подорожал на те же злополучные пять долларов! Западногерманские магнаты оказались оборотистее своих французских партнеров. Прежде чем вступить в «объединение», они спешно провели в боннском бундестаге закон о повышении цен на рурское топливо. Вице-председатель картеля немец Этцель заметил по этому поводу не без некоторого ехидства: «Конечно, это было не чересчур благородно повысить цену на уголь ровно за восемь дней до того, как вопрос о ценах перешел в компетенцию «объединения» в лице его высшего органа...»

Оскорбленные в своих лучших чувствах, господа из Комитэ де Форж не замедлили принять контрмеры. Они объявили, что будут оплачивать рурский уголь лишь из расчета девяноста шести процентов его новой цены, то есть ниже на пять долларов, составляющих «незаконную» надбавку. Новую же цену французы предложили немцам применять лишь на внутреннем, западногерманском рынке. Тут пришла очередь «обидеться» немцам. Они подали жалобу в специальный суд, заблаговременно созданный при люксембургском угольно-стальном «сверхгосударстве». Немцы обвиняли французов в нарушении одного из параграфов соглашения, по которому запрещается система двойных цен — на внешнем и внутреннем рынке. Начался международный скандал: обе стороны категорически отказались уступать друг другу. Вся тонкая система «единых цен» на «едином рынке», заботливо разработанная экспертами «объединения», взлетела в воздух при первом же соприкосновении с грубой действительностью.

Но этим дело не кончилось. Разъяренные «вероломством» рурских дельцов, француз-

«ЗА ОДНИМ СТОЛОМ». Рисунок Бор. Ефимова.

ские капиталисты двинули в ход свои собственные козыри. В Париже были опубликованы так называемые «франко-саарские конвенции». Смысл их заключался в том, что подтверждалась «зависимость угольных богатств Саара от Франции». В ответ на это боннское правительство поспешило заявить официальный протест против новых соглашений между Францией и Сааром. Угольная эпопея получила явный привкус дипломатического конфликта.

Суд при «европейском объединении угля и стали» работает с полной нагрузкой. Накопилось уже несколько жалоб. Французы жалуются на немцев за повышение цен на уголь; немцы обвиняют французов в том, что они добились в «верховном органе» отмены льготных цен на уголь для немецкого судоходства; кроме того французы начинают тяжбу с бельгийцами, которые, оказывается, ввозят во Францию уголь, добытый на шахтах, пользующихся «особенно высокими субсидиями», и так далее.

Но драка не ограничивается только углем.

И со сталью — то же...

Корреспонденты некоторых западных газет утверждали, что стоит при вице-президенте угольно-стального картеля Этцеле произнести фамилию председателя картеля француза Моннэ, как на глазах Этцеля навертываются слезы от душащей его ярости. Тут уже дело не в угле, а больше в стали.

Швейцарский экономист Карл Хорст Ган писал в свое время: «Исходя из необходимости для Франции найти новые рынки для своей растущей стальной продукции, Моннэ пришел к созданию и развитию своей идеи плана Шумана». По плану Шумана Франции должна была достаться роль гегемона на европейском рынке стали. Но скоро стало ясно, что план Шумана не несет особых выгод стальным магнатам Франции. Западногерманские бизнесмены и тут придумали ряд ловких трюков, чтобы обойти своих зарейнских «друзей». Прежде всего они сняли ограничения по части цен на сталь у себя, на западногерманском внутреннем рынке. Цены послушно подскочили, принеся западногерманским королям стали огромные прибыли. И тут монополии Рура прибегли к тому же маневру, что и после первой мировой войны: они начали «самофинансироваться». Крупные капиталы потекли на модернизацию металлургических заводов. Быстро возродились стальные концерны, которые испокон веку являлись опаснейшими конкурентами французских монополий.

Первого мая, в тот самый день, когда вступило в силу соглашение о «едином рынке стали», боннское правительство преподнесло французам новый неприятный сюрприз: ввозные пошлины на высококачественную сталь были повышены примерно на одну шестую. Это вызвало самые яростные протесты со стороны французских предпринимателей, потребовавших, в свою очередь, от правительства повысить таможенные тарифы для немецкой стали.

Манипуляции со сталью вызвали новую потасовку в так называемом «верховном органе объединения». Представитель Бонна Этцель вначале заявил, что если таможенные тарифы на ввозимую в Германию сталь останутся прежними, он уйдет в отставку с поста вице-президента «объединения». Потом, когда в Бонне повысили эти тарифы, отставкой начали угрожать французские представители. Во время распития символического коктейля Моннэ раздавались патетические речи о том, что наступит конец таможенным войнам в Европе. Не прошло и нескольких месяцев, а таможенная война на «едином рынке» бушует с полной силой...

Перспективы этой войны для французских стальных тузов не весьма отрадны: немецкие их соперники имеют за своей спиной мошну Уолл-стрита. С помощью американских миллиардеров они надеются получить для своей металлургии 480 миллионов долларов, в то время как французы могут рассчитывать только на 350 миллионов. Так, по крайней мере, гласит «инвестиционная программа» люксембургского картеля. Как видим, картель, который французы собирались в свое время сделать орудием своего господства, получился вроде «дышла»: его поворачивают по своему усмотрению американцы.

Уже упоминавшийся Этцель, жалуясь на нервозную атмосферу, царящую в «объединении», сказал как-то корреспонденту одной из западногерманских газет: «Мы слышим со всех сторон, что здесь каждый старается дать друг другу в ухо...» Злые языки утверждали, что примененное Этцелем выражение отнюдь не следует понимать только фигурально.

Кто они!

Кто же они, главные персонажи разыгрываемого в Люксембурге фарса?

Когда Жан Моннэ заменил в Люксембурге бармена у стойки, он действовал, несомненно, с полным знанием дела. Подобно гитлеровскому министру Риббентропу, Моннэ начал свою карьеру... в винных погребах. Разница только в том, что Риббентроп торговал в юности шампанским во Франции, а Моннэ — коньяком в США.

Накануне первой мировой войны отец Моннэ поглотил и разорил тысячи мелких виноградарей и виноделов на юге Франции. Пришла пора семейству Моннэ выходить на более широкую арену. И здесь-то развернулись таланты Моннэ-сына. Он отправился в Америку. Вскоре после того, как Моннэ-младший пересек океан, на деревянных стенах всех кабачков, куда заходили пропустить стаканчик—другой американские охотники, золотоискатели и бродяги Крайнего Севера, появились рекламные щиты со следующей надписью: «Нет слаще музыки, чем слова: «Налейте мне рюмку Моннэ». Так Моннэ-сын принес папаше немало барышей, хотя сам он интересовался больше установлением контакта с деловыми кругами США. Вскоре Жан стал акционером американской фирмы «Гудзон Бай и К°», а через нее завязал полезные связи с английскими и американскими банками, в том числе с лондонским банком «Лазар».

В период первой мировой войны Жан Моннэ из скромного агента винодельческой фирмы своего отца превратился в агента французского правительства. От английского банка «Лазар» он получает для Франции кредит в сто миллионов франков золотом. Это закрепило за Моннэ роль постоянного представителя Франции в закупочных органах Антанты, которые были в свое время неплохой кормушкой для капиталистических дельцов различных стран. После войны Моннэ — заметная фигура в Лиге Наций. Он ездит с различными «миссиями» из Парижа в Лондон, из Рима в Стокгольм, из Берлина в Нанкин. В числе этих миссий Моннэ немалое место занимало выполнение всевозможных поручений Чан Кай-ши.

Война Франции с гитлеровской Германией отнюдь не помешала карьере Моннэ. В эти мучительные для Франции годы он чувствовал себя, как рыба в воде. Во время гитлеровской оккупации Моннэ действует вначале в Лондоне, потом в Нью-Йорке и Вашингтоне. Печать называет его близким другом Маршалла, Макклоя и других американских политиков, генералов и дельцов.

Вершин своей карьеры Моннэ достигает во Франции после окончания войны. За ним закрепляется слава «европейского деятеля нового типа», то есть, говоря на человеческом языке, оборотистого дельца, тесно связанного с Уолл-стритом. Вскоре он показывает свои таланты на практике: в обмен на долларовые субсидии Моннэ успешно продает американским бизнесменам национальные богатства Франции.

Эти «таланты» Моннэ начинают вызывать ревность и неприязнь в среде боннских политиканов и монополистов. Узнав о назначении Моннэ на пост председателя «объединения угля и стали», газета немецких промышленников «Дейче цейтунг унд виртшафтс цейтунг» с явным неудовольствием писала, что Моннэ «является главным носителем французского эгоизма в области экономики» и что в переговорах с ним «нужно держать ухо востро!»

Впрочем, никаких оснований для опасений у «Дейче цейтунг» не было. К моменту создания люксембургского «объединения» золотой американский телец отвернул свой лик от французских союзников и проявил особую щедрость по отношению к бывшим гитлеровским дельцам. Западногерманские банкиры и промышленники открыто начали претендовать на роль первых компаньонов Уолл-стрита в Европе: в 1952 году объем промышленного производства в Западной Германии составлял внушительную цифру в 6 673 миллиона долларов, в то время как объем производства Франции составил всего 4,5 миллиарда.

Жан Моннэ, сев за стол угольно-стального «верховного органа» в Люксембурге, сразу убедился, что аппетиты его западногерманских коллег угрожающе возрастают. Рядом с собой он увидел сильную пятерку представителей западногерманских монополий, в том числе таких «зубров», как Этцель и Залевски. По этому поводу западногерманский журнал «Дер шпигель» с удовлетворением отмечал, что «немцы хорошо представлены в новом органе».

Кроме поста вице-президента «верховного органа», занятого Этцелем, в руках германских промышленников оказались и другие ключевые посты: руководителем отдела инвестиций стал Генрих Залевски, руководителем отдела рынков — Рольф Вегенфюр, отдел тарифов возглавил Вернер Клер. Все это было явно не по вкусу французским участникам картеля. Во время дебатов во французском Совете республики один из депутатов, Кудэ дю Форесто, с раздражением сказал, что «среди высших руководителей органа двум французам приходится спорить против пяти немцев...»

Пятеро западногерманских дельцов сразу же повели себя в Люксембурге весьма агрессивно. Это проявилось и в большом и в малом. С истинно боннской наглостью немецких деятелей столкнулись, между прочим, люксембургские... ломовые извозчики. Возчикам надо было разместить в помещении «объединения» стальную мебель, доставленную по специальному заказу Моннэ. Все шло гладко до тех пор, пока возчики втаскивали тяжелые кресла и диваны в кабинеты французов, итальянцев, голландцев и люксембуржцев. Но первый же стальной стол застрял на пороге кабинета Этцеля. С ледяной улыбкой Этцель заявил, что ему не по вкусу стальные изделия мосье Моннэ. Лично он, Этцель, предпочитает мебель из мореного немецкого дуба.

Для западноевропейских газет уже привычным стал крайний скептицизм в отношении возможности достигнуть «единства в Люксембурге». Росту этого скепсиса способствует, между всем прочим, присутствие в «верховном органе» такого лица, как Залевски, обычно именуемого в западногерманской печати «Залевски из Дюссельдорфа». Такая «географическая» характеристика имеет свои резоны. Дюссельдорф — столица «стальной империи» западногерманских монополистов. После войны Залевски стал одним из властителей этой империи — руководителем возрожденного объединения владельцев сталелитейных предприятий боннского рейха. В него вошли такие концерны, как «Герман Геринг», «Аугуст Тиссен Хютте» и «Дортмунд Хердер».

В еженедельнике «Трибюн де насион» французский журналист Аллан Верней назвал жизнь угольно-стального объединения диалогом между Моннэ и Залевски. Можно прибавить к такой характеристике только одно: голос представителя германской «стальной империи» в этом диалоге все больше и больше забивает своего партнера.

* * *

Ставка западноевропейских капиталистов на «доброе согласие» в их собственном стане оказалась битой самой жизнью — железным законом капиталистической анархии и конкуренции. Бизнесмены, севшие за круглый стол угольно-стального картеля, потерпели еще одно фиаско. Они надеялись обмануть трудящихся своих стран болтовней о «наднациональном органе», якобы стремящемся к «благу всех стран Европы». Но люксембургский обман раскрылся очень скоро. План Шумана с каждым днем все больше разоблачает себя, как американизированный вариант провалившейся в свое время военно-экономической операции Гитлера. Последний ведь тоже пытался «объединить» экономику Западной Европы, превратив ее в придаток Рура.

ИЛЛЮСТРАЦИИ ХУДОЖНИКА А. В. ВАНЕЦИАНА
К РОМАНУ Л. Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»

— Сережа! мальчик мой милый! — проговорила она, задыхаясь и обнимая руками его пухлое тело.

«Огонек». 1953.

Алексей Александрович смотрел на Вронского с неудовольствием, рассеянно вспоминая, кто это.

...когда Вронский упал... Анна громко ахнула...

— Что вам нужно?! — вскрикнула она.

— Не уходи,— сказал Николай и протянул руку. Левин подал ему свою...

В душе ее была какая-то неясная мысль, которая одна интересовала ее, но она не могла ее сознать.

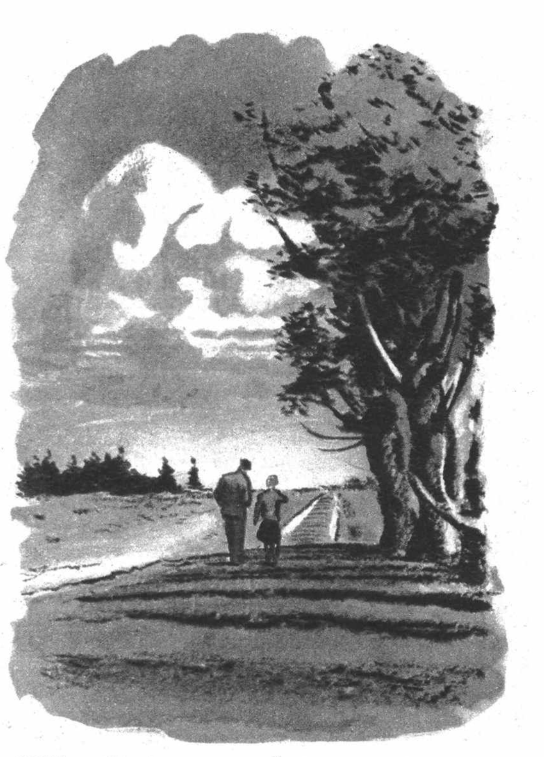
И вдруг, вспомнив о раздавленном человеке в день ее первой встречи с Вронским, она поняла, что ей надо делать.

ВЕСНОЙ

Рассказ

Ф. КНОРРЕ

Рисунки О. Верейского.

3

Вскоре после того, как ушли Саша с Янисом, у крыльца марусиного дома появился Вася, чтобы разузнать, нет ли каких новостей.

— Сами ничего не знаем,— озабоченно сказала Маруся.— Ушли вместе, а куда ушли, чем у них все дело кончится, кто его знает! Сидим вот и гадаем, просто места себе не найдем... Главное — с Сашей разговаривать стало очень трудно. Ничего слушать не хочет, никаких советов, как бы ей наконец освободиться и начать новую жизнь.

— Освободиться? — удивленно переспросил Вася и вдруг хлопнул себя по лбу.— Девушки, родненькие, так вы только поплела, значит, знаете? Вы еще не догадались, кто муж Саши? Неужели нет?

— Ой! — сказала Маруся, меняясь в лице. — Неужели?.. Неужели это?..

— Он! Можете себе представить, именно он, Янис. Еще немножко, и я бы догадался, но он сам вчера нам с Бринксисом признался.

Маленькая Марúте всплеснула руками:

— А я бы никогда в жизни не догадалась. Я даже сейчас не соображу, что это. К лучшему или к худшему?

— К лучшему, к лучшему! — жизнерадостно воскликнул Вася.— Вот увидите!..

По васиному предложению девушки пошли на луг смотреть футбольный матч с приезжей командой черепичного завода. По дороге Вася всех смешил, как обычно, острил насчет новеньких ботинок Яниса, уверяя, что «в них до сегодняшнего утра еще не ступала нога человека», и маленькая Марúте хохотала звонче всех и при этом оглядывалась на подруг, чтобы убедиться, все ли заметили, какой Вася замечательный и остроумный...

— Однако что-то они уж очень долго не возвращаются,— встревоженно заметила обычно самая спокойная из всех девушек Ма́ритэ, когда на лугу затихли крики зрителей, приветствовавших команду-победительницу.

— Да что они, маленькие, что ли? — сказал Вася, но тоже забеспокоился.

— Знаете что? — решительно сказала Маруся.— Пойдемте-ка к Яше.

Рыжий водитель полуторки Яша был молчаливый поклонник Маруси, которая обращалась с ним, несмотря на старое знакомство, всегда несколько свысока. Каждый раз, когда она по какому-нибудь поводу небрежно его спрашивала: «Яша, сделаешь, что я попрошу?»,— он несговорчиво отвечал: «Это смотря что попросить». И тотчас делал решительно все, о чем бы она ни попросила.

Сейчас они застали Яшу у открытых настежь ворот гаража. Нырнув головой под приподнятый капот своей полуторки, он что-то там подвинчивал, очень точно высвистывая арию Кончака из «Князя Игоря».

Он выпрямился, вытирая себе пальцы тряпкой, поздоровался и, достав из кармана пачку папирос, угостил Васю и закурил сам.

— Яша,— сказала Маруся,— сделаешь, что я тебя попрошу?

— Ну, это глядя по тому, что попросить,— сурово ответил Яша, и было сразу заметно, как он обрадовался.

— Ты когда в Ланкай собираешься ехать?

— Часика через два собираюсь.

— А прямо сейчас ты бы не мог поехать?

— Это смотря по какому случаю,— ответил Яша.

— По такому, что я тебя прошу. Мне нужно.

— Ну, если нужно, другое дело. Можно поехать.

— Так ты, как поедешь по шоссе, гляди во все глаза. Сашу Валевскую знаешь? Ты ее, наверное, повстречаешь где-нибудь по пути. И с ней будет этот, с экскаватора, Янис. Доедешь до Ланкая и оттуда нам позвони по телефону в правление и скажи, что увидел. Сделаешь?

— Отчего не сделать? — сказал Яша, захлопнул капот, бросил недокуренную папироску и, нагнув голову, нырнул в кабину.

Скучающий дежурный в правлении очень обрадовался приходу сразу трех девушек. Они шутя объявили, что зашли его навестить, рассказали подробности футбольного матча, поболтали, посмеялись и тотчас настороженно замолчали, едва зазвонил телефон.

Дежурный снял трубку и дважды удивленно переспросил, кого именно надо.

— Наверное, это меня,— спокойно сказала Маруся, протягивая руку к трубке.

Действительно, звонил исполнительный Яша из Ланкая.

— Все нормально,— сухо доложил он Марусе.— Идут по шоссе. Я их обогнал на четырнадцатом километре. Разговаривают.

— Разговаривают? — волнуясь, крикнула Маруся.— А как они разговаривают? Ты не разглядел, к чему у них дело клонится в разговоре?

— Клонится к тому, что они под какую-нибудь машину попадут. Сигналов не слышат, идут, как глухие, и говорят, говорят...

Маруся повесила трубку, и в этот момент в комнату вошел Руденок, заинтересовавшийся, почему это в выходной день столько народу собралось в правлении.

Маруся нерешительно переглянулась с подругами, отвела председателя в сторону и коротко рассказала все про Яниса и Сашу.

Руденок несказанно удивился в душе, но, хитро сощурясь, вскользь заметил, что, собственно, этого именно и следовало ожидать и кое-кто все это в общих чертах давно уже предвидел.

— Свадьба — это хорошо,— сказал он,— отчего же не сыграть свадьбу?

— Какая же может быть свадьба? Они женаты давно! — воскликнула Маруся.

Руденок, действительно упустивший было из виду это обстоятельство, прищурясь еще сильнее, покровительственно усмехнулся:

— Ладно, мы разберемся, ты не беспокойся. Первое дело, Янису надо выделить хорошую квартиру, как семейному. Это уж мы организуем.

Деловитой походкой он удалился все с тем же видом человека себе на уме, не желающего козырять своей осведомленностью. Только вернувшись к себе домой, он уселся за стол, пробормотал: «Ну и кто бы это мог подумать?» — и, всплеснув удивленно руками, тихонько рассмеялся.

Вернувшись вечером домой с хутора, куда он ходил провожать Марúте, Вася с изумлением увидел Бринкиса, который, сидя на корточках во дворе, усердно начищал песком медную кастрюльку.

Заметив Васю, он усмехнулся:

— Ну что ты удивляешься? Телеграмма пришла. Старуха приезжает сегодня.

— Сегодня? — всплеснул руками Вася. — Это — дело нешуточное! — И, торопливо сбросив пиджак, стал засучивать рукава.

С полчаса оба они, сидя рядом, молча изо всех сил оттирали закопченные бока кастрюлек и чайника. Затем тщательнее обычного помылись и неторопливо пошли к станции.

В ожидании поезда они прилегли в траве на откосе около железнодорожной насыпи. На маленькой, пустынной в этот поздний час станции радио глухо играло вальс.

— Артур,— после нескольких минут молчания позвал Вася,— я тебя спросить хочу как друга, только ты не смейся. Отнесись серьезно к моему вопросу: ты когда-нибудь своей жене в любви объяснялся?

Бринкис помолчал, пыхтя трубкой, потом невнятно пробурчал:

— Ну к чему это такие старые истории ворошить?

— Артур! — искренне проговорил Вася каким-то размягченным голосом.— Ты же знаешь, что я тебя очень люблю. Вы с Янисом самые лучшие мои друзья.

— Неужели я не знаю? — слегка растрогавшись, более членораздельно пробормотал Бринкис.— Ты тоже мой хороший друг. Но ты еще чересчур молодой. А я уже почти старый. Это, знаешь, разница.

— Что значит молодой? — горько сказал Вася. — Когда-нибудь ведь я буду даже старше, чем ты сейчас. И ты ведь прежде тоже был молодым, как я. Разве мы не поймем друг друга?

— Это верно,— уже вполне внятно проговорил Бринкис, прислушиваясь к звукам вальса, доносившимся со стороны станции,— я был молодой. Что было, то было, Вася, этого отрицать нельзя.

И хотя слова, которые они говорили, были не такие уж новые, оба они почувствовали себя немножко разнеженными от этого дружеского разговора.

— Трудное это дело — объясняться? — вернулся к своему Вася.

— Сказать по правде, тяжелое дело. Во второй раз не захочешь. Возьми меня! Кудрей там или каких-нибудь шикарных усов — ничего этого у меня не было. Наряди ты меня хоть в гусарский мундир, все равно, знаешь, в меня девушки влюбляться будут, хорошо

Окончание. См. «Огонек» №№ 33 и 34.

подумавши... И когда я влюбился в Анну, я полгода и виду не подавал, только смотрел на нее издали, чтобы не осрамиться... И начал я тогда, Вася, сохнуть. И я подумал: я и так небольшого роста и жилистый, а если еще высохну, пожалуй, совсем неинтересным стану. И сказал себе: тряпка я или нет? Нет, думаю, я не тряпка, а мужчина, хотя и небольшого роста. И надо мне принимать твердое решение.

— И ты решился? — живо приподнялся Вася на локте.

— Да, — значительно кивнул Бринкис, — я решил. Загадать. Да, да... Ну не так, как глупые девчонки, сорвут одну ромашку и вот гадают: «Любит, не любит...» Нет, я нарвал их полную шапку и решил все до одной общипать. Работы было часа на два. Да дело-то уж очень для меня было важное, тут времени не пожалеешь. И вот я сел, стал щипать эти цветочки и бормочу: «Любит, не любит, к сердцу прижмет, к черту пошлет...» И вдруг чей-то голос меня спрашивает: «Так что ж у тебя в конце концов получается, гадальщик?» Я оборачиваюсь и вижу: стоит позади сама Анна. А мне еще щипать да щипать! Я бросил шапку и говорю: «Ты мне спутала гаданье, Анна. Может быть, ты лучше сама скажешь, чем все кончится?» А она мне говорит: «Как это понять? Ты, может быть, мне в любви объясняешься?» А я отвечаю: «Похоже на то, Анна. Очень похоже! Нет моих сил больше терпеть, хотя ты ничего не замечаешь; ведь я тебя, можно сказать, целых полгода люблю без памяти!»

— А она... она что? — торопил Вася.

Бринкис мечтательно усмехнулся и вздохнул:

— А она мне: «Ну, слава богу,— говорит,— а то вся деревня уже болтает, что я за тебя замуж выхожу, а у тебя язык словно примерз, никак не выскажешься. И считаешь ты плохо: не полгода, а скоро восьмой месяц. Ты в меня влюбился еще на вечеринке шестнадцатого числа в декабре месяце, когда первый раз увидел». И именно тут я, Вася, окончательно понял, что выбрал не какую-нибудь там глупышку, а как раз такую девушку, как мне надо, на всю жизнь...

Оба помолчали, прислушиваясь, не идет ли поезд.

— Здорово у тебя получилось! — сказал Вася с завистью.— У меня вот, по правде сказать, дело идет хуже.

— Умм?.. — сочувственно пробурчал Бринкис, снова теряя дар членораздельной речи.— Ты ведь, кажется, на хутор ходил ее провожать?

— Ходил.

— Ну и что она тебе сказала?

— Плохо, — махнул рукой Вася.— Довел я ее до самого крылечка, и все так хорошо было: шли мы под ручку и смеялись. И у самого дома хохотали, только шепотом, чтобы родителей не разбудить... Ну, я тут решился и говорю, что, значит, я... значит, ее... в общем, люблю и хотел ее даже поцеловать... А Марйте ахнула тихонько, а потом обеими руками на меня замахала: «Васенька, до чего ты хороший, мой родненький, только ты сейчас ничего больше не говори, потому что я расхохочусь, родителей разбужу, и нам попадет...» Чмокнула меня в щеку и убежала, а сама даже рот зажимает, чтоб не рассмеяться...

— Да ты, наверное, рожу какую-нибудь скорчил по своей привычке, — подозрительно сказал Бринкис. — Сам людей смешишь и удивляешься, что смеются...

Рельсы в темноте точно ожили, стали тихонько погромыхивать. Друзья вскочили и торопливо зашагали к станции...

Старая Анна, жена Бринкиса, вылезла из вагона с многочисленными корзинками и узлами. Проводники и пассажиры помогали ей сгружать вещи. На мужа она не обратила ни малейшего внимания, пока не убедилась, что все на месте и отнесено на безопасное расстояние от поезда.

Только когда поезд отошел, она, пересчитав узлы и свертки, облегченно вздохнула, пригладила волосы под платком, потом взяла мужа за плечи, повернула к свету и, внимательно всмотревшись в его морщинистое лицо, сказала:

— Жив, старый?.. Ну, так и быть, здравствуй...— и тихонько всхлипнула, целуя его в щеку.

На другое утро Бринкис, блаженно покуривая трубку, сидел, положив ноги в белых шерстяных носках на спинку стула. Весь вид его показывал, что он купается в атмосфере домашнего уюта, неотъемлемой составной частью которого для него была привычная, ласкающая слух воркотня его «старухи» Анны.

— Неряхи! Все до одного неряхи! Все мужики, и ты самый последний из всех. И чего ты сидишь, развалясь, и ухмыляешься, как будто тебе, старому разбойнику, пятки щекочут, а не срамят перед людьми?

Бринкис еще пуще расплылся в довольной усмешке и даже поежился, точно его пощекотали.

Анкудиновна через перегородку нежным голосом проворковала:

— Вот уж приятно умную женщину послушать. Ведь я им точка в точку это самое каждый день твержу. Просто приятно слышать...

— Восемь пар носков собственной моей вязки, крепких, как из железной проволоки, дала я на дорогу этому беспутному старику, и за две недели хоть бы один носок остался целый! Ну-ка, Вася, скажи мне по правде, наверное, он целыми днями тут шлялся и на всех вечеринках с девчонками плясал, а? Э-э, да кого я спрашиваю! Вы тут все друг за друга горой. Разве ты про него что-нибудь мне расскажешь?

Видя, что Анна говорит почти серьезно, а за носки сердится и вовсе уж серьезно, Вася залился таким хохотом, что навзничь повалился на постель:

— Артур! Не бойся, не выдам я тебя, друг!

— Не выдавай, Вася, будь мужчиной! — кашляя от смеха, умолял Бринкис.

— У-у, неряхи! — сказала старуха и улыбнулась тем уголком рта, который им не был виден.— Уж я знаю, что у вас тут творилось. Один был приличный парень из всех вас, это Янис, и тот с ума сошел...

Настроение у нее, несмотря на воркотню, было самое приятное и даже радужное. Пока она гостила у дочери, ее не оставляло неуютное ощущение, что она все-таки не дома, и ей до тоски не хватало старика с его трубкой, чтобы чувствовать его зависимость от нее, свою власть над ним, чтобы помыкать им, кормить его, штопать ему, ворчать на него, заботиться о нем, лечить его, этого Артура, курилку, неряху и любителя пропустить стаканчик.

Да и помимо всего этого разве не было у нее с этим стариком одной общей великой тайны, о которой они сами никогда не говорили вслух и о которой, конечно, никак уж не подозревали люди, улыбавшиеся им вслед, когда маленький, на полголовы ниже своей жены, Бринкис вел на воскресную прогулку свою Анну?

Как в старой сказке принцесса под хихиканье окружающих водила на прогулку козлика, который для всех был в конце концов только самым обыкновенным небольшим козлом, и только одна принцесса знала, что это ее заколдованный злым волшебником голубоглазый братец, так и старая Анна Бринкис одна только на всем свете знала, что попыхивающий с ней рядом трубочкой, сморщенный крепыш — это голубоглазый Артур ее давно прошедшей молодости, Артур, за которым она ушла из родительского дома, с которым долгие годы делила хлеб и постель, горе и радость. И он один из всех людей на свете знал, что рослая пожилая женщина с большими ногами и крупным суровым лицом — это белокурая певунья Анна, которая когда-то выбрала его и поверила в него, желанная, недоступная, веселая и верная. И волшебник мог заколдовать ее только для глаз других людей, но не для его собственных прищуренных, обведенных морщинами, но еще зорких глаз...

— Ну, так досказывай, чем дело кончилось у нашего бедняги Яниса. Все-таки он хороший парень. Никак не пойму, почему у него такая неприятность получилась?..

Анна для верности слегка подтолкнула Бринкиса в плечо и с любопытством приготовилась слушать.

— ...Я тебе уже говорил, как мы сидели с Васей и Янисом в кино и все ждали?..

— Говорил. Ты дальше рассказывай.

— И вот дальше. Он встает в три часа сорок пять минут утра и начинает чистить сапоги, потом собирается бриться, и я в первый раз вижу, что он так смотрит на себя в зеркало, как будто увидел там ужасную неприятность. Ты знаешь, что это значит, когда серьезный человек начинает разглядывать, какой у него нос и какие уши, и вздыхает, и ему, видно, хочется, чтобы у него все было немножко покрасивее? Знаешь?

— Как будто слыхала где-то. Дальше!..

— А дальше он пошел прямо к ней. А она вышла... прямо к нему... И они пошли... прямо по улице. Она шла такая гордая и строгая! А Янис такой черный, как будто он зазевался и все зубья ковша на экскаваторе переломал, а этого с ним никогда не бывало. И так они ушли неизвестно куда, а мы с Васей сидели и думали: что же это будет? И я говорю: «Вася, беги к Марусе, узнай!»

— Куда, ты сказал? К Марусе? — насторожилась Анна, и Вася в восторге снова повалился на спину, дрыгая ногами от хохота.

— А ну тебя к черту! — с досадой крикнул ему Бринкис.— Ты себе позвоночник поломаешь! Объяснил бы лучше, как было дело.

— Ох! — ослабевшим от смеха голосом заговорил Вася, вытирая кулаком слезы. — Что тут говорить? Ушли они с Янисом утром. Наверное, прошли километров пятьдесят по шоссе. Вернулись вечером. Лица серые, все в пыли. Саша туфли в руках несет, идет босиком. И как мы на них глянули, сквозь всю пыль увидели у них на лицах такое выражение, что девушки бросились Сашу обнимать, а председатель Руденок сразу объявил, что уже выделил им хорошую квартиру... А сегодня вечером, тетушка Анна, надевайте самое шикарное платье и идемте их поздравлять. Янис прямо нам не говорил, но намекнул, что будет ждать хороших друзей. А кто самые лучшие друзья? Мы со старичиной Артуром, ясное дело!..

Саша уехала на своем мотоцикле в район накануне рано утром, обещав вернуться обязательно к восьми часам вечера, но не приехала ни вечером, ни на следующее утро.

За полчаса до назначенного срока Янис сам накрыл на стол, расставив тарелки и разложив ножи и вилки с той прямолинейной симметрией, которая так плохо прикрывает полнейшее отсутствие природного вкуса у мужчин в такого рода делах.

Для букета цветов в глиняной вазе он никак не мог найти подходящего места и двигал его по столу до тех пор, пока не заметил, что салат весь засыпан мелким цветочным пушком. Тогда он отодвинул цветы на край и минут десять, торопясь и прислушиваясь, не слышно ли мотоцикла, вытаскивал вилкой влипшие в сметану пушинки. После этого он нарезал своим бритвенно-острым ножом колбасу ровными ломтиками и с таким расчетом разложил их веером на тарелке, что один выглядывал из-под другого ровно на восемь миллиметров, как сам он определил безошибочным взглядом механика.

Делать было больше нечего, оставалось только ждать, когда приедет Саша, и Янис сел к окну, закурив папиросу. Папирос в пачке оставалось всего две. Следовало бы сходить в лавку и купить, но Саша в любую минуту могла появиться в конце улицы и по обыкновению на третьей скорости подлететь к дому. Значит, ему нельзя было уходить из дому.

«Даже хорошо, что она не приехала раньше и немного запаздывает,— подумал Янис,— а то я не успел бы все приготовить».

Пахло отцветающей сиренью, дорожной пылью, горьковатым дымком. Тягостное чувство отчуждения от людей теперь исчезло у Яниса, растаяло без следа, точно и не было его никогда. Теперь, когда он был уже не один и с ним навсегда была Саша, его сразу потянуло к людям, которых еще недавно он сторонился или которых как-то плохо замечал в те дни, когда чувствовал себя несчастным, отделенным ото всех своим горем...

Он улыбнулся, вспомнив, как обрадованно поглядел на него Вася, когда он, сам того не замечая, впервые запел сегодня на работе, не обращая внимания на грохот работающего экскаватора.

С речки слышались всплески воды и визг купающихся ребятишек. Дробно постукивая по настилу копытами, с мычанием прошло, возвращаясь с пастбища, невидимое за деревьями стадо.

Сумерки, покой и тишина постепенно спускались на село. Несколько ворон, торопливо прилетевших на ночлег, сонно шевелились в ветвях, устраиваясь поудобнее.

Нет, он просто понять не мог, почему это некоторые люди себя чувствуют одинокими! Даже сейчас, когда он сидел один у окна, ему казалось, что он тоже купался на речке с ребятишками, возвращался вместе со стадом с пахучих лугов, смеялся вместе с девушками, которые, окончив работу, прошли у него под окнами, певуче, на разные голоса окликая отставших...

Он закурил вторую папиросу и мельком вспомнил, что лавка уже закрылась и идти за папиросами придется довольно далеко, в буфет.

Становилось темно, и он с легким беспокойством подумал, что Саше придется ехать на мотоцикле в темноте. Но тут же с гордостью сказал себе: «Ничего! Она ездит замечательно. Она молодец». Он представил себе ее небольшую уверенную руку, лежащую на рукоятке мотоцикла, и к сердцу его прилила такая нежность, что он, борясь с волнением, выхватил из пачки и закурил последнюю папиросу...

По-настоящему курить ему захотелось только тогда, когда по часам он определил, что и буфет уже закрыт. Он лег, не раздеваясь, на лавку с последней потухшей папиросой в зубах...

Все это было вчера. Саша не приехала и утром на другой день, когда он уходил на работу. Не приехала и вечером, когда Янис снова сел к окну рядом с накрытым еще вчера столом. Все повторялось. Разница по сравнению со вчерашним днем была только в том, что у него на полке лежало пять нераспечатанных пачек папирос.

Сначала он ждал довольно спокойно. Потом почувствовал, что тучи сгущаются. Какое ему дело до стада, которое опять в свое время протопало через мост, до ребятишек и ворон? Какое ему было дело до тихого, ясного вечера? С каждой минутой на сердце у него становилось все мрачней.

Когда во рту стало горько от выкуренных папирос, он схватил скрипку и стал играть. Если до этого у него на душе было темно, как перед грозой, теперь там бушевала буря, хлестал ливень и сверкали молнии... Забыла! Обманула! Пока он второй вечер сидит тут один у накрытого стола, она и не думает о нем. Она занята своими делами. Только маленький кусочек ее жизни принадлежит ему. Приедет, опоздав на сутки, и ей наплевать, что он, дурак, сидит тут, дожидается, расставив тарелки. А потом она опять умчится к другим людям...

Он опустил скрипку на колени. Гроза перестала в нем бушевать. Он почувствовал усталость и жалость к самому себе. Что можно поделать? Надо смотреть правде в глаза. Он давно догадывался уже, что любит ее во много раз больше, чем она его. Тут ничего не попишешь. В конце концов кто он такой? Обыкновенный, грубый и не такой уж даже молодой мужик. Просто бригадир экскаватора, каким он был, когда они встретились. А она умная, способная, красивая, ее весь район уважает за хорошую работу...

Он оперся локтями на стол и опустил голову на руки, глядя на расставленную перед ним посуду. Кусочки колбасы высохли и потемнели. Он посмотрел на колбасу, потом на рыжую кудлатую собаку, которая прохаживалась под окном. Янису показалось, что у собаки несчастный вид, и ему вдруг стало ее жалко почти так же, как самого себя.

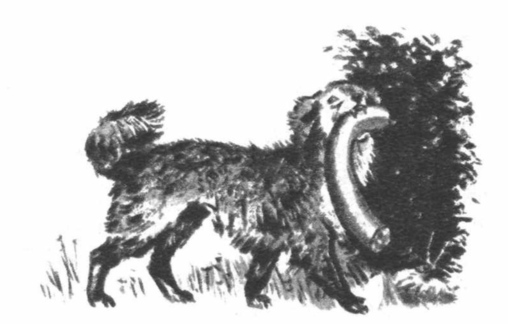
— Что, тебе тоже не сладко живется? — участливо спросил он собаку.

Собака искоса поглядела на него желтыми глазами и отвернулась.

— Колбаски хочешь? — ласково спросил Янис и бросил ей кусочек.

Собака недоверчиво обнюхала и затем быстро проглотила колбасу. Это его почему-то очень растрогало, и он стал бросать ей ломтик за ломтиком до тех пор, пока не кончилась вся нарезанная колбаса. Последние куски собака ела медленно, но, проглотив, все же опять просительно поднимала морду.

— Ешь,— слабым голосом сказал Янис,— ешь, бедная ты собачья морда.— Он взял со стола оставшееся полукружье колбасы и, свесившись с подоконника, протянул собаке. Та опасливо взяла колбасу в зубы и внимательно посмотрела ему в глаза: не шутит ли? Но человек не шутил. Тогда собака, высоко поднимая морду, чтобы не волочить колбасу по земле, пошла в кусты, оглядываясь на ходу.

Янис не помнил, сколько просидел так, но совсем уже стемнело, когда быстро нарастающий треск мотоцикла заставил его вздрогнуть всем телом. Он вскочил на ноги, не зная, что делать, и так ничего и не успел придумать. Треск мотора замер у крыльца, и Саша, перепрыгивая через две ступеньки, взбежала на крыльцо и ворвалась в комнату.

Беспокойство, тревога, мрачные предчувствия — все мгновенно отхлынуло от сердца Яниса. Она жива! Она торопилась, прибежала домой! Она улыбается! Она бросается его целовать!..

Но как только все тревоги отпали — так уж устроен человек,— Янис вместо того, чтобы обрадоваться, весь окаменел, припомнив часы ожидания. И Саша почувствовала, что обнимает нечто весьма напоминающее своей теплотой и податливостью телеграфный столб.

— Ты что, сердишься?.. Подожди... Не надо, я все расскажу!

— Я сержусь? — тоном холодного изумления спросил Янис.— С чего ты взяла? Ты ела что-нибудь? Сыта?

— Нет, я голодная!.. Сейчас видела, какая-то рыжая собака зарывает в землю большущий кусок колбасы, так даже хотелось попросить у нее кусочек...

Пока они вместе вытаскивали из духовки вчерашний обед, отскребывая от дна кастрюли приставшую корку, Саша все время возбужденно говорила, торопясь поскорее высказаться.

Янис с сумрачным видом пододвигал Саше тарелки с холодным мясом и увядшим салатом, откупоривал и наливал ей в стакан теплое пиво, сутки простоявшее на столе.

— А ты что же не ешь?..

Хотя Янис ничего не ел с самого утра, он беспечно махнул рукой:

— Я давно уже поел без тебя.

— Ну, поешь еще немножко, за компанию! — попросила Саша, торопливо прожевывая мясо.

Она не заметила стоящих на столе чистых тарелок его нетронутого прибора.

Что-то вдруг тревожно кольнуло Яниса, какое-то далекое, полузабытое воспоминание. В голове мелькнула старая их комната, где они жили первый год после женитьбы. Вернувшись очень поздно с работы, он с наслаждением торопливо ест, а Саша, подперев подбородок рукой, сидит напротив, ласково и как-то снисходительно улыбаясь. Часто она говорила, что ей уже не хочется есть, она «давно уже поела»... Может быть, это тоже была не всегда правда, может быть, он тоже не замечал ее нетронутой тарелки?..

Жадно запив еду несколькими глотками пива, Саша положила свою руку на его и быстро заговорила:

— Ты не сердись, что я немного опоздала, я...

— Немного?..— медленно выговорил Янис, широко раскрывая глаза.

— Ну да, конечно. Вчера я собиралась приехать, но никак не могла. Я сейчас расскажу тебе: у нас «международная конференция» была. А сегодня я опоздала немного...— она посмотрела на часы.— Ну, на два часа...

Янис медленно поднял руку и посмотрел на свои часы:

— Не на два, а почти на три часа.

— Ну, на два с половиной. А ты выслушай почему, ведь это — главное.

— Главное — правду говорить: почти на три часа. Да это неважно...

— Я не виновата, если твои часы!..— запальчиво крикнула Саша, и вдруг они оба остано-

вились, пораженные одной и той же мыслью, одним и тем же воспоминанием: когда-то это все уже у них было. Бессмысленное высчитывание минут опоздания, переходящее в обиду, ссору... Только тогда Саша кричала: «Это неважно!.. На три часа!.. Надо правду говорить!..»

— Да, да...— точно с трудом стряхивая с себя тяжелый груз, вдруг выпрямился Янис.— Неважно. Кажется, у меня часы действительно того... Ты начала рассказывать про конференцию. Рассказывай, пожалуйста, это очень интересно.

Саша просветлела и снова быстро заговорила:

— Мы уже не в первый раз собираемся. Конференция межрайонная, она же межреспубликанская, вот мы и называем ее «международной». К нам приехали Вилкис из латвийского района и Матас Путинас из литовского. Мы время от времени где-нибудь съезжаемся. Река ведь общая, ей-то ведь дела никакого нет до того, как называется территория, по которой она протекает... Углубят дно — будет принимать воду, не углубят — будет болото вокруг себя разводить...

Зато теперь, когда мы взялись вместе, дело пошло! В нашем районе одна «Победа» получает в этом году восемьсот восемьдесят га новой пахотной земли и хороших лугов, литовская «Пяргале» — тоже больше восьмисот га. «Пяргале» — по-литовски это ведь тоже «Победа». Вот и получается общая победа! Ваш экскаватор будет у нас до конца работать, чтоб зря его не перебрасывать, а мы латвийскому управлению даем в обмен свои бульдозеры, у них нехватка сейчас. Я договорилась с Вилкисом в полчаса: такой славный парень, все с полуслова понимает...

— Он молодой? — натянуто спросил Янис.

— Эрик? Молодой, но он опытный и толковый такой, с ним хорошо дело иметь. Конечно, мы с ним немножко поторговались насчет бульдозеров, он побольше хотел прихватить, а потом мы сами даже смеялись, а Матас показывал, как мы торговались о сроках. Мы вчера так хохотали за ужином...

— Он весельчак, значит, этот Матас?

— Матас?.. Ты такого не видел! Я его в гости звала, он обещал. Ты первый захохочешь, когда он начнет показывать, как два гусака одну длинную макаронину с двух концов едят!

Пальцы Яниса все тверже барабанили по столу:

— Весело было, значит?..

— Ну да...— Саша, сдвинув в сторону посуду, торопливо развернула план района.— Теперь видишь, что мы придумали... Да тебе не интересно, кажется?..— Саша замолчала, с досадой и недоумением глядя в лицо мужу.

— Как не интересно? Так интересно, что дальше некуда.

— Между прочим, мне было приятно слышать: вашу бригаду хвалили. Еще хвалили Карсена и Гончаренко, они тоже больше двухсот процентов стали давать на своих экскаваторах. Но Матас в особенности тебя хвалил.

Янис расправил плечи и процедил сквозь стиснутые зубы:

— Лучше бы этот твой Матас поменьше обо мне говорил.

— По-че-му? — с глубочайшим изумлением спросила Саша, стараясь понять, в чем дело.

— А потому, что как бы ему не получить хорошего тумака по шее... Чтобы поменьше около тебя вертелся и гусей представлял...

Наступившее молчание было очень долгим.

— Янка! — торжественно и проникновенно произнесла наконец Саша, точно разглядев в его чертах явные признаки знакомой болезни.— Ты заболел!

— Как бы твой Матас не заболел, если мне под руку попадет!

— Ой!..— с глубокой нежностью и жалостью взрослого к маленькому произнесла Саша, жалобно скривив губы.— Милый! — и погладила ему голову обеими руками.

— Не надо,— проскрипел Янис, точно терпел жестокую зубную боль от ее прикосновения, и, встав, тяжелым шагом вышел из комнаты. Саша посмотрела ему вслед со странным выражением сочувствия, ласковой насмешки, тревоги и радости вместе.

В это самое время на другом конце деревни старый Бринкис медленно прогуливался в палисаднике перед домиком Анкудиновны. Топтаться под окнами ему уже порядком надоело, но в дом его не пускали, потому что там сначала шла уборка, потом пекли крендель, а теперь Анна причесывалась и одевалась в новое шелковое платье, подаренное ей дочерью.

Время от времени Бринкис подходил к самому подоконнику, где на листе фанеры, прикрытый сверху полотенцем, остывал громадный, только что испеченный крендель, распространяя вокруг себя сильнейший аромат ванили, корицы и орехового масла.

Громко втягивая в себя воздух, Бринкис крякал от удовольствия и нарочно погромче, чтобы его услыхали в комнатах, говорил:

— А ну, пора, пожалуй, попробовать, не остыл ли наш кренделек?

Из глубины комнаты немедленно раздавался голос Анны:

— Не смей трогать! Отойди сейчас же!

Но Бринкис все-таки тихонько дотрагивался пальцем до полотенца и громко восклицал:

— Ух ты, да он совсем остыл! Холодный, как вода в колодце. Пора уже нести крендель, пора, говорю тебе, Анна!

В комнате хлопала крышка сундучка, звенели шпильки, высыпаемые на стеклянное блюдечко. Анна не отвечала, и Бринкис вздыхал:

— Однако жалко, кренделек сейчас так славно пахнет, а как остынет, он не будет уж так хорошо пахнуть. Нет!..

Когда наконец в условленный час Бринкис услышал на улице приближающиеся голоса девушек, он сразу оживился и даже распахнул им навстречу и придержал калитку.

Девушки были празднично приодеты, и в руках держали букеты садовых цветов, а Вася нес, прижимая к груди, большую бутыль с домашней вишневой наливкой, которую Марите выпросила у матери.

— Однако у нас получается сегодня настоящий праздник! Разве нет? — воскликнул Бринкис.

Через несколько минут по направлению к дому, где поселились Саша с мужем, неторопливо двигалось несколько необычное шествие.

Впереди шел Бринкис, держа перед собой, как поднос, фанерку с кренделем, укрытым полотенцем.

Анна шла немного позади, придерживая его за локоть, и время от времени дергала за рукав, напоминая ему, чтоб он не споткнулся и не уронил кренделя.

За ними, оживленно разговаривая, шли девушки с цветами и Вася.

На полдороге Бринкис невпопад, но с большим подъемом еще раз воскликнул:

— Положительно сегодня у нас настоящий праздник! Что, нет?

— Знаю я твои праздники! — сдалась наконец Анна.— Уж так и быть! Но только смотри: ровно сто грамм. Не маленький.

— Сто? А больше я и не желаю, хоть насильно будут в горло лить, не стану пить... Только еще одну кружечку пивка.

С большими предосторожностями он передал Васе крендель и, лукаво подмигнув, исчез в освещенной будочке буфета. Ровно через три минуты он вынырнул оттуда посвежевший и довольный, вытирая пену с усов, и все двинулись дальше.

— Мотоцикл тут стоит, и в окнах свет,— сказала Маруся.— Мы пришли как раз во-время.

Маленькая Марите поежилась:

— Я так за них рада, даже сердце замирает, и входить как-то страшно. Уж очень все у них хорошо получилось!

Нарочно громко разговаривая, чтобы предупредить хозяев о своем приходе, все поднялись на крыльцо и, постучавшись, вошли в комнату.

Там было пусто.

Скрипка лежала на подоконнике, смычок валялся на полу. Стол был заставлен грязной посудой, и в пепельнице было столько окурков, сколько бывает после многолюдного, затянувшегося заседания.

Полная и очень говорливая женщина, квартирная хозяйка Яниса, вышла к гостям поздороваться и охотно пустилась в подробные объяснения, хотя, судя по бульканью и шипенью, доносившимся из кухни, у нее было там немало дела.

— Вы к моим жильцам? Очень приятно... Муж у меня на железной дороге, проводник, все в разъездах, мне скучно в одиночестве, вот я всегда и старалась квартиру жильцам сдавать, лучше всего семейным, чтобы было побольше новостей и разговоров в доме. Только беда, очень у меня слух ослабел. Из комнаты еще ничего, все слышу, а начнешь стирать или готовить, так и не слышно, про что разговор... А в спальне целый день сидеть я тоже не могу: хозяйство на руках. Такая обида, знаете, хоть жильцов больше не пускай... Так что не могу вам никаких интересных подробностей сообщить: не расслышала. Она приехала на мотоцикле, покушали они, потом он ее приревновал к кому-то, они сперва немножко тут поссорились, а после побежали на болото ссориться... Вы подождите, наверное, скоро воротятся, там ведь сыро уж очень, на болоте-то...

— Сырость их, конечно, не испугает,— махнул рукой Вася.— Однако попробуем подождать немного.

— Поссорились... Подумать только! — Маруся с досадой бросила свой букет на стул.— А мы еще тут с кренделями ввалились.

— Что ж! — уныло сказал Вася.— Крендель, пожалуй, действительно лучше пока убрать куда-нибудь. А то что-то уж очень невпопад.

— Однако,— Анна неодобрительно осмотрелась вокруг,— посуды эти неряхи тут напачкали! — и молча стала прибирать на столе.

— Какой ужас! — воскликнула Марите.— Только они опять нашли друг друга и вот уже поссорились.

— Ну, уж если кто виноват, то не Саша,— твердо сказала Маритэ.— Мы Сашу обижать

не позволим, будь он хоть бригадир-разбригадир.

— Но-но! — предостерегающе поднял палец Вася.— Давайте без этого: «Она наша, он ваш!» Все наши. Разберемся и будем действовать единым фронтом.

— Вася правильно рассуждает,— строго сказала Маруся.

Бринкис озабоченно понюхал откупоренную бутылку:

— Пиво-то выдохнется. Кто хочет? Ну, ваше здоровье! Неужели сегодня все-таки будут неприятности?

— Иду-ут! — сделав страшные глаза, закричала Марйте.— Может быть, нам спрятаться?

— Поглупей придумай что-нибудь! Ведите себя как ни в чем не бывало. Ну, садитесь, разговаривайте. Что вы все на дверь уставились и молчите?..— приглушенным голосом скомандовала Маруся и сама замолчала, уставившись на дверь.

На крыльце послышались тяжелые мужские шаги.

— Он возвращается один! — горестно прошептала Марйте.

Дверь распахнулась от толчка сапогом, и в комнату вошел Янис, держа на руках Сашу. Оба они заморгали, попав из темноты сразу на яркий свет.

Улыбка дрогнула в углах губ Яниса и медленно, точно солнце, проглянувшее из-за туч, осветила все его лицо.

— Ну? — строго спросил Бринкис.— Вдоволь набегались по болоту? Вернулись вы оттуда хоть немножко умнее?

Саша и Янис посмотрели друг на друга, потом на старого Бринкиса и молча кивнули.

— Черти! — закричал Вася.— Вы же хорошие люди! Неужели же вам легче целый район осушить, чем свои личные дела устроить?

Янис нагнул голову и кивнул, соглашаясь:

— Правильно, Вася. Так тоже бывает.

Старая Анна подошла к Янису и слегка толкнула его под локоть:

— Ну, здравствуй, неряха! Поздравляю тебя все-таки!

— Здравствуй, тетушка Анна! — приветливо сказал Янис и, высвободив кисть, пожал ей руку.— Спасибо.

— Да опусти ты ее на пол. Что ты свою жену целый час на руках держать будешь?

— Всю жизнь! — сказал Янис.

— Черти! — с быстро возрастающим энтузиазмом закричал Вася.— Можно, я вас поцелую?

— Меня можешь,— великодушно согласился Янис.

— Иди сюда, Васенька! — Саша легко соскочила на пол, обняла Васю и громко чмокнула в щеку.

— Совсем девчонка,— сказала Анна.— Ну и я тебя тоже поцелую. Если б ты только знала, сколько я твоему мужу носков перештопала, пока он без тебя был! Парень-то он ничего, хотя, конечно, неряха, как все мужчины. Но аккуратного ты все равно не найдешь. Нет таких мужиков на свете. Что поделаешь? Приходится брать таких, какие есть. Они, знаешь ли, не такие замечательные, как кажутся вам, девчонкам, когда вы выскакиваете замуж, но, сказать по правде, не такие уж плохие, как любят болтать некоторые глупые бабы. Главное, не давать ему садиться себе на голову. Это первое. А второе: не садись ему на голову и сама. Тогда все у вас обойдется!..

— Марйте,— молящим голосом потихоньку проговорил Вася, слегка потянув девушку за руку,— ты видишь, как это хорошо! Черт с ней, с зимой. Какой это дурак выдумал зимы дожидаться?

— Придумал, умный,— задумчиво проговорила Марйте.— Им, может быть, тоже нужно было до зимы подождать, и дело у них обошлось бы без многих мучений. Кто знает?

— Хоть бы зима-то в этом году была ранняя! А?

— Хорошо бы не поздняя...— шепнула Марйте и засмеялась.

Саша еле высвободилась из объятий девушек, которые совсем растрепали ее, целуя по очереди.

Бринкис громко провозгласил:

— Нет, это так не делается! Чмок-чмок, поздравляем, до свидания. Надо поставить хорошую закуску и немножко выпить, тогда это будет серьезно поставленное дело.

— У тебя, Артур, на первом плане материальные явления,— замахал на него Вася,— а нас другое волнует. Янка! Саша! Отвечайте нам строго по совести: ведь вы любите друг друга? А?

— Пошел ты к черту!..— растроганно протянул Янис.

— Так, любите! Дальше. Обещаетесь, что ревновать друг друга больше никогда не будете?

— Будем! — радостно крикнула Саша.— Мне понравилось, когда меня ревнуют. Будем, Янка?

Янис вздохнул и усмехнулся:

— Нет... Ну разве только немножко.

— Ну хоть ссориться больше не будете?

— Будем, будем! — убежденно ответила Саша, смеясь и обнимая мужа.

— Все слышали? — голосом, в котором боролось возмущение с восхищением, воскликнул Вася.— Они прямо нам в глаза сознаются! И даже не раскаиваются!..

— Неправда! Неправда! — под громкий смех девушек перебила его Саша.— Раскаиваться мы тоже будем. Каждый раз!

— Ведь вот какая дрянь девчонка попалась этому неряхе Янису,— говорила в это время, вытирая глаза, старая Анна.— Запомните мои слова: чего-чего только не будет в этом семействе. Будут и радость, и счастье, и краснощекие ребятишки. Но покоя у них не будет. Нет!

— Покоя? — Саша подбежала и поцеловала тетушку Анну в полную, чуть влажную щеку.— Нет, покоя не будет!..

— Вот, слыхали? — с горделивым торжеством оглядывая всех присутствующих, сказал Бринкис.— Раз моя старуха скажет, тут уж добавить нечего. Как в воду глядит!

Воспоминание о белых галошах

ХЭ УН БЭ

Не стихал еще бой,
а солнце садилось совсем.
Мы ютились
на самой высокой из горных террас.
Это было все в праздник.
Как только надвинулась темь,
неожиданно гостья
на фронте проведала нас.

Долгим взглядом портрет
она обвела на стене:
не в роскошную рамку,
а просто в кору заключен...
Инструмент подняла,
прикоснулась к сверкнувшей струне —
и над каном в землянке
послышался ласковый звон.

Размечтались солдаты:
припомнился каждому дом,
обо всем позабыли —
ее услыхали рассказ...
Старшина лишь не слышал
того, что звучало кругом:
с ее белых галош [1]
не сводил, как прикованный, глаз.

А потом потихоньку
к порогу направился он,
он галоши надел —
поневоле закрылись глаза...
Наклоняясь к плечу,
как будто шепча в телефон:
«Дай примерю и я...»,—
старшине тогда каждый сказал.

Всё видала она,
да не выдала взглядом сама,
гостья в белых галошах,
принесшая фронту привет...
«Вы хотели б,— спросила,—
сегодня туда, где семья?..»
«Нет!» — безмолвно качали
мы все головою в ответ.

Гостья в белых галошах,
родным расскажи обо всем,
расскажи, что видала,
чем жили солдаты в горах,
как галоши твои
надевали боец за бойцом,
а спросила о доме —
и замер ответ на губах.

Перевел с корейского
А. КУДРЕЙКО.

[1] В Корее носят белые галоши.

Дочка

Вл. КАРПЕКО

Вот так приходит счастье к нам:
В поспешных и неровных строчках,
Не веря собственным глазам,
Ты прочитаешь: «Дочка...» Дочка!

Ты перечтешь не раз, не два,
В карман положишь, вынешь снова.
Записки беглые слова
Напамять выучишь до слова.

Ты будешь знать, что весит дочь
Три с половиной килограмма,
И что она «в отца точь-в-точь»,
Что лишь глаза и носик «в маму».

Десятки милых мелочей
Узнаешь в долгом ожиданье...
Ты будешь злиться на врачей,
Не разрешающих свиданья,

Страдать, томиться и никак
Не представлять всего, покуда
Сам не подержишь на руках
В пеленках маленькое чудо.

ПРОТИВ АМЕРИКАНСКОГО ДИКТАТА

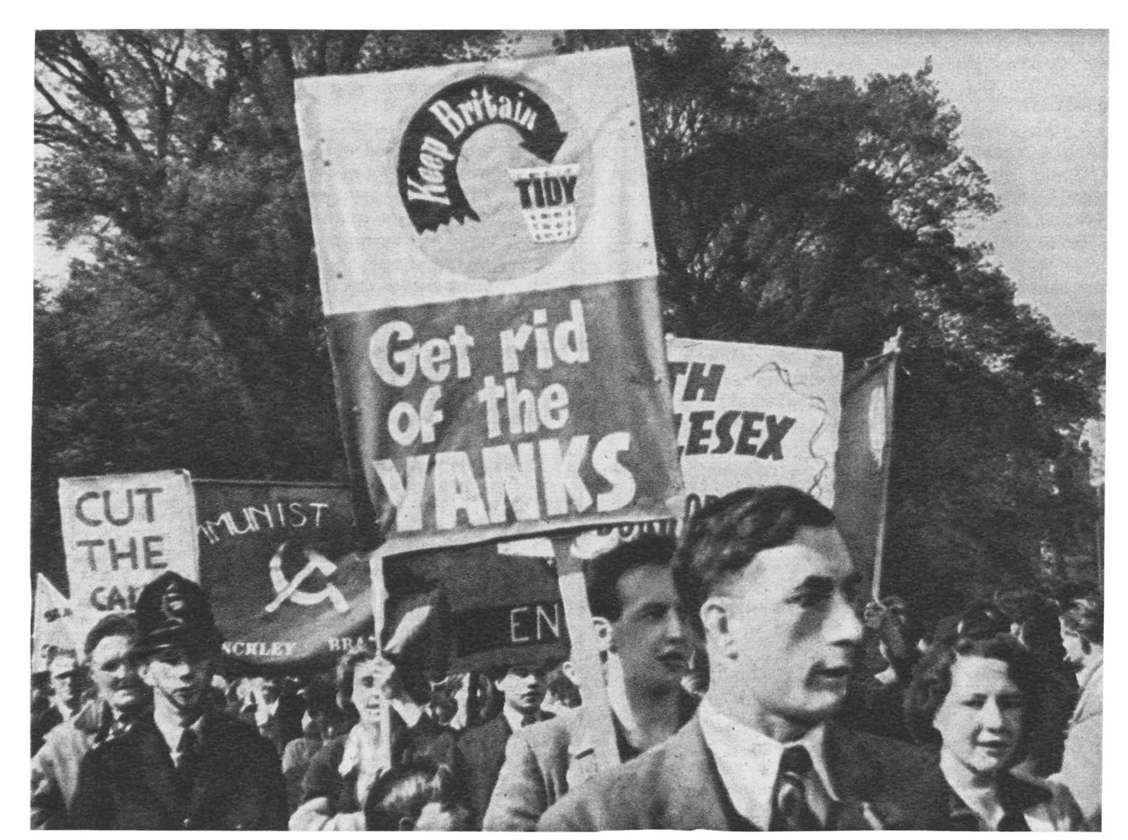
В. МАЕВСКИЙ

Фото автора.

Каждый день приносит новые свидетельства недовольства простых людей Англии пресловутой американской политикой «холодной войны». Публикуемые ниже фотографии показывают, что это недовольство особенно нарастает в последние месяцы.

Уже первомайская демонстрация этого года — крупнейшая за последнюю четверть века — прошла под лозунгами: «Немедленные переговоры великих держав для обеспечения мира!», «Британия должна быть свободной и независимой», «Янки, убирайтесь домой!». В колоннах тред-юнионов можно было видеть плакаты с призывом к единству рабочих в борьбе за жизненные права и за мир.

На нашем верхнем снимке запечатлена лишь часть многолюдного первомайского митинга в Гайд-парке, на котором с призывом к усилению борьбы за мир выступали видные общественные и профсоюзные деятели, а также простые рабочие английской столицы.

На следующем фото видна группа демонстрантов, несущих популярный по всей стране плакат, изображающий мусорную корзину с надписью: «Содержи Англию в чистоте». К этому плакату демонстранты добавили слова: «Избавься от американцев!». Плакат приобрел новое, острое звучание.

Крылатой стала в Англии фраза, сказанная инвалидом войны консерватором Смитом на происходившем в середине мая в Манчестере Всеанглийском конгрессе действий в защиту мира: «Если поджигатели войны хотят развязать войну, пусть воюют сами!». У манчестерцев есть давнишняя поговорка: «Что Манчестер думает сегодня, Англия будет думать завтра». Поговорка в данном случае пришлась кстати. Лозунг манчестерского конгресса: «Переговоры, а не война!» — нашел широкий отклик по всей Англии. Многие англичане вступили после конгресса в ряды сторонников мира.

В разгар лета, 25 июня, в Лондон со всех концов страны съехались представительницы английских женщин — жен, матерей, сестер английских солдат в Корее. В этот день третьей годовщины начала империалистической агрессии против корейского народа они прошли по улицам столицы, требуя немедленного прекращения войны в Корее и возвращения домой своих мужей, братьев и сыновей.

На снимках внизу — демонстрация женщин, несущих плакаты: «Матери и жены требуют быстрого возвращения родных домой!», «Соглашение между великими державами!».

Вместе с женщинами двигались в шествии и маленькие дети, многие из которых еще не видали своих отцов, отправленных в Корею.

Английские матери и жены пришли к парламенту, чтобы заявить о своих требованиях депутатам палаты общин. Верхний снимок справа показывает очередь у входа в парламент. Блюстители порядка пропустили в здание лишь немногих женщин, и только некоторым из них удалось повидать своих парламентариев и вручить им свои требования.

Ярким выражением чаяний широких масс английского народа явилась также многотысячная демонстрация в Лондоне 12 июля. Она прошла под лозунгом борьбы за независимую политику Англии, за обеспечение мира путем переговоров великих держав. Средний снимок показывает колонны демонстрантов, вступающих в сопровождении конной полиции на площадь Пикадилли — обычное место шумных «развлечений» американской военщины, окопавшейся на Британских островах. Тысячи голосов демонстрантов хором повторяли требование: «Янки, гоу хоум!».

Вот демонстранты проходят по одной из многолюдных центральных лондонских улиц (снимок внизу слева). Посередине дороги поет уличный певец в сопровождении аккордеониста. Его товарищ, инвалид на костылях, собирает подаяние. Типичная для лондонского Вест-энда сцена на этот раз выглядит особенно выразительно — на плакате, который проносят демонстранты, написано: «Коммунисты борются за школы и больницы».

Один из самых распространенных лозунгов массовых выступлений в Англии — это требование о восстановлении и развитии нормальных экономических связей между Востоком и Западом. Осознавая пагубные последствия американского диктата в области экономики, широкие круги Англии выступают за ликвидацию навязанных Соединенными Штатами ограничений в торговле с Советским Союзом, Китайской Народной Республикой, странами народной демократии.

Английская печать отметила исполнившееся в этом году четырехсотлетие с начала англо-русской торговли. Газета «Дейли уоркер» напомнила, что в период, когда первый английский корабль прибыл к русским берегам, английское текстильное производство находилось в упадке, и установление торговых связей с Россией помогло Англии преодолеть экономические затруднения. «Тогда, как и сейчас, — писала газета, — торговля была необходима для здоровья национальной экономики, и купцы тюдоровской Англии не были настолько глупы, чтобы позволить политическим или религиозным предрассудкам стать на пути торговли...»

Демонстрация 12 июля завершилась массовым митингом на Трафальгарской площади (заключительный снимок). На постаменте памятника, обычно служащего трибуной, призывы: «Покончить с американским засильем над Британией! Снять ограничения с английской торговли! Немедленные переговоры с Россией!».

Эти слова выражают мысли миллионов простых людей Англии, независимо от их политических настроений и симпатий.

Лондон.

Смотр творчества молодых

Мауричиу **ВЕСКАН**,
композитор, директор Бухарестской государственной оперы

В художественных конкурсах IV Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Бухаресте приняли участие 377 солистов и 70 ансамблей из 32 стран. В этом состязании искусств особенный успех имели молодые советские артисты. Первые премии присуждены: по сольному пению — певицам Г. Олейниченко, Л. Авдеевой, певцам В. Отделенову, В. Филиппову, Н. Кривуле; исполнителям народных песен — Т. Махарадзе, С. Бекмуратовой, А. Азимову; по классическому балету — Н. Кургапкиной, Г. Ледях, И. Израилевой и Св. Кузнецову; по народному танцу — Г. Маваевой, Ш. Ягудину, А. Климову, П. Сорокину, В. Шубарину, М. Шамсутдинову, М. Идрисову, А. Фахрутдинову. Первые места заняли также танцовщицы Китая, Кореи, Румынии и индийская танцовщица Индрани Рахман.

Среди скрипачей первые места завоевали Б. Гутников и Х. Ахтямова, среди виолончелистов — И. Козолупов и румынский артист Орлов. На конкурсе по фортепиано первые премии были даны Н. Юзбашевой и румынскому пианисту В. Георгиу. Среди исполнителей на духовых и медных инструментах первые премии завоевали А. Бычко, С. Амедян, А. Тресков, И. Удальцов, Ю. Большиянов, К. Ладилов, а также представители народного Китая и Румынии; по народным инструментам — Е. Блинов, А. Бахрамов, А. Резчиков.

С триумфом прошли выступления симфонического оркестра студентов Московской консерватории, сибирского русского народного хора, сводного хора студентов Москвы, грузинского и молдавского ансамблей народного танца, завоевавших вместе с коллективами народного Китая, Венгрии, Румынии и Болгарии первые места.

Мы печатаем статью видного музыкального деятеля Румынии Мауричиу Вескан о выступлениях советских исполнителей.

Спектаклем-концертом, представленным артистами — участниками советской делегации, — открылись художественные выступления на IV Всемирном фестивале.

Богатое содержание, высокая артистичность характеризуют замечательное исполнение хора студентов Москвы, выступлениям которого аккомпанировал студенческий симфонический оркестр Московской консерватории под управлением дирижера Евгения Светланова. Под его руководством ансамбль исполнил величественную и одновременно задушевную, полную тепла песню «Партия — наш рулевой» композитора В. Мурадели.

Исполнение этой песни было одним из самых ярких и значительных моментов концерта.

В последней картине, когда ансамбль на фоне колышущихся знамен, символизирующих мир и дружбу, исполнял Гимн демократической молодежи мира, тысячи зрителей в зале пели и аплодировали в такт чудесной мелодии.

Спектакль-концерт молодых мастеров Советского Союза оставил у зрителей чувство высокого удовлетворения. Нельзя не отметить заслуг создателей режиссерского и сценического замысла этого спектакля — главного режиссера спектакля заслуженного деятеля искусств РСФСР И. Туманова и заслуженного деятеля искусств РСФСР художника М. Петровского.

Молодые дирижеры, солисты-певцы, молодежные ансамбли песни и пляски составили замечательный букет артистических сил, представляющих богатое искусство Советской страны. Так, молодой дирижер Г. Рождественский, еще являющийся студентом Московской консерватории, дирижируя оркестром при исполнении дуэта из балета «Пламя Парижа» Б. Асафьева и «Танца с шарфом» (музыка Шумана) показал тонкий вкус и умение зрелого мастера. В памяти зрителей надолго останутся грация, изящество и точность, с которыми танцевала Н. Кургапкина. Представленные на фестивале танцы были необычайно разнообразны по характеру и стилю. Русские, башкирские, грузинские и украинские народные пляски чередовались с классическими танцами из русских и западных балетов. «Танец с шарфом» в исполнении И. Израилевой и Св. Кузнецова произвел сильное впечатление своей изумительной пластичностью. Молодые исполнители очаровали многотысячную аудиторию.

Дуэт из балета «Пламя Парижа» исполняют Н. Кургапкина и Г. Ледях.

М. Идрисов исполняет башкирский народный танец.

С огромным успехом выступал Государственный ансамбль народных танцев Грузинской ССР. «Как счастлива и светла жизнь народов Советского Союза!» — думает каждый, кто видит эти танцы, кто слышит песни русских, молдаван, грузин, башкир, волнующие своей прелестью.

В исполнении оперных арий отличились молодые артисты: солистка Большого театра СССР Л. Авдеева, солист Московской государственной филармонии В. Отделенов, студентка Одесской государственной консерватории Г. Олейниченко.

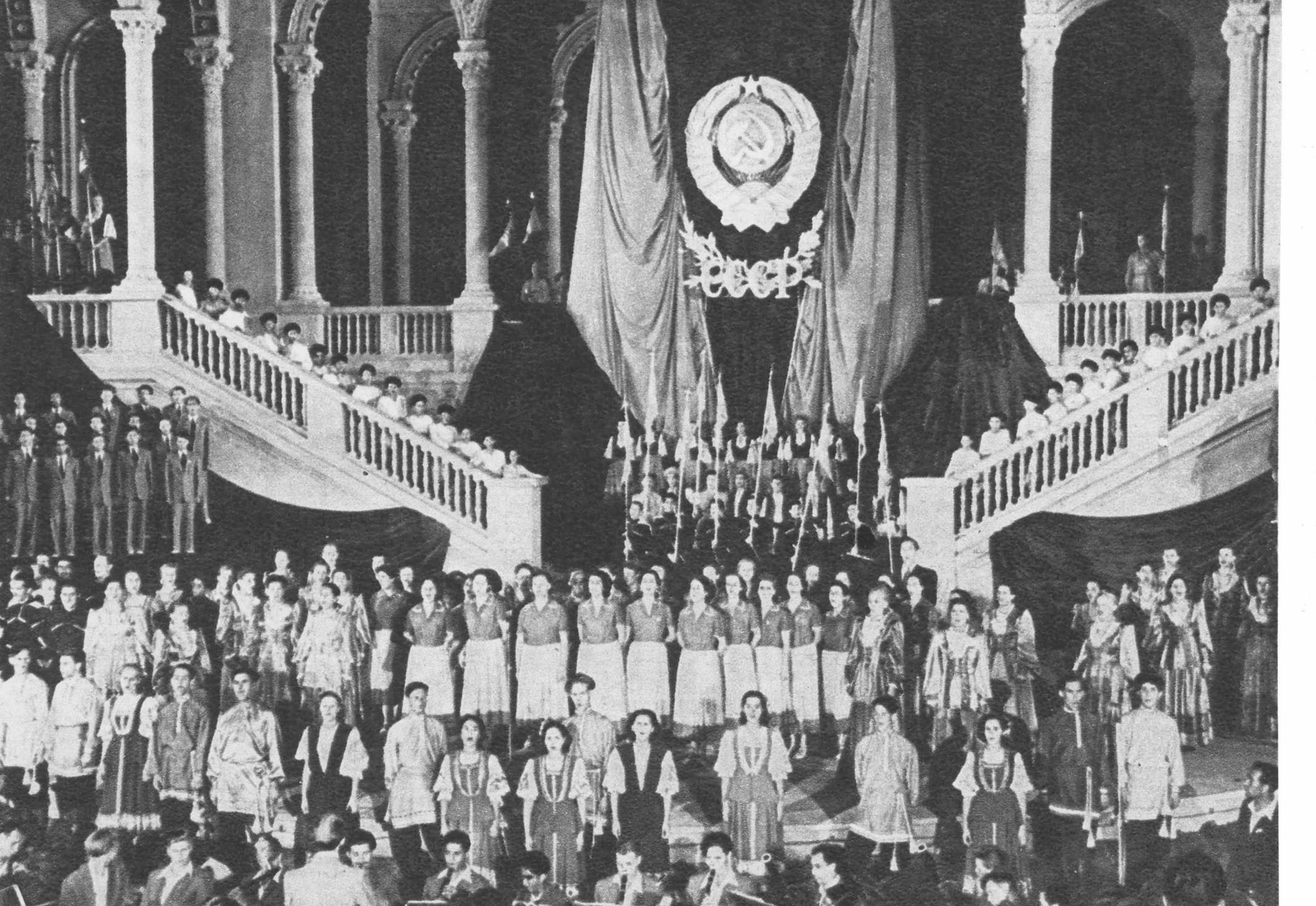
Несмотря на то, что мастерство русских танцовщиков общеизвестно, выступление трех солистов танцевальной группы хора имени Пятницкого — Андрея Климова, Петра Сорокина и Владимира Шубарина — вызвало подлинный энтузиазм. Зрители бурными аплодисментами выражали одобрение высокой технике танцовщиков, чудесному юмору исполненных ими танцев.

Программа содержала также акробатические и жонглерские аттракционы, в которых отличились артисты ленинградской эстрады Валентина Скворцова и Николай Сырай, а также артист московской эстрады Михаил Мещеряков.

Группа советских скрипачей выступила с оригинальной, трудной для исполнения пьесой «Хора-стаккато» Динику-Владигерова, продемонстрировав необыкновенную артистичность, легкость и тонкий вкус.

Разнообразные элементы, из которых состоял спектакль-концерт, были объединены в слаженной и режиссерски цельной программе, насыщенной богатым содержанием и отличающейся высоким мастерством.

Выступления советских артистов произвели самое сильное впечатление даже в эти насыщенные событиями дни.

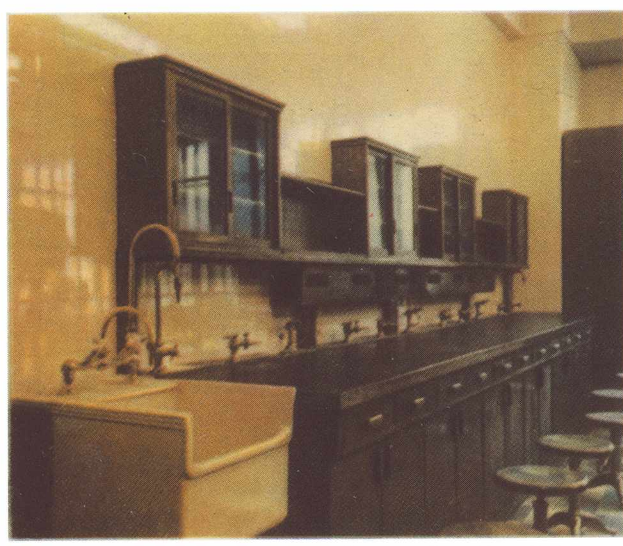
На заключительном концерте. Финал.

Фото В. Савостьянова и В. Егорова (ТАСС).

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. Актовый зал.

Зрительный зал студенческого клуба.

Одна из многочисленных лабораторий университета.

Фойе клуба.

Одна из гостиных в студенческом общежитии университета.

Аудитория геологического факультета.

ТЕАТР НА ГАСТРОЛЯХ

Никита **БОГОСЛОВСКИЙ**

Спектакли Свердловского театра музыкальной комедии, приехавшего в Москву на гастроли, неизменно собирают полный зал. И это не случайно. Свердловский театр — что выгодно отличает его от многих других театров музыкальной комедии — показал за

«Голубой гусар» Н. Рахманова. Слева направо: Шура Азарова — Л. Сатосова, Ржевский — В. Курочкин.

Фото М. Демиховского.

двадцать лет своего существования около шестидесяти советских оперетт. В гастрольном его репертуаре оказались музыкальные комедии, посвященные делам давно минувших, но поныне знаменательных дней, и произведения, отзывающиеся на события нашей современности,— создания опытных наших композиторов и творения молодых музыкантов. Театр, выступавший перед столичной аудиторией, проявил много вкуса и в отборе произведений для постановки и в самом характере их сценического воплощения.

Подлинная заинтересованность в развитии жанра советской музыкальной комедии привела театр к бесспорному успеху. Так было с музыкальной комедией В. Щербачева «Табачный капитан» — одним из наиболее удачных спектаклей свердловцев. Комедия (автор — Н. Адуев), уводящая нас в далекие петровские времена, с юмором повествует о том, как боярский недоросль Антон Свиньин, которому Петр повелел обучаться морскому делу, заставил одолевать трудности науки своего слугу, башкира Ахмета, и о том, как Петр, разобравшись в этой проделке, произвел в капитаны не барина, а слугу. В этой незатейливой истории явственно, но отнюдь не назойливо звучит прославление народной сметки, любви к труду и знанию, высмеивается барственная лень, чопорное тунеядство. И все же главные достоинства спектакля, изобретательно и темпераментно поставленного Г. Кугушевым, заключаются, конечно, в музыке В. Щербачева. Обращение мастера-симфониста к новому для него жанру дало отличные результаты: музыка оперетты празднична, легка, богата оттенками, отличается тонким вкусом и отчетливо выраженным национальным колоритом и, что самое главное, не сопутствует событиям, а, напротив, сама увлекательно действенна и темпераментна.

Этих достоинств лишена, к сожалению, музыка оперетты Н. Рахманова «Голубой гусар». Несмотря на то, что в центре мастерски написанного либретто М. и Е. Гальпериных чрезвычайно привлекательный образ Шуры Азаровой, напоминающей о прославленной героине Отечественной войны 1812 года «кавалерист-девице» Надежде Дуровой, несмотря на то, что и этот спектакль со вкусом поставлен режиссером А. Павермaном и хорошо сыгран, все же впечатление он производит гораздо менее сильное. В музыке его, пресной и невыразительной, нет запоминающихся, ярких мелодий (хотя тема и подсказывала обращение к богатейшим кладезям народного творчества); это всего лишь звуковые иллюстрации к тому, что происходит на сцене. Характеры персонажей, весьма конкретные в пьесе, в музыке расплываются, становятся похожими друг на друга. Вот почему этот спектакль нельзя отнести к подлинным достижениям театра.

Возможно, что люди, искушенные в долголетних спорах на тему о том, что главное для оперетты — текст или музыка,— тотчас укажут на пример «Свадьбы в Малиновке», которой невыразительная и одноцветная музыка Б. Але-

«Огоньки» Ю. Свиридова. Сцена из I акта.

Фото Ю. Добронравова.

«Голубой гусар». Шура Азарова (Л. Сатосова) у Кутузова (Г. Кугушев).

Фото А. Гладштейна.

«Табачный капитан» В. Щербачева. Постановка Свердловского театра музыкальной комедии. Слева направо: Ганнибал — М. Днепровский, г-н Питер — Б. Коринтели.

ксандрова не мешает на протяжении многих лет пользоваться огромным успехом. Действительно, пьеса Л. Юхвида и В. Типота, щедро наделенная живым народным юмором, несравненно интереснее сопровождающей ее музыки. В этом заново убеждаешься, когда смотришь «Свадьбу в Малиновке» у свердловцев (постановка Л. Ротбаум). Но разве не бесспорно, что было бы несравненно лучше, если бы музыка содействовала или даже определяла успех спектакля?

Лучшие спектакли свердловцев снова и снова приводят к простой, но, видимо, еще нуждающейся в повторении мысли: музыка оперетты, так же как и либретто, должна заключать в себе все достоинства, необходимые хорошему комедийному представлению,— отчетливость характеристики каждого образа, действенную остроту, богатство юмористических красок. Все это непременно предполагает яркость запоминающихся мелодий, свежесть, доходчивость и выразительность музыкального языка. Текст и музыка в оперетте должны находиться в единстве, вернее, у них равные обязанности и равная ответственность.

Самые радостные удачи рождаются именно тогда, когда на практике осуществляется это единство. К нему близко подошли композитор Ю. Свиридов и авторы пьесы Л. Захаров и С. Полоцкий в музыкальной комедии «Огоньки» (постановка Г. Кугушева), в которой сделана смелая и интересная попытка расширить возможности жанра, выйти на широкие просторы и сатиры и революционной героики. Мелодичная, простая и глубоко эмоциональная музыка Ю. Свиридова задушевно и мягко звучит в лирических эпизодах, приобретает вдохновенный, героический характер в картинах народного подъема в предгрозовые дни кануна революции 1905 года, обретает силу острой сатирической выразительности, когда в ней возникают образы врагов рабочего класса. Авторов пьесы следует упрекнуть только в том, что они в отличие от композитора порой позволяют себе пользоваться устаревшими драматургическими ходами, из-за чего развитие сюжета легко заранее предугадать. В целом же спектакль «Огоньки», — несомненно, значительное событие не только в жизни Свердловского театра музыкальной комедии, но и в развитии самого искусства советской оперетты.

В исторической тематике театру, его композиторам и драматургам удалось добиться успехов. Хуже с созданием современных музыкальных комедий: коллектив явно не преодолел инерции недавних лет, когда усилиями иных горетеоретиков все яркое и действительно смешное провозглашалось нетипичным.

Свердловским театром поставлены две музыкальные комедии, посвященные нашей колхозной жизни,— «Марийкино счастье» и «Свадьба с приданым». В пьесе Е. Геркена и Л. Корняну «Марийкино счастье» показаны люди молдавского колхоза. Впрочем, показаны ли? Они скорее названы по именам, одеты в национальные костюмы и собраны вокруг колхозного бригадира Марийки Станчу, чьи небольшие заблуждения служат поводом для длительных споров, недоразумений и препирательств. Нехитрая проблема, вокруг которой вращается действие, ясна для зрителей с самого начала, как ясно, впрочем, заранее и разрешение этой проблемы в пьесе. Все это сильно снижает интерес к сценическому действию. Кроме того неудачна музыка, написанная К. Бенцом и Е. Кока, весьма нейтральная по отношению к сюжету. В ней звучат приятные молдавские мелодии, порой веселые, порой лирические, но нет ни четко обрисованных характеров, ни красок, ни теней, ни атмосферы происходящих событий.

«Свадьба с приданым» Н. Дьяконова драматургически построена гораздо интереснее. Однако это, собственно, не музыкальная комедия, а комедия, лишь слегка оснащенная музыкальными номерами из произведений Б. Мокроусова и Н. Будашкина. Песни, сопровождающие спектакль, давно прозвучали со сцен многих и многих драматических театров страны, полюбились зрителям, распеваются в народе. Развитие действия оперетты происходит лишь в тексте пьесы, а не в этих вставных музыкальных номерах. Следовало ли театру ставить такое произведение? Думается, что оно случайно в его репертуаре и вряд ли может стать заметной вехой на пути творческих исканий.

А ведь именно этими исканиями Свердловский театр завоевал признание. Непрекращающиеся поиски приведут к желанным находкам, если весь талантливый коллектив во главе с режиссером Г. Кугушевым и дирижером А. Гевиксманом направит все усилия на создание современной по сюжету музыкальной комедии. Общественное и личное, хорошее и дурное может быть весело воспето или весело осмеяно в такой комедии, не боящейся ни бодрого утверждения, ни сатирического осмеяния, ни любовной лирики, ни мужественного гражданского пафоса.

Хочется верить, что именно такие современные музыкальные комедии зазвучат со сцены талантливого Свердловского театра.

ДРУГ ПЕРЕДВИЖНИКОВ

По материалам и документам о Л. Н. Толстом.

Тесная дружба Толстого и передвижников начинается с посещения Ясной Поляны Иваном Николаевичем Крамским в 1873 году.

В ту пору Крамской был сложившимся портретистом. Написать Толстого, «Войну и мир» которого в числе самых любимых книг привез Крамской с собой, стало для него просто необходимостью. О своем желании писать портрет Толстого художник сообщил П. М. Третьякову, горячо поддержавшему Ивана Николаевича.

Лев Николаевич встретил художника холодно, позировать отказался. Готовить свой портрет для галереи Толстой полагал нескромным, да и ненужным. Крамской настаивал на своем более двух часов кряду; следовало давно раскланяться и уйти, но, нарушая приличия, он не уходил. Наконец, когда, казалось, все доводы были исчерпаны, Крамской поднялся:

— Я должен буду навсегда отказаться от надежды написать портрет, но ведь портрет ваш должен быть и будет в галерее.

— Как так?

— Очень просто. Я, разумеется, его не напишу, и никто из моих современников, но лет через 30, 40, 50 он будет написан, и тогда останется только пожалеть, что портрет не был сделан своевременно...

Толстой задумался и в конце концов согласился. Было решено, что Крамской напишет два портрета: один — для галереи, другой — для Ясной Поляны; последний Лев Николаевич выберет сам.

Как известно, Толстой выбрал для Ясной Поляны не лучший портрет. Ошибка ли это Толстого, а быть может, Лев Николаевич, понимая историческую ценность собрания Третьякова, сделал такой выбор сознательно, из скромности умолчав о своих соображениях. Еще в самом первом письме Третьякову Лев Николаевич сетовал на то, что ему не случалось встретиться с собирателем и осмотреть его, как он выразился, замечательную галерею. Это первоначальное мнение затем укрепилось, и есть все основания предположить, что Толстой умышленно оставил лучшую вещь Третьякову. Отсюда и его разрешение послать именно портрет из галереи на международную выставку 1878 года в Париже, куда отбирались выдающиеся произведения русского искусства. Репин сравнивал этот портрет с полотнами Ван-Дейка, а Стасов отзывался так:

«...Крамской написал тут лучший свой портрет, дал тут на свет лучшее свое создание... посмотрите пристальнее — и перед вами откроется глубокая, сложная, талантливая, полная энергии и сил натура. Всю внутреннюю душу и склад этого человека г. Крамской схватил с... изумительным мастерством...»

Толстой позировал Крамскому с удовольствием: он подружился с художником. Сам Лев Николаевич еще с молодости стремился «достигнуть высшей степени совершенства в музыке и в живописи». Для того, чтобы хорошо узнать живопись и живописцев, трудно было найти более удачного собеседника, чем глава передвижников. Получалось как бы двойное позирование: Крамской писал Толстого, но и Толстой «писал» Крамского: художник Михайлов из «Анны Карениной» во многом взят с Крамского. Кстати, пребывание последнего в Ясной Поляне совпадает с работой писателя над этим романом.

Теплое чувство к Крамскому не покидало Толстого, как художника он ставил его очень высоко. В одной из бесед Толстой предпочел его даже Репину.

Произведения Толстого имели неоценимое, первостепенное значение для передвижников, которые учились у великого писателя правде и глубине в изображении человека. Когда Верещагин работал в Париже над серией картин из русско-турецкой войны, он настоятельно просил Стасова поскорее выслать ему в Париж «Войну и мир».

Василий Иванович Суриков, с жадностью прочитывавший все, что писал Толстой, прислушивался к каждому его слову. Толстой не раз побывал у Сурикова, в свою очередь, живописец тоже посещал Толстого. Лев Николаевич, отличавшийся редкой наблюдательностью, смотрел «Утро стрелецкой казни». Картина в то время заканчивалась художником, которому Лев Николаевич сделал меткое замечание: руки стрельцов, держащие свечи, почему-то чисты. А между тем, когда стрельцов везли на казнь в тряских телегах, воск со свечей должен был им капать на руки. Суриков согласился с Толстым и поправил картину. Вспомним руку со свечой рыжебородого стрельца, как она мастерски написана!

Суриков с охотой пользовался советами Толстого. Обычно замкнутый, Василий Иванович в присутствии Толстого чувствовал себя свободно. Он подробно рассказывал Льву Николаевичу о своей будущей картине «Переход Суворова через Альпы», чего обычно никогда не делал.

Помимо Крамского и Сурикова, в самых добрых отношениях с Толстым были Перов, Поленов, Прянишников, К. Савицкий, Орлов, Касаткин, Ярошенко. Субботние вечера у Ярошенко посещались писателем, сделавшим о художнике трогательную запись в своем

дневнике. Касаткина Толстой называл «милым и чистым художником». Толстой был связан и со многими другими передвижниками, не говоря уже о Ге и Репине, бывших близкими друзьями великого романиста. При этом, как известно, и Репин, и Крамской, и большинство других передвижников, преклоняясь перед автором гениальных произведений литературы, отрицательно относились к его философии.

Репин познакомился с Толстым в 1880 году. Художник в полном восторге сообщал Стасову о тех замечаниях, которые сделал Толстой по поводу его эскиза «Запорожцев»: «В Запорожцах он мне подсказал много хороших и очень пластических деталей первой важности, живых и характерных подробностей. Видно было тут мастера исторических дел; я готов был расцеловать его за эти намеки... Да, это великий мастер».

Самая цель передвижных художественных выставок, воодушевлявшая их организаторов,— всемерное приближение живописи к народу — не могла не заинтересовать писателя. Толстой всегда считал, что как только искусство перестает быть искусством всего народа, оно становится никому не нужной забавой. Толстовская критика антинародного буржуазного искусства, несущего в себе признаки вырождения, смыкается с резкоотрицательным отношением к декадентскому направлению Репина, Стасова, Мясоедова и всех тех, кто стоял под знаменем передвижничества. Толстой критикует не только декадентство, он высмеивает и творчество импрессионистов. Бичуя современную ему упадочническую живопись Запада, восставая против ее проникновения в Россию, Толстой — о чем он писал и говорил неоднократно — в первую очередь ценил в художнике непосредственное вдохновение жизнью, оригинальность мысли, непреодолимую потребность сказать народу что-то очень важное. Вспомним знаменитое высказывание писателя о живописи Вронского («Анна Каренина»):

«У него была способность понимать искусство и верно, со вкусом подражать искусству, и он подумал, что у него есть то самое, что нужно для художника... Так как он... вдохновлялся не непосредственно жизнью, а посредственно, жизнью уже воплощенною искусством, то он вдохновлялся очень быстро и легко и так же быстро и легко достигал того, что то, что он писал, было очень похоже на тот род, которому он хотел подражать».

«Очень похоже» — убийственная ирония заключена в этих словах, которыми подводит Толстой черту под подражательским искусством. Любопытно привести близкую самому писателю мысль художника Михайлова — другого действующего лица «Анны Карениной»,— который, как мы уже говорили, во многом был взят с Крамского: «...самый опытный и искусный живописец-техник одною механическою способностью не мог бы написать ничего, если бы ему не открылись прежде границы содержания».

Содержание, идея были всегда путеводной звездой передвижников, умевших подчинить свое блистательное мастерство замыслу. Правдивое передвижническое искусство было по душе Толстому. Он неоднократно бывал в галерее Третьякова, посещал передвижные выставки, зачастую спешил поглядеть их до официального открытия. Если он случаем пропускал выставку, то всегда жалел об этом (можно упомянуть хотя бы письмо Стасову, где Лев Николаевич жалеет о том, что не видел новых полотен Мясоедова и Савицкого). Интересовался он и статьями Стасова. С ним писатель был также дружен.

Сохранился рисунок Л. Пастернака, изображающий Толстого на передвижной выставке. Лев Николаевич весь подался вперед, приблизил лицо к холсту, жадно вглядывается в него. Один из устроителей передвижных выставок,

Л. А. Пастернак. «Л. Н. Толстой на передвижной выставке 5.IV 1893 года». Рисунок. Государственный музей Л. Н. Толстого в Москве.

художник Я. Минченков, в своих воспоминаниях приводит отзывы Толстого, оброненные им во время такого посещения: «Он, как мужик: и голос у него корявый и одет неказисто, а орет истинно здоровую песню и с любовью...» — это похвала пейзажисту Волкову. Тогда же понравилась писателю картина Дубовского «Землекопы». «Хорошая вещь. Вот такими картинами надо будить совесть у людей»,— отозвался Толстой об этой картине. Она перекликается с полотном К. Савицкого «Ремонтные работы на железной дороге» (начатым летом 1873 года в Тульской губернии, где художник жил вместе с Крамским). Известно, что Толстой очень любил картины: Ярошенко «Всюду жизнь», Репина «Арест пропагандиста», крестьянские полотна Н. Орлова. По поводу репинского произведения «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 г.», увиденного на XIII передвижной, Толстой писал автору:

«Третьего дня был на выставке и хотел тотчас же писать Вам, да не успел. Написать же хотелось именно вот что — так, как оно сказалось мне: молодец Репин, именно молодец. Тут что-то бодрое, сильное, смелое и попавшее в цель... Хорошо, очень хорошо, и хотел художник сказать значительное, и сказал вполне и ясно, и, кроме того, так мастерски, что не видать мастерства. Ну, прощайте, помогай вам бог забирать все глубже и глубже».

«Так мастерски, что не видать мастерства» — гениальное определение настоящего искусства художника-реалиста.

Известно, что Толстой не раз возмущался цензурой, мешающей русским живописцам создавать великие вещи. Возможно, что одна из бесед его на эту тему вызвана была нападками, которыми встретила цензура появление репинского «Грозного», вскоре запрещенного к показу. Так же поступали чиновники-цензоры и со многими другими работами Репина, Перова, Ярошенко, Поленова. Между прочим, и портрет писателя кисти Репина, появившийся на XXIX выставке Товарищества вскоре после отлучения Толстого от церкви мракобесами, также был запрещен цензурой, испугавшейся оваций зрителей.

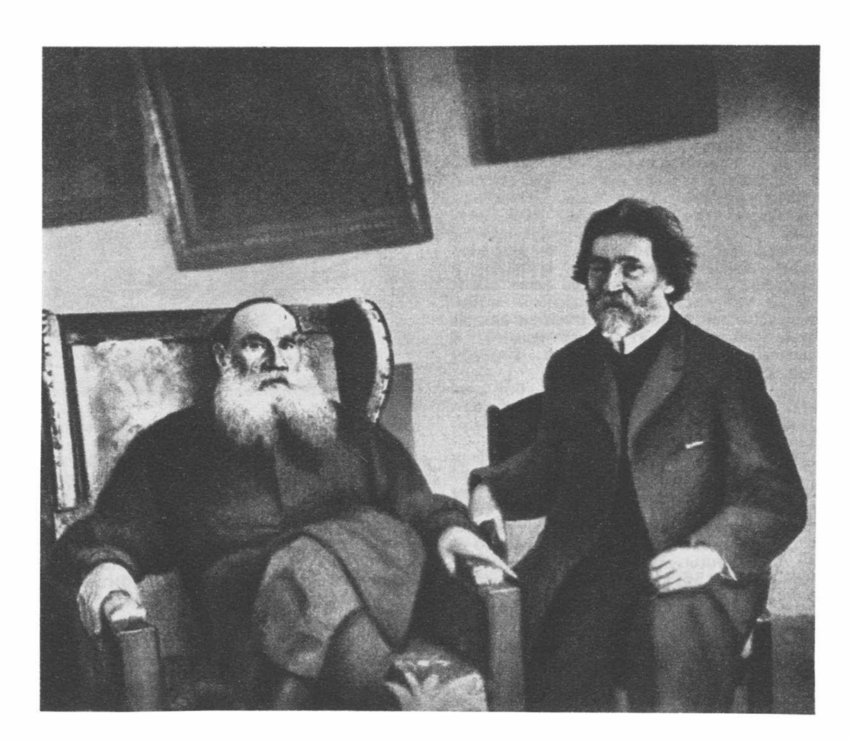
После успешной работы Крамского Толстой уже не избегал художников, желавших его писать. Обычно он не позировал специально, а читал в это время или писал.

Репин создал великолепную и неповторимую портретную галерею Толстого: Лев Николаевич за рабочим столом; за чтением, сидя в «дедовском кресле»; Толстой, смотрящий прямо на зрителя, и другой портрет, где он углубился в рукопись; тут и картины: «Пахарь. Л. Н. Толстой на пашне», «Толстой в яснополянском кабинете», «Л. Н. Толстой на отдыхе в лесу»; тут и семейный портрет писателя.

Помимо Репина и Крамского, Толстого писали живописцы Ге, Ярошенко, Похитонов, В. Н. Мешков и другие. Портреты Льва Николаевича, яснополянские пейзажи, иллюстрации к произведениям Толстого — постоянные экспонаты передвижных выставок.

Толстой и передвижники не могли не встретиться, точно так же, как не могли и не подружиться. Он любил передвижников, они его обожали.

Е. БРАГИНСКИЙ

Л. Н. Толстой и И. Е. Репин. Снято в Ясной Поляне в сентябре 1907 года. «Как мне хорошо жилось в Ясной Поляне!.. Столько было разнообразных людей, впечатлений и мыслей! Столько особенных эпизодов, так западающих в душу... И все это только аксессуары, только фон для главной фигуры. Маститый человек, с нависшими бровями, все сосредоточивает в себе и своими добрыми глазами, как солнцем, освещает все...» (Из письма Репина к дочери Толстого).

МЕДАЛИ СОВЕТСКИХ СПОРТСМЕНОВ

Две недели на зеленых полях и гаревых дорожках бухарестских стадионов, в бассейнах и на озерах, в гимнастических залах и на асфальте шоссейных дорог продолжались международные товарищеские состязания спортсменов, съехавшихся со всего света на Четвертый Всемирный фестиваль молодежи и студентов.

Это были поистине встречи друзей. Каждый успех спортсмена, кто бы он ни был: китаец или румын, русский или египтянин, немец или индиец — встречался всеми как общая победа.

Среди участников состязаний было немало чемпионов Европы и мира, мировых рекордсменов, победителей олимпийских игр. Не удивительно поэтому, что борьба за золотые медали была по-настоящему острой и в этой борьбе родилось множество национальных рекордов и несколько рекордов мира и Европы.

...Дается старт женским командам, борющимся за первенство в эстафетном беге 4 × 200. Этап за этапом советские атлетки увеличивают разрыв и проносят эстафету с отличным результатом: 800 метров за 1 минуту 36,4 секунды — всесоюзный и мировой рекорды. Второе место занимает команда ГДР. Судьи объявляют ее результат — 1 минута 37 секунд ровно. Немки поздравляют друг друга, с трибун их приветствуют соотечественники: в борьбе с победителями команда ГДР установила новый рекорд республики...

Замечательного успеха добилась советская легкоатлетка Александра Чудина. До этого мировой рекорд в пятиборье принадлежал голландской спортсменке Бланкерс-Коен и равнялся 4 826 очкам. Чудина показала хорошие результаты во всех видах: 200 метров она пробежала за 25,5 секунды, 80 метров с барьерами — за 11,6 секунды, толкнула ядро на 13 метров 42 сантиметра, взяла высоту в 1 метр 63 сантиметра и прыгнула в длину на 5 метров 81 сантиметр. Итог — 4 888 очков. Новый мировой рекорд!

Высокий класс показали во всех своих выступлениях советские гимнасты и гимнастки. Мужская команда Советского Союза набрала наибольшее количество баллов — 594,80 и заняла первое место, оставив на втором команду Чехословакии и на третьем — команду Болгарии. Абсолютным победителем стал чемпион XV олимпийских игр В. Чукарин. Второе место завоевал В. Муратов, третье — Е. Корольков.

У женщин победительницей оказалась Нина Бочарова. Второе и третье места также заняли советские спортсменки — Рудько и Муратова. Советские гимнастки заняли первое место в командном зачете.

В день финальных схваток боксеров стадион «Джулешть» был переполнен. Архитекторы рассчитывали это сооружение на 15 тысяч человек, но оказалось, что оно может вместить гораздо больше: ведь на каждом стадионе есть проходы, ступеньки и, наконец, коленки счастливчиков, успевших занять нормальные места. Одну пару боксеров сменяет другая, все бои проходят темпераментно. В число финалистов попали шесть советских боксеров. Четверо из них — Степанов, Соколов, Енгибарян и Дарбайсели — уверенно победили своих соперников. Команда Советского Союза завоевала 4 золотые и 2 серебряные медали и, набрав 50 очков, заняла первое место. На втором оказалась команда Румынии.

Команде гимнастов Советского Союза вручаются золотые медали.
Фото В. Савостьянова и В. Егорова (ТАСС).

Представительница Германской Демократической Республики У. Юревиц (слева) поздравляет П. Солопову с победой в беге на 400 метров. Справа — Н. Отколенко, занявшая второе место.

На пьедестале почета советский спортсмен Леонид Щербаков, занявший первое место в тройном прыжке в длину, рекордсмен Чехословакии Мартин Ржехак, завоевавший серебряную медаль, и представитель ГДР Фристер, занявший третье место.
Фото Дм. Бальтерманца.

В соревнованиях по классической борьбе советские спортсмены добились большого успеха. Семь из восьми золотых медалей достались представителям нашей команды.

Каждый день состязаний приносил командам Советского Союза новые успехи. Своеобразный рекорд установили советские штангисты. Они завоевали 8 золотых медалей из... 7 возможных. Дело в том, что в полусредней весовой категории выступали два советских спортсмена: В. Бондаренко и В. Степанов. Первый из них — в командном зачете, а второй оспаривал личное первенство. Бондаренко, набрав в сумме троеборья 380 килограммов, показал лучший результат в командном зачете и завоевал положенную за это золотую медаль, как и остальные шестеро его товарищей по команде. Однако Степанов показал результат на 5 килограммов больше, и судейская коллегия вынесла решение наградить и его золотой медалью за абсолютный рекорд в этой весовой категории.

Успешно выступили советские легкоатлеты. Ардальон Игнатьев быстрее всех пробежал 400 метров. Его время — 46,8 секунды — четвертый результат в нынешнем году во всем мире и второй в Европе. Замечательный советский бегун добился и еще одной победы: 200 метров он пробежал за 21,1 секунды. Эту дистанцию в нынешнем году никто в Европе быстрее не пробегал.

Е. Буланчик выиграл бег на 110 метров с барьерами. Мировая рекордсменка Галина Зыбина дальше всех толкнула ядро.

Финальный забег на 400 метров у женщин выиграла Полина Солопова, победившая немку Урсулу Юревиц, показавшую в дни подготовки к фестивалю лучшее время в мире на эту дистанцию — 55,7 секунды. В финале у Солоповой было 56,3 секунды, у Н. Отколенко, занявшей второе место,— 56,4. Юревиц осталась на третьем месте со временем 57,1 секунды.

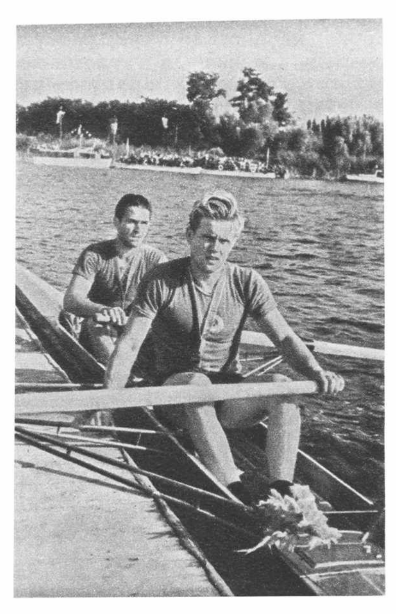
В метании копья первенствовал рекордсмен Советского Союза В. Кузнецов — 74 метра 76 сантиметров. Бег на 3 тысячи метров с барьерами выиграл Ф. Марулин.

Мужскую эстафету 4 × 400 в отличном стиле выиграла команда Советского Союза, показав время 3 минуты 10,8 секунды и установив, таким образом, новый всесоюзный рекорд.

Отличного результата в метании диска добилась советская атлетка Пономарева — 52 метра 63 сантиметра.

Успешно выступали советские спортсмены и на воде. В состязаниях по академической гребле, происходивших на озере Снагов, советские гребцы завоевали 35 золотых, 4 серебряные и 3 бронзовые медали. На байдарках и каноэ — 3 золотых, 8 серебряных и 2 бронзовые.

Ватерполисты Советского Союза вышли на первое место. Они имели равное с командой Венгрии количество очков — по 9, однако при определении победителя предпочтение было отдано советской команде, так как у нее оказалось лучшее соотношение забитых и пропущенных мячей — 33 : 4 против 28 : 7 у венгров.

В соревнованиях по академической гребле на двойке парной без рулевого на дистанции 2 тысячи метров первыми пришли советские спортсмены В. Багрецов и М. Плаксин.

Советский пловец В. Минашкин был первым в заплывах брассом на 100 и 200 метров.

333 медали — 202 золотые, 72 серебряные и 59 бронзовых — завоевали за две недели острой борьбы советские спортсмены. Они установили два мировых, два европейских и семь всесоюзных рекордов. Это большая победа.

Полные чувства братской солидарности со спортсменами всех стран мира покинули гостеприимную столицу Румынии участники международных товарищеских спортивных игр.

Драгоценная палочка

Новая повесть С. Георгиевской — это повесть об отрочестве советских ребят. Ее главный герой — ленинградский школьник Даня Яковлев. Непосредственность чувств и бурное их проявление — вот основа характера Дани. Он увлечен то марками, то Индонезией, то ботаникой, то археологией — увлечен до самозабвения, до страсти. Он переходит от увлечения к увлечению: мечется между физкультурным залом, музеем, сбором лома цветных металлов и поисками стоянки первобытного человека, между привязанностями к Саше Петровскому, Лиде Чаго и профессору археологии Елене Серафимовне, постепенно перестает готовить уроки, с пятерок и четверок опускается до троек и двоек, пока общие усилия классного воспитателя, отца, товарищей, Елены Серафимовны не заставляют его вернуться «в строй». С той же страстью, с какой Даня раньше собирал марки и тренировался в прыгании, он берется теперь за учебники и выходит победителем к концу года.

Таково в самых общих чертах содержание повести Георгиевской. Но пересказать повесть таким образом — значит обеднить ее, сузить. На самом деле в ней, как и в действительной жизни, не одна, а гораздо больше тем, органически переплетенных друг с другом.

У Дани есть товарищ Саша Петровский. Это спокойный, уравновешенный мальчик, добросовестно и толково исполняющий все, за что берется. Мальчиков связывает требовательная и плодотворная дружба. Но вот однажды Даня, обиженный кажущимся невниманием друга и тем, что на пионерском сборе Саша за него не «заступился», понапрасну осыпает его незаслуженными злыми упреками: «Э-эх, если бы хоть один раз... что-нибудь свалилось и на тебя... авось ты бы тогда научился понимать!»

Они поссорились... А из следующих глав мы узнаем, что Даня глубоко ошибся. Саша — сирота. Отец его погиб, защищая Родину, мать, коммунистка, осталась в городе, захваченном фашистами, для подпольной работы. Маму и Сашу приютила знакомая женщина, жена врача. Мама пряталась на чердаке, а Саша жил в детской вместе с ребятишками докторши.

«И вот один раз она вошла в комнату. Нет. Не вошла. Ее привели...

Те, кто привел, сказали:

— Который из детей?

Она молчала.

— Здесь все мои,— сказала профессорша.

А мама стояла молча, опустив голову, и лицо у нее было спокойное, но что-то дрожало под кожей, над губами...

Ее повели, и она прошла мимо всех, как будто задумавшись... Она шла по двору, ступая в снег своими крошечными валенками, и он не смел понять, что она уходит насовсем.

...Ах, Данька, я читал много книг про то, как коммунисты уходили на смерть. И мне всегда казалось, что это большие, сильные люди. А она была такая маленькая, и след ее валенок на снегу был похож на след девочки».

И тут сквозь эту тему непоправимого горя проступает с непреложностью не только логической, но и музыкальной другая нота, светлая: тема дружбы, великой преданности друг другу советских людей. У сашиной матери, Лины, в детстве была подруга Галя. Обе они выросли, оказались в разных городах, но дружбу сохранили. Глава, рассказывающая, как Галина Андреевна, приехав в только что освобожденную Одессу, разыскивает и находит маленького Сашу и он узнает ее по витому серебряному колечку на пальце, точно такому, какое было у его мамы,— одна из лучших в повести.

«— Шуня, милый, ты меня не узнал! — Ее голос дрогнул, рука беспомощно искала платок и не находила кармана. Мальчик внимательно следил за движением руки. На руке было серебряное колечко — витое серебряное колечко с бирюзой.

И вдруг он сказал:

— Нет, я узнал, вы тетя Галя.

Она нашла платок...

— Я приехала за тобой... Ты поедешь ко мне?..

— Да, — ответил он не сразу.— Мама говорила, что вы за мной приедете.

И тут она в первый раз заплакала навзрыд, потрясенная этим великим доверием— последним приветом умершего друга».

Так раскрывается главная тема, не тема даже, а само сердце книги: прочность дружбы, доверие к другу, уверенность, что он не предаст, не оставит в беде ни тебя, ни того, кто тебе дорог. Расширяясь и разрастаясь, тема дружбы преображается в тему преемственности идей и труда, связывающих поколения советских людей. Мы видим Елену Серафимовну, профессора-археолога, воспитавшего на своем веку десятки молодых ученых; и отца Дани Яковлева, старого рабочего-инструментальщика, передающего свои знания молодым рабочим; и опытных учителей той школы, где учатся Даня и Саша, терпеливо обучающих педагогическому мастерству преподавательскую молодежь.

Обе эти темы находят свое аллегорическое выражение в заключительной главе повести, там, где описывается физкультурная эстафета. Елена Серафимовна с волнением следит, как Даня несет вперед палочку — «эстафету». «Неси же, неси драгоценную палочку, мальчик! Неси ее, не чувствуя усталости...». «Может быть, от взмаха этой удивительной палочки вырастут новые города, сольются реки с морями, взлетит в небо первый снаряд межпланетного сообщения...»

Сложны, разнообразны, а порой и противоречивы характеры людей, представленных в книге: старшей пионервожатой Зои Феоктистовой, девушки хорошей, но по молодости лет излишне прямолинейной; учителя — проницательного и насмешливого Александра Львовича; матери Дани Яковлева... Мать Дани — женщина ограниченная, постоянно одолеваемая пустыми страхами, лишенная живого воображения и потому не умеющая сочувствовать увлечениям сына, но в то же время трогательно добрая, полная самоотвержения: в госпитале во время войны она отдавала кровь раненым («просто кровь, ничего другого у меня не было»). Отношения Дани с матерью составляют один из главных конфликтов книги. Даня любит мать, но относится к ней неуважительно, бывает с нею резок и груб, мучает ее своим молчанием, скрытностью. Период отрочества, трудный период роста, о котором повествует книга, завершается тем, что, потрясенный сашиной судьбой и сознанием собственной черствости, Даня научается относиться к матери по-другому.

Кроме школьников и учителей, родителей и профессоров, есть в этой книге еще герои. Это свет и звук, снег, море и ветер, небо, голуби, деревья и травы. Автор не занимается специальными описаниями природы, но свежее и острое восприятие ветра, рокота моря, предвечернего солнечного луча постоянно присуще и ему самому и его персонажам. Мы узнаем, что небо «на юге темное, теплое, как будто байковое, и вниз от него бежит тепло», что там, на юге, «все звенит и стрекочет в ночной тишине, да так звонко, что кажется, будто это жесткая, желтая трава ожила и поет». Мы узнаем, что голуби, которые сперва так лениво и неохотно покинули дом, отведав высоты, не желали «расстаться с вдохновением полета», что от смолкнувшей музыки в воздухе остается след, как «от дыма только что погашенной папиросы».

И за эту поэтическую свежесть восприятия мира, не покидающую автора, говорит ли он о мальчиках или о море, о суровом мужестве героев или о любви и верности, за тот юмор, которым пронизаны лирические сцены, и за лиризм, пронизывающий все повествование в целом, за крупность мыслей и чувств, положенных в основу книги, читатель простит повести ее недостатки. А не заметить их нельзя. Все они весьма органичны, то есть являются обратной стороной достоинств, присущих художественной манере автора. Стремясь показать душевный мир героев во всем богатстве, Георгиевская нередко заставляет их углубляться в себя, вспоминать: Зоя, которую директор упрекнул в недоверии к матерям пионеров, вспоминает собственную мать, погибшую во время блокады; Александр Львович, учитель, глядя в окно во время урока, вспоминает бои; Саша вспоминает море и детство, а Даня погружается в воспоминания чуть ли не каждую минуту. Эти воспоминания придают рассказу глубину и многоплановость, но в то же время местами тормозят развитие действия. А действие и без того развивается в книге замедленно, недостаточно четко; некоторые главы сильно растянуты, например, глава о погрузке лома.

Юмор, которым проникнуты лирические сцены, спасает их от слащавости, от сентиментальности; так, трогательно и в то же время чуть смешно объяснение в любви между Озеровским и Зоей. Но порою способность счастливо сочетать юмор с лиризмом покидает автора, и тогда читателю начинает казаться, что капель в зоиных воспоминаниях о матери каплет слишком уж назойливо, весенний день слишком уж наряден. Есть в повести попросту невыразительные, неудачные места. Таков, например, рассказ Елены Серафимовны о работе археологов. Рассказ этот, по замыслу автора, должен увлечь Даню, но он скучен и потому никого увлечь не способен.

Читатель пожелает автору, подготовляя книгу к отдельному изданию, избавить ее от этих недостатков, но вольно или невольно извинит их, захваченный, если можно так выразиться, говоря не о птице, а о книге, — захваченный и побежденный «вдохновением полета».

Лидия ЧУКОВСКАЯ

С. Георгиевская. Отрочество. Повесть. «Новый мир». №№ 3, 4. 1953.

Стихи Николаса Гильена

Николас Гильен — один из крупнейших современных поэтов, известный борец за мир, верный сын кубинского народа. В его стихах слышится голос народа, униженного, страдающего под иностранным ярмом, но непокоренного.

Моя родина кажется
сахарной,
но сколько горечи в ней!
Моя родина кажется
сахарной,
она из зеленого бархата,
но солнце из желчи над
ней.

Боль и гнев не живут порознь в стихах Гильена. Они неразлучны, как верные друзья, до тех пор, пока печальная зеленая Куба стонет под чужеземным игом. Нет у Гильена стихов-жалоб. В самых печальных его стихах — скрытая угроза поработителям. И есть в них надежда. В поэте всегда живут сила и вера народа, его исторический оптимизм:

Некоторые плачут от обид,
а я смеюсь смело:
это мой щит,
мои стрелы,—
я смеюсь смело.

Он знает, что ножи, которыми срезают тростник, остры, очень остры. Он знает, что сегодняшние рабы могут прозреть завтра. Он знает, что «гордые люди», которые сегодня попирают его родину, завтра сойдут с арены истории: «они меня потому и не любят, что я приду их отпевать». Голосом Гильена говорит народ, которому принадлежит будущее.

Гильен страстно любит свою родину, где пальмы растут на крови, где «слезы — вода голубая». Он любит своих братьев, людей, которые «умерли до того, как жили», людей, которые не видят солнца, хотя оно «для каждого светит». Он очень любит песни своего народа, сама его поэзия выросла из песни, он любит родной язык. И, может быть, поэтому ему особенно неприятно звучание трех английских слов: «Янки, гоу хоум!»

В разделе «Песни для солдат и звуки для туристов» Гильен советует солдату научиться стрелять вверх, если его заставят направить дуло в своих братьев. Он протягивает руку дружбы «голи Нью-Йорка». Солдат Интернациональной бригады, сражавшейся на полях Испании против фашистов, Гильен знает цену международной солидарности тружеников. Об этом говорят стихи «Пасионарии» и «Китайская песня на два голоса» — остроумная песенка-диалог между богатым китайцем, мечтающим о реставрации старого режима, и поэтом.

Гильен — большой мастер стиха. О его поэзии хорошо сказал Илья Эренбург во вступительной статье к сборнику стихов Гильена: «...изумительный сплав: в ней сложность, строгость, зрелость старой испанской поэзии и в ней непосредственность, страсть, живость негров».

Емкость слова — вот самое значительное качество Гильена как поэта. Чем потрясают такие его стихи, как «Труд и кнут», «Маленькая пловдивская баллада», «Когда я пришел на эту землю» и другие? Кажется, элементарным приемом: повторением одних и тех же слов, но самых главных, единственно необходимых. Это приводит не к однообразию тона, а к обогащению подтекста. Содержание расширяется, вырастая из новых, неожиданных комбинаций повторяющихся строк. Ритмическое строение таких стихов своеобразно. Оно ведет свою родословную от негритянских песен-заклинаний.

Американский моряк —
хорошо! —
в харчевне порта —
хорошо! —
показал мне кулак —
хорошо! —
Но вот он валяется
мертвый —
американский моряк,
тот, что в харчевне порта
показал мне кулак.
Хорошо!

Выбор слов для повторов всегда предельно мотивирован психологически. «Кнут, труд и кнут». Этот рефрен обрамляет строфы стихотворения о непосильном труде негра, который не выдержал и убил господина. Слова падают грузно, тяжело, как удары бича. Они повторяются упорно,— кажется, в воспаленном мозгу изможденного труженика живет одна неотвязная мысль. Других нет. Все оставшиеся силы сознания прикованы к этому главному: «Кнут, труд и кнут». Гильен в каждом стихотворении создает такой смысловой фокус впечатления, закрепленный музыкально, ритмически. Стихи его напоминают тугую пружину, которая не может не распрямиться. И потому эмоционально подготовленным оказывается гневный взрыв: «Кровь сказала ему: идем!».

И тогда звучит ликующий конец:

кнут,
труд и кнут,
но кровь — это
кровь господина,
но кровь — это кровь
господина.

У большого поэта слова шире по смыслу, нежели те же слова в речи обыденной. Одно и то же слово «кровь» в первом случае — образ гнева (мы говорим: «кровь бросилась в голову»), во втором — образ возмездия (пролилась кровь врага).

Поэзия Николаса Гильена целенаправленна, она проникнута чувством громадной личной ответственности за судьбу человека. В этом ее неумирающая прелесть. Такая поэзия всегда в гуще жизни, на дорогах мира:

Я гляжу, как люди
приходят,
как люди уходят
в славе или в обиде.
Я иду по дороге.
Нужно глядеть, чтобы
видеть,
нужно идти по дороге.

Владимир ОГНЕВ

Николас Гильен. Стихи. Перевод с испанского. Издательство иностранной литературы. М. 1952. 89 стр.

Испорченная обедня

Арк. ВАСИЛЬЕВ

Рисунки Ю. Федорова.

По ведомости на заработную плату Федор Федорович Притыкин числился референтом. Но это была, так сказать, только внешняя оболочка. Обязанности Притыкина были гораздо шире: он редактировал всю словесную продукцию начальника облместпрома Якова Максимовича Швыркина: доклады, речи, выступления, служебные записки, проекты и приказы. Кто-то однажды назвал Федора Федоровича «чиновником особых поручений». Прозвище настолько прилипло к Притыкину, что даже сам он с чуть заметной гордостью говорил о себе:

— Состою для особых поручений при Якове Максимовиче.

Из всех особых поручений Притыкину лучше всех удавалась организация совещаний и собраний. Сказать, что Федор Федорович любил это занятие, было бы вопиющей недооценкой: он не любил, а обожал его. Узнав о предстоящем хозяйственном активе или конференции стахановцев, Притыкин преображался. Обычная походка вразвалочку сменялась стремительным скольжением. Он носился, как угорелый, никого не видя и никого не замечая. Хлопот у него действительно было много.

И на этот раз действие, как всегда, началось в кабинете начальника. Яков Максимович, перелистывая большой настольный календарь, сказал:

— Через пять дней по плану совещание с активом. Обеспечь!

— Доклад новый будете излагать или тот, что стахановцам читали?

— Поднови. Билеты закажи в исполкомовской типографии. У них глянцевый картон есть, а то прошлый раз не билеты, а какой-то утиль подсунули.

— Слушаю-с. Золотом или черным по белому?

— Смотри сам. Если смета выдержит, позолоти. Теперь о выступлениях в прениях. С меховой фабрики пусти Горелкина.

— Он же три раза подряд выступал.

— Не беда. Говорун опытный. Пусть еще раз послушают. С кроватной фабрики Лисицина заряди. Нет, лучше Сапогова: у него дикция поприятнее. Из мебельной мастерской подготовь Крякина. Из зеркальной давай женский пол пустим, а то опять скажут, что мы инициативу женщин сковываем. Кто у них там поголосистее?

— Татьяна Гранаткина.

— А не подведет? Лишнего не наговорит?

— Отдельно подрепетирую. Девушка толковая. Второй год в драмкружке состоит. Сейчас Лизу в «Горе от ума» готовит.

— Смотри, как бы эта актриса нам всю обедню не испортила. Всё! Можешь идти. Впрочем, постой. Не забудь сказать Стрелкову с пивного завода, чтобы он для президиума буфет как следует организовал, а то опять, как в прошлый раз, прикатит бочку своего пива. Пусть сам его пьет. Напомни ему про бутылочное.

Слегка подновив доклад, Притыкин целый день диктовал машинистке тексты выступлений в прениях. Затем он принимался за самих ораторов. Церемониал при этом был всегда одинаков и несложен. Если намеченная жертва использовалась впервые, Федор Федорович тоном, не терпящим возражений, предлагал:

— Вы выступаете тотчас же после Якова Максимовича. Больше выразительности. Обращайте внимание на знаки препинания. Давайте пройдемтесь по тексту. Раз, два — начали!

С опытными ораторами хлопот было меньше. Федор Федорович давал им директивы по телефону:

— Приходи за полчаса. Я тебе твои мысли коротенько оформил.

Понятно, что много было строптивых. Они отказывались «декламировать» с трибуны притыкинские шпаргалки. Выслушав возражения, автор торопливо прятал заготовленный текст в папку и холодно цедил:

— Ваше дело. Была бы честь предложена.

Находились колеблющиеся. С ними Федор Федорович обращался ласковее:

— Мы вас готовим для затравочки, а то жди, пока народ расшевелится.

Но чаще всего случалось, что прения кончались на «затравочных» и на штатных ораторах. За этим внимательно следил сам Яков Максимович. Он сидел в середине президиума и изредка обводил зал строгим взглядом, словно спрашивая:

— А ну, кто еще рискнет?

От риска мало было толку. Выслушав подшефных Притыкину декламаторов, Яков Максимович, не обращая внимания на летевшие из зала записки, вставал и подводил итог:

— Поступило предложение прекратить прения. Я думаю, ввиду позднего времени стоит поддержать. Пора и спектакль смотреть.

И на этот раз все шло по расписанию. Пригласительные билеты были напечатаны золотом. В одной из артистических уборных, временно превращенной в буфет для президиума, на круглых столиках потели холодные бутылки «мартовского» и «жигулевского». В оркестре сидели музыканты из клуба швейников.

Пока Яков Максимович жевал свой доклад, Притыкин собрал заготовленных ораторов в буфете для последнего инструктажа.

— Яков Максимович кончит ровно в шесть.

— А вдруг затянет?

— Не затянет. У меня по минутам проверено. Первым пойдет Горелкин, затем Сапогов. А где Гранаткина?

— В зале сидит.

— Пусть сидит. Она пойдет третьей. А ты, Крякин, четвертым. Ясно? Можете выпить по бутылке «жигулевского», но не больше. А тебе, Крякин, советую воздержаться, а то опять, как пономарь, без знаков препинания будешь читать.

Ровно в шесть часов Яков Максимович под еле слышные, жиденькие аплодисменты переместился с трибуны в середину президиума. Спросив ради формы, нужен ли перерыв, он тотчас же объявил:

— Слово имеет товарищ Горелкин.

Горелкин, поднявшись на трибуну, разложил свои тезисы и, повернувшись в сторону кулис, важно сказал:

— Попрошу водички, а если можно, чаю. Желательно с лимоном.

Это была единственная собственная фраза, которую Федор Федорович разрешил ему произ-

носить. Дальше шли притыкинские консервоизречения.

— Дорогие товарищи! Мы, и я в том числе, с большим удовлетворением выслушали доклад нашего уважаемого Якова Максимовича. Все мы, в том числе и я, должны тщательно взвесить слова Якова Максимовича, разобраться в их существе. Я, возможно, ошибаюсь, но меня, конечно, поправят. На мой взгляд, существо слов Якова Максимовича...

В зале стало шумно, как в школе во время большой перемены. Но это мало смутило привычного оратора.

— Я повторяю, товарищи: существо слов Якова Максимовича в их, я бы сказал, объективности, правильной оценке истинного положения. Возьмем, к примеру, нашу меховую фабрику...

Горелкина провожали с большим воодушевлением — от радости, что он кончил. Он еще не успел дойти до свободного, забронированного для почетных гостей первого ряда, как председатель объявил:

— Слово имеет товарищ Сапогов. Приготовиться тов. Гранаткиной.

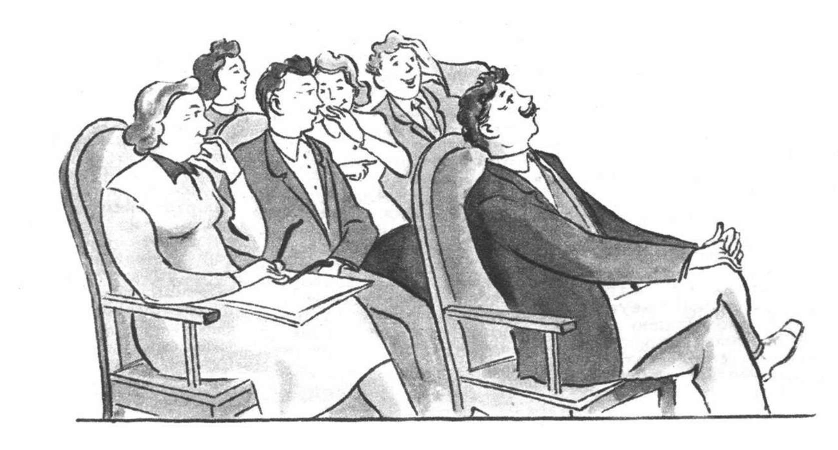
Федор Федорович, как заправский помощник режиссера, слегка подтолкнул очередного диктора в спину:

— Не торопись!

Сапогов, отодвинув стакан чая, поставленный для предыдущего оратора, начал речь без всякой отсебятины:

— Дорогие товарищи! Мы, и я в том числе, с большим удовлетворением выслушали доклад нашего уважаемого Якова Максимовича. Все мы, в том числе и я, должны тщательно взвесить слова Якова Максимовича...

Первой, не выдержав, звонко, на весь зал расхохоталась Таня Гранаткина. Затем смех пошел по

рядам волнами. Его, казалось, можно было видеть, он гулял, как белые барашки перед штормом. А Сапогов, ничего не замечая, молитвенно сложив руки, нараспев читал речь, только что произнесенную Горелкиным.

— Я повторяю, товарищи: существо слов Якова Максимовича в их, я бы сказал, объективности, в правильной оценке истинного положения. Возьмем, к примеру, нашу меховую фабрику.

Произнеся слово «меховую», Сапогов удивленно посмотрел на лежавший перед ним листок с таким видом, точно его укусил скорпион. Впрочем, он тотчас же поправился:

— Извиняюсь, товарищи. Я хотел сказать: возьмем, к примеру, нашу кроватную фабрику.

А зал уже кипел от смеха. Откуда-то с балкона крикнули:

— Крой, Сапогов! Это легче.

Но речь у Сапогова явно не клеилась. Заикаясь, он читал:

— Как известно, сырьем для нашей фабрики являются овчины и шкурки, из которых мы вырабатываем меховые... кроватные изделия.

Из зала донеслось:

— Прекратить! Долой!

Яков Максимович поднялся во весь свой могучий рост:

— По требованию собрания лишаю вас слова! Объявляется перерыв.

В перерыве все и объяснилось. Федор Федорович очень бережно относился к своему литературному наследству. Все, что он писал для ораторов, он просил машинистку печатать в четырех экземплярах. Один отдавал действующему лицу, второй — Якову Максимовичу для сведения и два оставлял себе — на память. Впопыхах он всучил всем выступающим один и тот же текст. А ораторы, занятые пивом, не доглядели.

После перерыва Яков Максимович сухо объявил:

— Прошу извинить за недоразумение. Слово имеет товарищ Гранаткина.

Таня начала речь, став около стола президиума.

— А по-моему, вы напрасно принимаете это за недоразумение. У вас такая система — со шпаргалками ораторов выпускать. И мне было подсунули, да я вовремя разобралась. Вижу, что-то про меха да про шкурки, и все в мужской манере: «я сказал», «я видел», «я понял».

Таня скомкала листок и бросила его за кулисы.

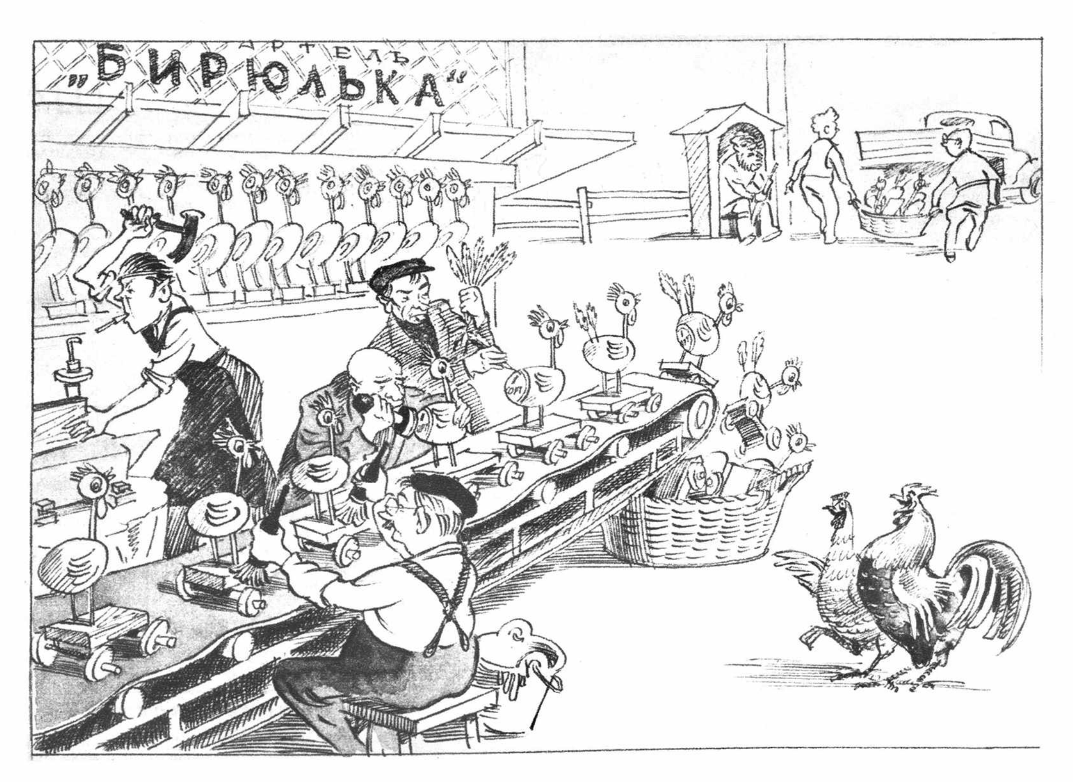
— Позвольте поговорить по душам. Начистоту...

В зале было тихо-тихо. Как в поле перед грозой.

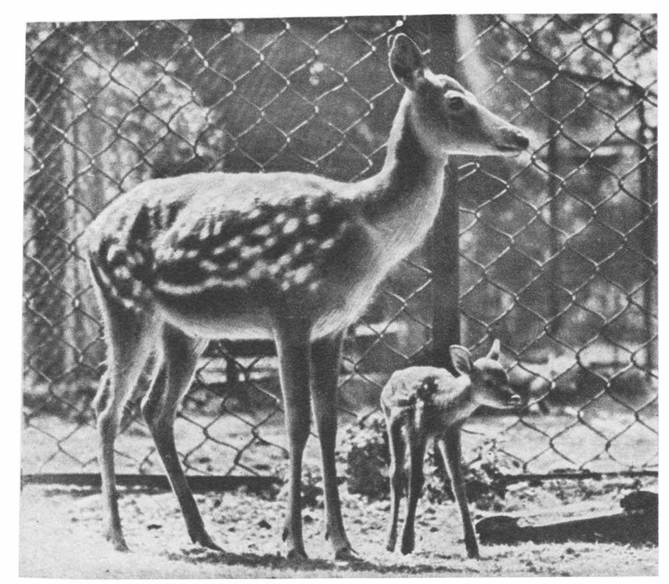
Некоторые новые дома годами остаются без архитектурно-скульптурного оформления, нарушая общий ансамбль квартала.

-Милочка, ты так простудишься, возьми халат...
-Аничка! Подай мне новую книгу, я эту уже прочитал.
-Елена Иванна, уже пора вашему мужу заместо геркулеса стоять!..

В ПОРЯДКЕ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ... Рисунок И. Семенова.

— НУ И ПЕТУШКИ!.. КУРАМ НА СМЕХ! Рисунок Ю. Черепанова.

Новорожденный олененок

Нередко дикие животные, попав в неволю (например, в зоопарк), даже если их содержат там в хороших условиях, длительное время, а иногда и совсем не дают потомства. Размножение диких животных в неволе представляет научный интерес и имеет большое практическое значение.

Основываясь на положениях передовой советской биологии, наши ученые — звероводы, зоотехники — достигли серьезных успехов в разведении ценных диких животных.

На многочисленных фермах хорошо размножаются норки, лисы, соболи, куницы. В оленеводческих хозяйствах созданы крупные стада пятнистых оленей и маралов, из пантов которых извлекаются весьма ценные вещества для изготовления лекарственных препаратов.

Над проблемой размножения диких животных в неволе многие годы работает коллектив сотрудников Московского зоопарка. Здесь в свое время под руководством профессора П. А. Мантейфеля впервые в мире было достигнуто размножение соболей. В последние годы дважды получен приплод от слонов, регулярно размножаются бегемоты, антилопы, ягуары, львы, павлины, фазаны, многие виды оленей.

На снимке — самка пятнистого оленя с новорожденным олененком.

И. СОСНОВСКИЙ,
директор Московского зоопарка
Фото Ан. Анжанова.

Иностранный юмор

Один «честный» доллар...

Жулик, неоднократно судившийся, предстал вновь перед судом в штате Техас (США). Судья спрашивает его:

— Случалось ли вам когда-нибудь в жизни заработать честным путем хотя бы один доллар?

— Конечно! — воскликнул, нагло ухмыляясь, жулик.

— Каким образом?

— А я на последних выборах судей голосовал за вас.

(«Фришер винд»)

Полезное уточнение

В городе Бамберге (Западная Германия) в кафе два американских солдата расхваливали порядки в США. Один из них сказал при этом:

— Мы, американцы, относимся легко к жизни...

Немец, слушавший эти слова, сухо заметил:

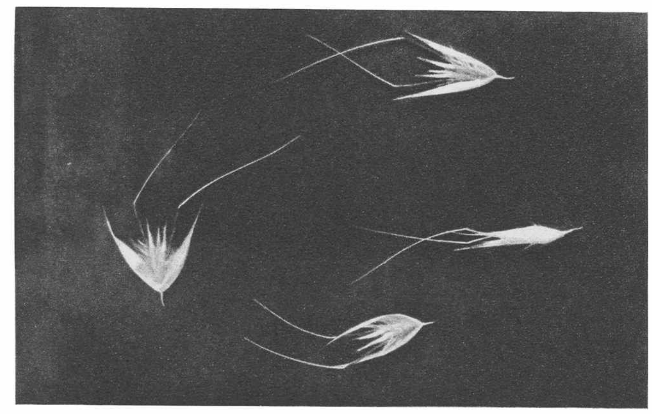
— Особенно, если это чужая жизнь...

Только понимают...

Вернувшийся из Японии житель Нью-Йорка рассказал, что видел в витрине большого книжного магазина в Токио следующую надпись: «Здесь говорят по-английски и понимают по-американски».

(«Нойе берлинер иллюстрирте»)

Ползающие семена

— Ребята, полейте, пожалуйста, вот этот цветок,— сказал Федор Михайлович Зорин, известный сочинский селекционер, кандидат сельскохозяйственных наук, обращаясь к своим помощникам — юным натуралистам.

Цветок рос в большой кадке на трех деревянных ножках, стоявшей в углу кабинета ученого. Ребята бросились выполнять просьбу своего учителя, и кто-то из них второпях пролил воду на пол. Ее струйки поползли под кадку. Федор Михайлович собирался сделать ребятам замечание, но ждал, когда струйки пролитой воды вытекут из-под кадки с другой стороны.

Прошло пять, десять секунд, а вода не появлялась... Вдруг из-под кадки вместо струи пролитой воды показались какие-то живые существа.

— Ребята, что это за насекомые выползли? — спросил Федор Михайлович и привстал из-за стола.

Юннаты обернулись и замерли в изумлении. Из-под кадки, медленно переваливаясь с боку на бок и как бы корчась в предсмертных судорогах, ползли...

— Да это не насекомые, Федор Михайлович! — закричали юннаты, наклонившись к полу.— Это какие-то семена! Вот посмотрите.

Ребята положили эти живые семена на стол селекционеру. Длинные коленчатые ости их, похожие на ноги диковинных насекомых, еще шевелились, пытались упираться в поверхность стола, но, обессилев, вытянулись и затихли.

Это оказались семена злостного сорняка овсюга. Они «ожили» и задвигались под влиянием пролитой на них воды.

Вооруженные множеством золотистых волосков и двумя длинными, туго закрученными коленчатыми остями, на которых имеются продолговатые боковые бороздки, семена овсюга, как и некоторых других растений, например, ковыля, герани, смоченные водой, обретают изумительную способность передвигаться, забиваться под комья, ввинчиваться в трещины земли. Движение вызывается раскручиванием остей, когда через боковые бороздки внутрь их на ткани, способные расширяться и сокращаться, попадает влага.

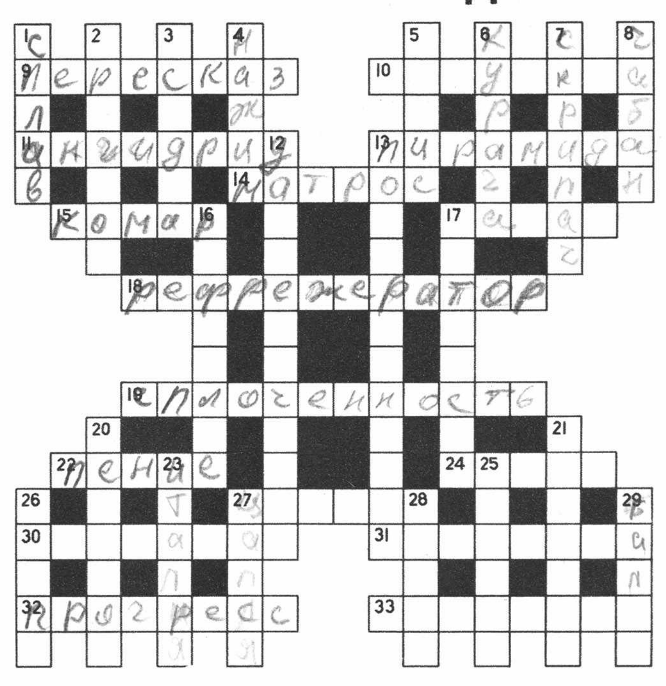
Высыхая, ости закручиваются вновь, и семена при повторных увлажнениях возобновляют свое движение.

Обилие семян (овсюг рассевает на одном гектаре поля до 70 миллионов зерен), а также их изумительная приспособленность к передвижению делают этот сорняк особенно опасным для полей.

И. ЗАЙЦЕВ

Сочи.

КРОССВОРД

По горизонтали:

9. Изложение содержания. 10. «Уездный франтик» в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин». 11. Соединение какого-либо элемента с кислородом. 13. Многогранник. 14. Военно-морское звание. 15. Двукрылое насекомое. 17. Главное действующее лицо одного из рассказов В. Г. Короленко. 18. Судно или вагон-холодильник. 19. Цельность, единство. 22. Исполнение вокального произведения. 24. Садовое декоративное растение, цветок. 27. Город в Узбекистане. 30. Определенная ступень в развитии общества. 31. Препарат, употребляемый для дезинфекции. 32. Процесс перехода в более совершенное состояние. 33. Украшение.

По вертикали:

1. Вещество, полученное от смешения нескольких металлов. 2. Заключение, вывод. 3. Глубина погружения судна. 4. Воздействие. 5. Город в Черниговской области. 6. Сушеные абрикосы. 7. Музыкант. 8. Работник животноводства. 12. Изменение, разрушающее сходство. 13. Народный артист СССР. 16. Обработка поверхности для придания ей шероховатости. 17. Блуза. 20. Повторение в музыкальной пьесе какого-либо раздела ее. 21. Стихотворная форма. 23. Европейское государство. 25. Представитель западнославянского народа. 26. Область, пределы распространения. 27. Болотная птица. 28. Ядро кокосового ореха. 29. Исчисление расходов и доходов.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 34

По горизонтали:

5. Кадр. 9. «Клоп». 10. Диагностика. 11. Фара. 13. Ткач. 15. Вахтангов. 17. Адлер. 18. Кобра. 19. Залив. 21. Пескарь. 22. Портшез. 24. Дрофа. 25. Орион. 27. Отлив. 28. Вариометр. 29. Гуно. 32. Лист. 34. Знаменатель. 35. Руно. 36. Елец.

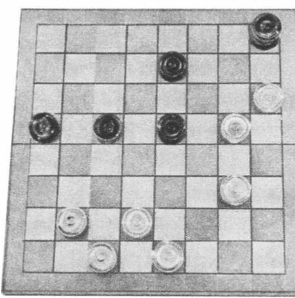
По вертикали:

1. Кама. 2. Дрда. 3. Скат. 4. Лоза. 6. Сахар. 7. Ковалло. 8. Чирок. 12. Рододендрон. 14. «Коробейники». 15. Великатов. 16. Вольтметр. 19. Заряд. 20. Виола. 23. Колонна. 26. Наган. 27. Отсек. 30. Уруп. 31. Озон. 32. Льеж. 33. Снег.

ШАШКИ

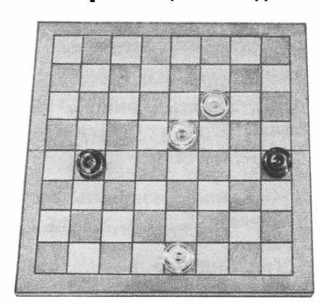
под редакцией мастера Г. Я. Торчинского

КОНЦОВКА
Адамович (Ленинград)

Белые начинают и выигрывают, запирая черную дамку.

ЭТЮД
Г. Маркосов (Кисловодск)

Белые начинают и выигрывают.

В этом номере на вкладках: иллюстрации художника А. В. Ванециана к роману Л. Н. Толстого «Анна Каренина» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А 05031. Подп. к печ. 25/VIII 1953 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 550 000. Изд. № 631. Заказ № 2056. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Города Донбасса

Проспект имени Н. С. Хрущева в Горловке.
Фото С. Раскина.

Новые жилые дома в городе Сталино.
Фото Е. Халдея.

Цена 3 руб.
СССР